

ОДИН
ЖУНЦ

ГОРОД
МЕРТВЫХ

Annotation

Идет война против человечества. Когда небольшой городок Райнбоу Фалс в штате Монтана попадает в осаду, выжившие жители решают собраться с последними силами и начать страшную борьбу против существ, разгуливающих по всему миру... Виктор Франкенштейн намерен изменить будущее с помощью ошеломляющего количества своих могущественных и ужасных помощников. Жители города изучают его план. И, несмотря на превосходящие темные силы противника, вступают в последнюю схватку...

- [Дин Кунц](#)

-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

- [64](#)
- [65](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)

- [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
-

Дин Кунц

Город мертвых

© Dean Koontz, 2011

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

*Памяти Гилберта К. Честертона,
преподнесившего мудрость и суровые истины в самой
привлекательной из упаковок, по-доброму и с улыбкой
меняя бесчисленные жизни.*

*Люди способны бесконечно долго не замечать вещи,
когда они достаточно велики. Так сложно даже
увидеть мир, в котором мы живем.*

Г. К. Честертон

Перепуганный, с вытаращенными глазами, Уоррен Снайдер застыл в кресле своей гостиной. Он сидел скованно, с прямой спиной, руки лежали на коленях ладонями вверх. Правая кисть то и дело подергивалась. Рот был слегка приоткрыт, и нижняя губа дрожала почти непрерывно.

На его левом виске блестела серебристая бусина. Круглая и гладкая, как шляпка декоративного обойного гвоздя, она походила на неуместную серьгу.

На самом же деле бусина была набита электроникой, наносхемами и являлась своего рода головкой гвоздя, видимой частью игльно-тонкого зонда, которым выстрелили в его мозг из устройства, напоминающего пистолет. Мгновенная химическая коагуляция^[1] плоти и кости предотвратила кровотечение.

Уоррен безмолвствовал. Ему было приказано хранить молчание, и он утратил силы к сопротивлению. Он не шевелился, если не считать в равной мере произвольные подергивания и дрожь, даже не менял своего положения в кресле, поскольку ему было велено сидеть и не двигаться.

Взгляд мужчины метался из стороны в сторону между двумя точками, на которых он сфокусировался: его женами.

Джуди Снайдер с серебряной бусиной на левом виске и глазами, остекленевшими, как у метамфетаминового наркомана, сидела на диване, сдвинув колени и мирно сложив на них руки. Она, в отличие от своего мужа, не дергалась и не дрожала. Джуди, похоже, не знала страха, возможно, потому, что зонд повредил ее мозг иным способом.

Вторая Джуди стояла у окна гостиной, выходящего на улицу, и попеременно вглядывалась то в снежную ночь, то с презрением в двух своих узников. Тех, что принадлежали к роду губителей этой земли. Вскоре этих двоих уведут прочь, словно овец, для воспроизводства и переработки. И однажды, после того как последние представители рода человеческого будут уничтожены, мир станет практически раем, каким когда-то задумывался или когда-либо мог стать.

Эта Джуди не являлась клоном сидящей на диване, ничем не походила на одну из примитивных мясных машин, которыми и были все люди. Ее создали по образу и подобию оригинальной Джуди, но эта иллюзия рассыпалась бы, если бы врачи принялись проверять ее внутреннее строение и природу плоти. Она была создана за несколько месяцев,

запрограммирована и выпущена – «рождена» – уже взрослой, в Улье, глубоко под землей. Создатели Джуди не вкладывали в нее никакого дао, кроме определенной программы, она не имела иллюзии по поводу того, что обладает свободой воли, не несла никаких обязательств и прочего перед высшей силой любого рода, за исключением Виктора Лебена, настоящая фамилия которого – Франкенштейн. Кроме того, она не ждала иной участи и к другой жизни не стремилась.

Сквозь раздвинутые занавески искусственная Джуди наблюдала за тем, как высокий мужчина переходит засыпанную снегом улицу, сунув при этом руки в карманы пальто и запрокинув голову к небу, будто наслаждаясь погодой. Он подошел к дому по главной дорожке, игриво взметая ногами маленькие облачка снега. Джуди не могла видеть его лица, но решила, что молодой человек, вероятно, девятнадцатилетний сын этой семьи, Эндрю Снайдер. Примерно в такое время родители ждали его возвращения домой с работы.

Джуди опустила занавески и прошла через гостиную в фойе. Услышав шаги Эндрю на крыльце, открыла дверь.

– Энди, – сказала она. – Я так волновалась.

Стряхивая ботинки, чтобы оставить их на крыльце, Эндрю улыбнулся и покачал головой.

– Мам, ты слишком много волнуешься. Я же не поздно.

– Нет, не поздно, но сегодня вечером в городе творятся жуткие вещи.

– Что именно?

Стоило Эндрю, оставшемуся в носках, шагнуть в фойе, репликант^[2] Джуди закрыла дверь, повернулась к нему и начала расстегивать его пальто. С лучшей имитацией материнской заботы, на которую была способна, она сказала:

– Ты замерзнешь до смерти при такой погоде.

Стягивая с шеи шарф, Эндрю снова спросил:

– Какие жуткие вещи?

Парень недовольно и недоумевающе хмурился, словно ее возня с его пальто была ей совершенно не свойственна.

Расстегивая пуговицы, она поворачивала его до тех пор, пока дверь в кабинет не оказалась вне поля его периферического зрения.

– Все эти убийства. Это ужасно, – сказала она.

Особо внимательно взглянув на нее, Эндрю спросил:

– Убийства? Какие убийства?

Пока он говорил, из кабинета бесшумно выскользнул его репликант, приблизился к нему и, прижав дуло мозгового зонда к левому виску Эндрю,

мгновенно спустил курок.

Лицо молодого человека исказилось от боли, но лишь на мгновенье. Затем его глаза расширились от ужаса, хотя лицо расслабилось, приобретая выражение, подобное тому, какое бывает у лежащих в коме.

– Иди со мной, – сказал репликант Эндрю и повел своего тезку в гостиную. – Сядь на диван.

Эндрю Снайдер, на виске которого каплей ртути дрожала серебристая бусина, подчинился.

Если бы репликант Эндрю решил сесть напротив реального и снова нажать на курок, пистолет не выстрелил бы еще одним пронизывающим череп дротиком. Второй выстрел был бы телеметрической командой, инициирующей трансмиссию от введенной иглы к модулю для хранения данных в неорганическом мозгу репликанта. Через девяносто минут или чуть меньше вся суть жизненного опыта молодого человека – приобретенные знания, воспоминания, лица, потоки образов и звуков – были бы загружены в его имитатора.

Однако цель репликанта заключалась в том, чтобы просто походить на Эндрю Снайдера внешне. Две ночи спустя к этому же времени все жители Рейнбоу-Фоллс будут убиты, воспроизведены и переработаны; не останется ни одного человека, кто знал настоящего Эндрю и кого нужно было бы ввести в заблуждение его выращенным в лаборатории дублем.

В подобных обстоятельствах девяносто минут, в течение которых загружались данные, были бы пустой тратой времени. Репликанты презирали напрасные траты и отвлекающие факторы. Сосредоточенность и эффективность являлись для них важнейшими принципами. Эффективность была единственной моралью, а единственным аморальным принципом считалась неэффективность.

Их Коммуна, как называли свою новую цивилизацию существа, рожденные в Улье, вскоре приобретет тайную базу, из которой станет неустанно продвигаться дальше по континенту, а затем и по всему миру. Члены Коммуны были воплощением прогресса, финалом истории, концом всей отвратительной кутерьмы человеческих заблуждений и случайных событий, а также началом распланированного будущего, что, согласно точному плану, однажды приведет к полному идеалу всего сущего.

Член коммуны Эндрю Снайдер, уже в одежде для зимней ночи, вышел из гостиной, чтобы присоединиться к члену Коммуны Уоррену Снайдеру, ждавшему его в «Форд-Эксплорере», припаркованном в гараже. Настоящий Уоррен, парализованный в кресле гостиной, являлся главным управляющим и составителем программы передач KBOW, единственной

радиостанции города.

В начале каждой жестокой революции те, кто стремится свергнуть существующий порядок, должны захватить контроль над всеми средствами связи, чтобы не дать врагу возможности создания командной структуры, способной организовать сопротивление. Всех работающих в вечернюю смену на KBOW следует взять под контроль и отправить в один из центров, где быстро и решительно переделывалось население Рейнбоу-Фоллс.

Репликант Джуди осталась позади, с Джуди, которую заменила, и двумя мужчинами, покорно сидящими в гостиной. Ее задачей было дождаться транспорта, что прибудет забрать зондированное трио и отвезет его к месту уничтожения.

Даже если бы члены семейства Снайдер находились в сознании, приемлемой компанией они бы не стали. В конце концов, люди были не просто животными, подобными обитателям полей и лесов, а куда хуже всех населяющих Землю видов: тщеславные настолько, чтобы затребовать себе исключительный статус среди всех живых существ, безумные настолько, чтобы верить, будто рождены с душой, а их жизнь наполнена смыслом. Они полагали, что их существование связано с космической судьбой, при том что на самом деле являлись раком в груди Природы.

Несмотря на все претензии людей, они были мясом. Всего лишь мясом. Кровью, костями и мясом. И сумасшествием. Безумием. Они были бешеным мясом, не более того.

Член Коммуны Джуди презирала их. Ей казалось омерзительным и то, как они жили, не обращая внимания на множество недостатков своего окружения.

Ковер в гостиной – вот самый близкий наглядный пример их неполноценности в данном аспекте. Хлопковые ворсинки. Она насчитала шесть комков ворса лишь в области, ограниченной двумя креслами и кофейным столиком перед диваном. И не только комки ворса. Еще и кошачья шерсть. Кошка сбежала через собственную дверцу в кухонной двери, но ее шерсть оставалась повсюду.

Порядок был важным принципом, не менее важным, чем сосредоточенность и эффективность. Последнее поистине недостижимо в состоянии беспорядка. Прежде чем можно будет достичь идеальной эффективности, следует установить порядок. Эта догма была запрограммирована глубоко в ее сущность.

Ожидать транспорт, который увезет Снайдеров прочь, – неэффективное использование времени. Шагая взад-вперед по грязному ковру, Джуди то и дело останавливалась, чтобы раздвинуть плохо

подвешенные занавески, и сканировала улицу на предмет означенного фургона. При этом репликант остро сознавала масштаб прогресса, который ждет своего часа на всех фронтах, тот факт, что мир предстоит покорить и переделать, и то, что в данный момент она никак не содействует героическим усилиям Коммуны.

Джуди почувствовала себя немного лучше, после того как достала из кладовой пылесос и принялась чистить все открытые части ковра, не оставляя ни ворсинок, ни вырванных ниток, ни единого кошачьего волоска. Но затем сквозь стеклянную столешницу кофейного столика она заметила нечто, похожее на арахис, оброненный кем-то из Снайдеров и закатившийся под мебель.

Раздраженная, оттащила кофейный столик от дивана, где послушно ждали двое ее пленников, и открыла ковер для более пристального изучения. Вдобавок к орешку она обнаружила мертвую муху. Насекомое выглядело сухим, хрупким, словно пролежало под столом много дней и могло рассыпаться в пыль от малейшего прикосновения.

Арахис и муха оказались не единственным мусором. Там была и кошачья шерсть, и крошка чего-то, не поддающегося идентификации.

– Поднимите ноги! *Поднимите ноги!* – приказала она Эндрю и его матери, и те, не дрогнув лишенными выражения лицами, подчинились, высоко вскинув колени и подняв ступни с пола.

Со свойственным членам Коммуны рвением, Джуди пропылесосила ковер перед диваном. Заметив, что и Уоррен, сидящий в кресле, тоже поднял ноги, она прошла пылесосом и там.

Затем начала раздумывать, какие пыль и мусор могли скопиться на плинтусе за диваном и на ковре под ним. Ее посетили образы крайнего беспорядка.

Подойдя к окну, Джуди раздвинула занавески, складки которых давно не гладили с тщательностью, достаточной для обеспечения должного вида. Она посмотрела налево и направо, изучая морозную улицу. Мимо дома медленно проехала патрульная машина. Все полицейские в городе к данному моменту, за большую часть дня, были заменены членами Коммуны, но Джуди это совершенно не успокоило. Лишь одно могло убедить ее в том, что захват города проходит эффективным образом: прибытие транспорта и команды, призванной забрать семью Снайдеров.

Отвернувшись от окна, репликант оглядела комнату и оценила открывшийся вид на уровне катастрофы.

Бесшумные снежные легионы мягко маршировали сквозь ночь, брали в осаду городок Рейнбоу-Фоллс штата Монтана, захватывали темные улицы. Метель облаками порохового дыма окутывала здания из красного кирпича и возвышающиеся над ними ели. Вскоре уличные ландшафты и пейзажи станут призрачными, блеклыми, апокалиптическими видениями мертвого будущего.

Не замечая холода, Девкалион передвигался по засыпанному снегом городу так, как умел двигаться лишь он один. Жуткая молния, более двух сотен лет назад пробудившая его к жизни в самой первой лаборатории Виктора, наделила его также иными способностями, в том числе и глубинным пониманием квантовой структуры реальности, интуитивным знанием базового плетения ткани, составляющей все сущее. Он знал: Вселенная неизмеримо огромна и при этом до странности тесное место. Ему было известно, что расстояние являлось фактом и иллюзией одновременно. На самом деле каждая точка Вселенной располагалась в шаге от любой иной точки. Тибетский монастырь по другую сторону мира от Рейнбоу-Фоллс в то же время находился на расстоянии шага, следовало лишь знать, как сделать его.

Девкалион знал, поэтому в мгновение ока перенесся из переулка за булочной Джима Джеймса на крышу театра Рейнбоу.

Этот город с пятнадцатью тысячами душ населения обладал атмосферой Старого Запада, потому что множество его построек датировалось концом девятнадцатого – началом двадцатого века; у них были плоские крыши с парапетами, подобными тем, за которыми в старых фильмах любили прятаться плохие парни во время перестрелок с шерифами.

Ни единое здание города не имело более четырех этажей, а театр считался одним из самых больших строений. С этого пункта наблюдения, высоко поднятого навстречу падающему снегу, Девкалион мог видеть восточную и западную стороны Коди-стрит. Большая часть заведений по причине метели закрывалась рано, но рестораны и бары оставались ярко освещенными. Вдоль обочин стояло совсем мало машин; интенсивность движения сильно сократилась в сравнении с тем, какой была всего полчаса назад.

Большой автофургон с темно-синей кабиной и белым грузовым

отсеком двигался по Коди-стрит, как и три других авто. Остальные фургоны, идентичные этому, осуществляли миссию в других частях города. Чуть раньше Девкалион осознал суть задания, выполняемого парными командами экипажей репликантов с суровыми глазами: транспортировка захваченных жителей Рейнбоу-Фоллс к местам, где они будут убиты.

Жертв заменяли двойники, созданные в вотчине Виктора, расположенной где-то по ходу Шоссе 311. Местные называли его Шоссе Конца Света, это была петля широкой двухполосной дороги протяженностью в двадцать четыре мили, проложенной во времена холодной войны. Как выяснилось, дорога не исполняла никаких других функций в этой отдаленной лесистой местности, кроме соединения подземных ракетных шахт, закрытых после распада Советского Союза. В некоторых случаях шахты забросили, а какие-то помещения, имевшие пониженную влажность, продали корпорациям для хранения особо секретных документов. Множество местных не сомневались в том, что эти шахты – лишь малая часть того, что таилось вдоль Шоссе Конца Света, и что глубже находятся подземные бункеры, построенные таким образом, чтобы выдержать несколько прямых ядерных ударов. На сей раз найти логово Виктора будет очень нелегко.

Первыми людьми, которых заменяли репликантами и убивали, конечно же, являлись работники полицейского управления и те, кто был при власти. Виктор начнет захватывать город сверху и работать по нисходящей до последнего ничего не подозревающего жителя.

Девкалион уже видел плененных работников телефонной компании, которых направляли в один из сине-белых фургонов, после чего отвозили к складу для уничтожения.

Когда грузовик, ехавший по Коди, повернул на север, на Рассел-стрит, Девкалион безбоязненно и волшеббно шагнул прямо с крыши театра на рифленую сталь ступеньки у пассажирской дверцы грузовика. Сидевший рядом с водителем удивленно повернул голову. Крепко вцепившись в ручку на стене кабины, Девкалион рывком открыл дверцу, проема которой едва хватало для его огромного тела. А затем сунул одну руку внутрь, схватил за горло сидящего рядом с водителем, раздавливая трахею, сдернул его с сиденья и вышвырнул на заснеженную улицу так, словно тот весил не больше пустотелого пластикового манекена из магазина одежды.

– Пристегиваться надо, – пробормотал он.

Чуть раньше этим вечером он обнаружил, что нынешнее поколение созданий Виктора куда слабее тех, которых желающий стать богом производил несколько лет назад в Новом Орлеане.

Тех существ с трудом брал даже «Урбан Снайпер», дробовик, применяемый исключительно полицией и стрелявший пулями, а не крупной дробью. Эти же репликанты из Монтаны были крепче обычных людей, но для Девкалиона, намного превосходившего их по силе, оставались легкой добычей.

Движение грузовика отшвырнуло дверцу обратно на гиганта, но он обладал невероятной способностью терпеть боль. Вновь распахнув дверцу, Девкалион ввинтился на пассажирское сиденье и захлопнул ее за собой.

Ликвидация одного из парной команды и проникновение в транспорт заняло считанные секунды. Сбитый с толку водитель начал тормозить, лишь когда увидел, как партнера выдергивают из кабины. Девкалион, потянувшись к ключу, выключил мотор.

Удивленный, но не испуганный – эти новые репликанты, похоже, были бесстрашными, – водитель взревел и, сжав правую ладонь, ударил гиганта кулаком, но тот перехватил эту руку на середине удара, вывернул ее и сломал в запястье.

Водитель хрюкнул, однако не вскрикнул от боли. Грузовик продолжал двигаться по инерции, Девкалион же обхватил левой ладонью затылок противника, ударяя репликанта лицом о руль. Он бил его снова, снова и снова, всего дважды задев клаксон.

Петляющий грузовик быстро потерял инерцию, переднее левое колесо наехало на обочину, с трудом взобравшись на нее, и водитель прекратил сопротивление. Фургон наконец заглох, мягко ткнувшись передним бампером в фонарный столб.

Девкалион не сомневался, что репликант уже мертв, но для верности обхватил его душающим захватом и сломал ему шею.

Два этих убийства нельзя было назвать убийствами. Истинные душегубства являлись прямым преступлением против человечества. Данные же образцы из ныне действующей лаборатории Виктора людьми не были ни в каком смысле этого слова. Мерзость. Монстры. Лабораторные крысы.

Девкалион вовсе не ощущал вины за их уничтожение, поскольку он в конечном итоге был тоже монстром, более ранней моделью в производственном ассортименте Виктора. Возможно, он в некотором роде очистился от скверны своих давних преступлений и возвысился благодаря векам страдания. Его можно было даже назвать монстром со священной миссией, но все же по сути монстром, продуктом гордыни Виктора, созданным из тел повешенных преступников как оскорбление Богу.

Подобно любому из новых творений его создателя, он мог быть таким

же безжалостным и жестоким. Если война против настоящего мира началась, человечеству понадобится собственный монстр в качестве надежды на выживание.

Оставив труп сидеть за рулем, Девкалион вышел из грузовика. Даже в безветренную ночь такую погоду можно было назвать метелью, настолько густо сыпал снег.

Внезапно Девкалиону показалось, что падающие снежинки не отражают свечение уличного фонаря, наоборот, они сами излучают свет из глубины своей кристаллической структуры, словно стружки потерянной луны, каждая из которых обладает собственной долей лунного излучения. Чем дальше жил Девкалион, тем более волшебным он находил этот столь драгоценный мир.

Рассел-стрит, вторая главная улица, выглядела пустынной без машин и пешеходов. В этом квартале были закрыты все магазины. Но свидетель мог появиться в любой момент.

Девкалион прошел назад по следам шин и остановился возле того, кого вышвырнул из фургона. Несмотря на раздавленное горло, лабораторная крыса все еще пыталась вдохнуть и цеплялась пальцами за утрамбованный колесами снег в жалкой попытке подняться на колени. С силой наступив на шею существа, Девкалион окончил его страдания.

Труп он отнес к фургону и открыл заднюю дверь. Грузовой отсек был пуст, следующую партию невезучих жителей, обреченных на уничтожение, еще не забрали. Он зашвырнул тело в фургон. Вытащил водителя из кабины, отнес его к задней части машины, забросил в грузовой отсек ко второму трупу и закрыл дверь.

Устроившись за рулем, Девкалион завел мотор. Сдал назад, отъезжая от фонаря с тротуара на проезжую часть.

Дисплей на приборной панели высветил карту небольшого участка Рейнбоу-Фоллс. Мигающий красный индикатор GPS указал теперешнее положение фургона. Зеленая линия прослеживала путь, по которому, очевидно, водителю следовало ехать. Вверху экрана находились слова РАСПИСАНИЕ ТРАНСПОРТА № 3. Рядом с ними виднелись две кнопки с опциями, первая – СПИСОК, вторая – КАРТА. Вторая же в данный момент подсвечивалась.

Девкалион нажал указательным пальцем на СПИСОК. Карта исчезла с экрана, и вместо нее возник список назначений. Светился третий адрес – ФОЛЛС-ИНН – на углу Бэртус-авеню и Ривер-роуд. Судя по всему, там грузовику надлежало сделать следующую остановку.

Вдоль правого края тач-скрина вертикальной линией шли пять

пунктов, каждый из которых обозначался цифрой. Светилась «3».

Когда Девкалион коснулся пальцем цифры «1», список на экране сменила другая подборка адресов. Надпись сверху теперь гласила: РАСПИСАНИЕ ТРАНСПОРТА № 1.

В нем тоже была подсвечена третья строка. Парная команда Транспорта № 1 к этому моменту, очевидно, успешно забрала людей по первым двум адреса и, возможно, отвезла к месту уничтожения. Следующей остановкой значилась KBOW, радиостанция, обслуживавшая не только Рейнбоу-Фоллс, но и весь прилегающий округ.

Чуть раньше этим вечером, заменив работников телефонной компании идентичными им репликантами и тем самым захватив контроль над всеми стационарными телефонами и вышками мобильной связи, армия Виктора, похоже, намеревалась взять также под контроль KBOW и таким образом предотвратить предупреждение через радио иных жителей города или обитателей небольших поселений поблизости.

Переключившись на карту, Девкалион увидел, что радиостанция находилась на Ривер-роуд, ближе к северо-восточному краю города, примерно в двух милях от теперешнего местоположения фургона. Ехать туда Транспорт № 1 должен был не более четырех минут, после чего парной команде предписывалось забрать вечернюю смену KBOW. А это означало, что нападение на радиостанцию могло уже начаться. Если Девкалион последует к KBOW по дороге, предложенной навигатором грузовика, к моменту его приезда шоу закончится.

Открыв водительскую дверь, он выпрыгнул из фургона... И шагнул с Рассел-стрит на парковку у радиостанции.

Мистер Лисс ехал в никуда через снег, пытаясь придумать, что же ему теперь делать. Намми О'Бэннон пустился в путь вместе с ним, тоже в никуда, потому что Намми не умел водить, зато был хорош в роли пассажира.

Намми неловко ощущал себя в этой машине, ведь мистер Лисс украл ее, а красть очень плохо. Мистер Лисс сказал, что ключи были в замке зажигания, значит, владелец хотел, чтобы автомобилем воспользовался тот, кому он нужен. Но они не проехали и мили, как Намми понял – это была ложь.

– Бабушка говорила, если ты не в состоянии купить то, что есть у другого, или сделать себе такое же, то не стоит и дальше хотеть это. Подобное желание называется завистью, а зависть может превратить тебя в вора быстрее, чем масло тает на горячей сковороде.

– Ну уж прости, что я, дурак эдакий, не могу построить нам машину с нуля, – сказал мистер Лисс.

– Я не называл вас дураком. Я никого не обзываю. Это невежливо. Меня самого часто дразнят.

– А я люблю обзывать людей, – промолвил мистер Лисс. – Меня это радует. Мне *приятно* дразнить других. Маленькие дети почти всегда плачут от того, как я их обзываю. И никто не смеет говорить мне, что я не могу делать того, что приносит мне столько невинного удовольствия.

Мистер Лисс уже не выглядел таким страшным, как давеча в тот же день. Коротко подстриженные седые волосы старика все еще торчали во все стороны, будто напуганные гадкими мыслями в его голове. Лицо мистера Лисса до сих пор морщилось, словно он только что откусил кусок лимона, глаза оставались такими же опасно-голубыми, как язычки газового пламени, крошечные лоскутки сухой кожи все так же топорщились на его потрескавшихся губах, а зубы были серыми. Казалось, он мог неплохо существовать без еды или воды, питаясь одной лишь злостью. Однако определенная доля страха, который он внушал, отступила. Порой он мог даже вызвать симпатию.

Намми никогда не злился. Он был слишком глуп, чтобы злиться. И это одно из преимуществ того, что ты действительно глуп, настолько, что тебя даже не заставляют ходить в школу: твой мозг не способен задуматься так серьезно, чтобы из-за чего-то разозлиться.

Он и мистер Лисс были странной парочкой, напоминающей тех чудаковатых двоих, которых Намми видел в некоторых фильмах. Там эти закидонистые люди всегда копы, один из них спокойный и добрый, а второй сумасшедший и смешной. Намми и мистер Лисс точно не были копами, однако они действительно очень отличались друг от друга. Мистер Лисс был сумасшедшим и смешным. Вот только не очень смешным.

Намми уже исполнилось тридцать, а мистер Лисс, похоже, был старше всех живущих на свете людей. Намми – пухлый и круглолицый, с веснушками, а мистер Лисс как будто состоял из одних костей, хрящей и толстой кожи с миллионом складок, как на старой истрепанной кожаной куртке.

Иногда мистер Лисс казался таким интересным, что от него невозможно было отвести взгляд, как от таймера бомбы в кино, на котором сменяют друг друга маленькие красные цифры. Однако порой, если слишком долго смотреть на него, возникала усталость и приходилось отворачиваться, чтобы дать глазам отдохнуть.

Снег, на вид очень мягкий и холодный, парил в темноте, словно крошечные ангелы в белых одеяниях.

– Снег очень красивый, – сказал Намми. – Сегодня хорошая ночь.

– О да, – отозвался мистер Лисс. – Это волшебная ночь, потрясающая красота, куда ни глянь, красивей всех чудесеньких рождественских открыток, сколько бы их ни выпускали, вот только бешеные монстры марсиане по всему городу жрут людей быстрее, чем дробилка может смолотить чертову картофелину!

– Я не забыл про марсиан, – сказал Намми. – Если они марсиане. Однако ночь все равно красивая. Так что вы хотите делать: доехать до окраины города и посмотреть, там ли еще полицейские с блокпостом на дороге?

– Они не полицейские, парень. Они чудовища, которые притворяются копами, и они будут там, пока не сожрут всех в городе.

Мистер Лисс ехал медленно, иногда задняя часть машины виляла или скользила то к одной обочине, то к другой. Он всегда перехватывал контроль раньше, чем они во что-то ударялись, но им уже требовался автомобиль с цепями на колесах или на зимней резине.

Если мистер Лисс угонит другую машину с цепями на колесах и если Намми поедет с ним, зная с самого начала, что это воровство, он, наверное, и сам превратится в вора. Его вырастила бабушка, так что плохие вещи, сделанные Намми, наверняка станут ее позором перед Господом, рядом с которым она сейчас.

Намми сказал:

– Вы не узнаете, там ли чудовища-полицейские, пока не поедете и не посмотрите.

– А я знаю и так.

– Как вы можете это знать?

– Да потому, что я ужасный гений, – сказал мистер Лисс, брызгая слюной и сжимая руль настолько сильно, что костяшки его пальцев стали острыми как ножи. – Я просто *знаю* такие вещи, мозг у меня вот такущий. Сегодня утром в тюрьме мы двух минут не были знакомы, а я уже понял, что ты дурачок, разве нет?

– Это правда, – признал Намми.

На перекрестке перед ними полицейская машина проехала с юга на север, и мистер Лисс сказал:

– Это плохо. На машине нам из города не выбраться. Придется найти другой способ.

– Наверно, мы сможем выбраться так же, как вы забрались в него. Я всегда хотел покататься на поезде.

– В холодном пустом товарном вагоне не очень-то волшебно и забавно, поверь мне. Что ни говори, а депо у них тоже под колпаком.

– Ну, летать мы не можем.

– О, не знаю, – сказал мистер Лисс. – Если твоя черепушка настолько пуста, как кажется, я могу привязать к твоим ногам корзину, задуть в нос горячего воздуха и улететь на тебе, будто на старом большом воздушном шаре.

Примерно квартал Намми размышлял об услышанном, а старик включил стеклообогреватель, и ветровое стекло, начавшее индеветь по краям, снова очистилось. Затем он пробормотал:

– Это совершенно бессмысленно, разве что вы пытаетесь сказать гадость.

– Возможно, ты прав.

– Я не знаю, почему вы постоянно так делаете.

– У меня это хорошо получается. А людям нравится делать то, что у них хорошо выходит.

– Но вы уже не так плохо ко мне относитесь, как в самом начале, когда мы только познакомились.

После недолгой паузы мистер Лисс ответил:

– Ну, Персик, у меня свои взлеты и падения. Никто не может быть хорош в чем-то на сто процентов 24/7.

Мистер Лисс иногда называл его Персиком. Намми не знал почему.

– Несколько раз, – сказал Намми, – я даже почти подумал, что мы, может быть, становимся друзьями.

– Не нужны мне никакие друзья, – отрезал мистер Лисс. – Так что возьми «Клинекс» и высморкай эту мысль из головы прямо сейчас. Высморкай, потому что она соплива. Я одиночка и бродяга. А друзья виснут на человеке грузом. Друзья – это всего лишь будущие враги, ждущие своего часа. В мире нет ничего хуже дружбы.

– А бабушка всегда говорила, что в жизни *главное* дружба и любовь.

– Ты только что напомнил мне, что *есть* одна штука хуже дружбы. Любовь. Ничто не уничтожит тебя быстрее, чем любовь. Это яд. Любовь убивает.

– Я не могу представить, как это может быть правдой, – сказал Намми.

– А ведь так и есть.

– Нет, не так.

– Не смей называть меня лжецом, парень. Я вырывал глотки тем, кто называл меня лжецом. Я отрезал им языки и жарил с лучком на завтрак. Я опасный сукин сын, когда разозлюсь.

– Я не говорил «лжец». Вы просто ошибаетесь насчет любви, просто ошибаетесь – и все. Бабушка любила меня, и любовь меня не убила.

– Она умерла, разве нет?

– Ее убила не любовь, а болезнь. Если бы я мог забрать в себя ее рак и умереть вместо нее, я бы сейчас был мертвый, а она живая, здесь, с вами.

Минуту они ехали молча, затем мистер Лисс сказал:

– Тебе не всегда стоит слушать меня, парень, или принимать то, что я говорю, слишком серьезно. Не все мои слова гениальны.

– Возможно, бóльшая часть, но не то, что вы только что сказали. Знаете что? Может, нам удастся скатиться.

– Что удастся?

– Ну, на снегоходе.

Мистер Лисс аккуратно подвел машину к обочине и затормозил.

– Мы сможем уйти по земле. Но достаточно ли там снега? Его вроде как выпал только дюйм.

– Он глубже дюйма, – сказал Намми. – И его быстро становится еще больше.

– И где мы возьмем снегоход?

– У людей они есть по всему городу. И есть еще место, где их продают на Медвежьей тропе.

– Еще одна чертова улица с «медведем» в названии. У того, кто называл улочки этого богом забытого захолустья, воображение было как у

пенька.

– Как я уже говорил, в округе водится много медведей. А зебр и тигров, чтобы назвать в их честь улицы, у нас нет.

Старик сидел молча примерно минуты две, наблюдал, как падает снег, словно тоже в конце концов понял, что это красиво. Для мистера Лисса это была долгая пауза, он всегда и по поводу всего имел что сказать. Намми обычно хорошо воспринимал молчание других людей, но в исполнении мистера Лисса это выглядело тревожно, потому что Намми вынужден был задуматься, что же тот замышляет.

Наконец мистер Лисс промолвил:

– Персик, ты лично знаешь кого-нибудь со снегоходом?

– Я знаю нескольких.

– Например?

– Например, Боза.

– Боза?

– Офицера Барри Бозмана. Люди называют его Боз. Он много смеется. И с ним чувствуешь себя не хуже других.

– Он мертв, – отрезал мистер Лисс. – Если он коп, они убили его и заменили одним из своих двойников.

Намми следовало самому понять, что Боз мертв, ведь даже начальник полиции Рафаэль Хармильо теперь являлся одним из пришельцев, так что и все остальные копы наверняка были такими же. Всех настоящих полицейских убили и съели, как это случилось утром со всеми людьми, сидевшими в камере рядом с той, откуда сбежали Намми и мистер Лисс.

Бабушка всегда говорила: не важно, насколько все печально, нужно помнить, что когда-нибудь ты снова будешь счастлив, поэтому надо продолжать жить. Важно, говорила она, продолжать жить, быть счастливым и поступать правильно, потому что, если ты будешь жить достаточно долго, достаточно счастливо и достаточно часто делать хорошие вещи, ты будешь жить с Богом. Тех, кто бросает дело, Бог не любит.

– Он женат? – спросил мистер Лисс.

– Кто?

– Да черт возьми, парень, в твоей голове столько пустого места, что его можно сдавать в аренду, так как у тебя между ушей целый чертов склад, забитый пустыми полками. Боз! О ком еще я могу спрашивать? Боз женат?

– У Кику голова раздулась, она отправилась в Тихие, а та просто улетела, вот так вот – не угадаешь.

Мистер Лисс сжал большой костлявый кулак, и Намми вздрогнул, потому что подумал, что старик его ударит. Но затем мистер Лисс вздохнул,

разжал кулак, похлопал Намми по плечу и сказал:

– Может, тебе стоит повторить это, только теперь по-английски.

Намми, удивившись, ответил:

– Но я и говорил по-английски.

– Скажи мне это на другом английском.

– Но я знаю только один вид английского.

Узловатая кисть мистера Лисса снова сжалась, между тем он опять не ударил Намми. Он поднес кулак ко рту и некоторое время кусал костяшку, а потом спросил:

– Что такое Кику?

– Это миссис Бозман, как я и сказал. Она была милой японской леди.

– Что ты имел в виду под «ее голова раздулась»?

– От укуса пчелы в шею. У нее была аллергия, но этого никто не знал, пока пчела не укусила. Говорили, ее лицо раздулось, как воздушный шарик.

– Что ты имел в виду под «отправилась в тихие»?

– «Тихие Поляны». Кладбище за Браун Бэр роуд. Пчела ужалила ее и просто улетела, но Кику умерла, так что вот так вот – в жизни не угадаешь.

– Дети у них есть?

– У Боза и Кику? Нет. И это хорошо, потому что Боз теперь тоже умер и их дети стали бы сиротами, бедными и несчастными.

– Нет, они стали бы едой для чудовищ, как этот ваш Боз. И, раз уж он коп, а теперь монстрокоп, – продолжил мистер Лисс, – мы можем забрать его снегоход, потому как его не будет дома, чтобы остановить нас. Все копы на улицах и заняты, убивают людей, строят те коконы, которые мы видели, и занимаются другими вонючими, мерзкими вещами, подобными тем, что творят их инопланетные друзья.

– Я не заметил, чтобы они воняли, – сказал Намми.

– О, они воняют. Еще как воняют.

– Наверное, у меня что-то не то с носом.

За рулем джипа «Гранд-Чероки», щурясь сквозь снег, Карсон О'Коннор-Мэдисон – с Майклом Мэдисоном – курсировала по Рейнбоу-Фоллс, охотясь на монстров.

Чуть раньше Девкалион сообщил им о большом количестве немаркированных фургонов с темно-синими кабинами и белыми грузовыми отсеками, которые исполняли миссию, достойную Аушвица^[3], – собирали насильственно подчиненных горожан, а затем отвозили к месту их уничтожения на складе. Они уже обнаружили один из фургонов и попытались допросить парную команду в кабине, притворившись такими же творениями Виктора. Но водитель быстро распознал обман, сказал «вы не члены Коммуны», после чего оставалось только убить или быть убитыми.

Из предыдущего столкновения Карсон узнала, что убить этих новых големов^[4] Виктора сложнее, чем обычных мужчин или женщин, но куда проще, нежели его предыдущих созданий в Нью-Орлеане. Она не знала, почему он прекратил выпускать почти неуязвимый вид, который называл Новой Расой, разве что по причине своей неспособности полностью и постоянно контролировать их, что вселило в него некий страх перед собственными созданиями.

Не в силах придумать никакого другого занятия, теперь они искали очередной сине-белый фургон в надежде ранить, а не убить команду. Используя нужные техники допроса с пристрастием, можно было заставить раненых раскрыть нынешнее местоположение базы Виктора.

Снег затруднял поиски, уменьшая видимость и препятствуя мобильности даже полноприводного автомобиля. Карсон была уличной гонимой, но это состояние дороги тормозило ее. Снег мешал.

Карсон родилась в Байо: она была луизианской девчонкой, любила каджунскую кухню^[5] и танцевала зидеко^[6]. Будучи детективом по расследованию убийств в Новом Орлеане, Карсон разыскивала Виктора Гелиоса, известного как Франкенштейн, и, после того как он и все его создания в городе умерли, она смогла смотреть на то дело как на захватывающее приключение. По правде говоря, при всем пережитом ужасе, Карсон и ее напарник, Майкл, теперь ставший мужем, получали удовольствие. Полицейская работа всегда развлекала. Лучшее веселье – убивать плохих парней: оружие было классным. Даже когда в тебя

стреляли, было весело, пока стрелки́ продолжали промахиваться.

Карсон и Майкл больше не работали полицейскими, они стали частными детективами и жили теперь в Сан-Франциско. Здесь, в Монтане, Майкл и Карсон оказались в чуждой для себя среде и без полномочий, хотя и не без тяжелого вооружения, включая «Урбан Снайперы», дробовики, стрелявшие пулями, способными завалить гризли. Вооружение такой силы само по себе обладало авторитетом. Но, несмотря на обладание оружием, хотя оно и лежало в суперкрутых черных гортексово-термолитовых чемоданах, они не смеялись с тех пор, как метель еще не началась, и перспективы посмеяться казались призрачными, ведь ситуация в Рейнбоу-Фоллс была просто отчаянной.

– Хренов снег, – пробормотала Карсон.

– Это замечание я слышу от тебя уже примерно в десятый раз, – отозвался Майкл.

– Я тебе наскучила? Наш брак окончен? Хочешь себе другую женщину, которая будет говорить про снег только хорошие вещи?

– Вообще-то скука меня заводит. Развлечений мне хватило на целую жизнь. Так что чем скучнее ты становишься, тем больше я завожусь.

– Джонни Кэш, ты едва удержался в рамках. Лучше следи за собой.

В этом южном пригороде частная собственность исчислялась половинами акров или чуть больше. Вечнозеленые деревья выросли настолько высоко, что верхушки словно вплетались в само небо, а дома́ под ними по контрасту казались меньше, чем были.

Здесь царила атмосфера Черного Леса, сказки, но такого леса, в котором в любой момент может появиться тролль с неумным аппетитом. Сквозь рваную пелену густо падающего снега казалось, будто огни в окнах каждого дома мерцают обещанием тайны и волшебства.

Один дом, стоявший чуть поодаль от улицы в сравнении с остальными – примерно на акр, – казался центром существенной активности. Несколько пикапов и внедорожников были припаркованы на подъездной дорожке у дома под разными углами друг к другу, моторы работали, фары светили на полную. Клубы́ выхлопов поднимались сквозь снег и смешивались с яркими лучами. Прошивая темноту и метель, они на разном отдалении от дома выхватывали светом потрескавшиеся стволы деревьев.

Поскольку в этом районе не было ни тротуаров, ни фонарей, Карсон выехала на обочину и остановилась, чтобы лучше оценить увиденное. У машин стояло несколько человек, и кто-то – с такого расстояния виднелся лишь неясный силуэт – застыл на крыльце, словно охраняя вход в дом. Комнаты за каждым окном были ярко освещены, то и дело за стеклами

мелькали быстрые силуэты.

– Мы или они? – поинтересовался Майкл.

Взглянув мимо него на дом, Карсон ответила:

– Сложно сказать.

Ее внимание отвлек резкий стук в стекло водительской дверцы. Снаружи оказался мужчина с моржовыми усами, в шинели и шляпестетсоне^[7], постукивающий по стеклу дулом дробовика, нацеленного в лицо Карсон.

Транспорт № 1 еще не прибыл, когда Девкалион шагнул с далекой Рассел-стрит на парковку перед KBOW. К тому моменту четыре машины выстроились в ряд по левую сторону от здания, а у главного входа, там, где парковка не предполагалась, стоял «Форд-Эксплорер».

Судя по пару, поднимавшемуся от снега, падающего на капот «форда» и тут же тающего, мотор внедорожника заглушили всего мгновение назад.

В одноэтажном кирпичном здании находилась радиостанция. За домом возвышалась сетчатая башня радиопередач, увенчанная красными огоньками, мигавшими высоко в снежной ночи.

Двое мужчин, очевидно, из «эксплорера», подошли к входной двери. Девкалион был за их спинами, поэтому они не знали о его приближении. Скорее всего, это люди Виктора, передовая команда, ведущая наступление на ночную смену станции. Но он не мог атаковать их, не получив хоть какого-либо доказательства их намерений.

Сделав единственный шаг, Девкалион перенесся с парковки в приемное фойе за главным входом. Свет был приглушен, и за стойкой никого.

Услышав звук ключа в замке передней двери, Девкалион, развернувшись на каблуках, в тот же миг нырнул из фойе в коридор за закрытой дверью. Он опережал явившихся, для чего надо было верно предугадывать их следующие шаги. Динамики под потолком тихо вещали голосом нынешнего ведущего. Судя по его словам и легкому монтанскому акценту, он, скорее всего, местный, к тому же в эти непопулярные часы суток было бы неразумно использовать главных звезд.

На первой двери налево значилось «Мужской». Девкалион шагнул в маленький туалет, где пахло сосновым освежителем для унитаза. Свет он включать не стал, но дверь оставил приоткрытой на дюйм для наблюдения за коридором.

Девкалион услышал, как они входят в приемное фойе, и миг спустя они прошли мимо, даже не взглянув в его направлении. Вид у них был суровый и решительный.

Пройдя еще немного по зданию, они открыли дверь, и кто-то в той комнате сказал:

– Уоррен? Разве ты не ушел домой?

Поскольку при входе дверь туалета отворилась бесшумно, Девкалион,

смело распахнув ее снова, шагнул в коридор за Уорреном и его сопровождающим. Они уже исчезли в комнате, расположенной дальше по коридору, оставив дверь нараспашку.

Тот же голос, что приветствовал Уоррена, внезапно зазвучал тревожно: – Эй-эй, какого черта?

А затем раздались звуки борьбы.

Переступая порог, Девкалион увидел двоих мужчин в зимней одежде – пару из «эксплорера» – и третьего, одетого в джинсы и футболку. Третий сидел за Г-образным пультом управления, испещренным световыми индикаторами, калибровщиками и переключателями. Один из нападавших прижал его к пульту, в то время как второй вытащил из кармана лыжной куртки маленький инструмент, похожий на пистолет. Устройство точно выстрелило бы одной из тех серебрястых игл с закругленными шляпками, лишавших людей свободы воли и, возможно, иных способностей, что пугало не меньше.

Тихий, как тень, Девкалион двинулся вперед, удивив этого трутня из улья Виктора. Он остановил запястье руки, державшей мозговой зонд, сломал пальцы, как будто те были хлебными палочками, вывернул оружие из сжатой руки, вдавил дуло в висок репликанта и нажал на курок.

Девкалион стоял лицом к лицу с дублем, поэтому хорошо видел, как его зрачки быстро расширились, а затем сжались в точки, будто свет в комнате вначале потускнел, а затем засиял ярче солнца. Репликант рухнул на пол и замер там так, словно поблескивающая бусина на его виске обладала массой огромного булыжника, пригвоздившего его к месту.

Среагировав, вероятно, быстрее, чем смог бы обычный человек, но в сравнении с Девкалионом – как черепаха, состязаясь с зайцем, второй дрон отпустил инженера, лицо которого вжимал в контрольную панель. И сунул руку в карман своей лыжной куртки. Его самоуверенность проистекала из запрограммированной идентичности, гласившей: представители новейшей расы Виктора превосходят всех, кого могут встретить. Но, как и любая идеология, основанная на лжи, она не выдержала столкновения с суровой реальностью. Самой суровой реальностью из тех, что могло встретить это создание, являлись скорость и сила, полученные Девкалионом от странной молнии, подарившей ему жизнь – и куда больше, чем жизнь, – во время грозы.

Кулаки Девкалиона были размером с кувалду. Удар за жестоким ударом заставляли потрясенного дрона скользить назад. Быстрая серия атаки в горло раздробила его дыхательные пути. Он попытался вдохнуть, но не вышло. Лишившись дыхания, репликант потерял и силы для

сопротивления удушающему захвату. В этой умелой хватке его шейные позвонки разлетелись, и он рухнул в объятия своего палача, а затем из них на пол, безвольный, обмякший и безжизненный, как связанная кипа тряпок.

На первого дрона мозговой зонд не подействовал таким образом, как он влияет на настоящих людей. Репликант остался жив, дергался на полу, будто полураздавленный жук, цеплялся за ковер пальцами. Дрожь заставляла его стучать зубами. Глаза дико вращались в глазницах. Облачка голубого пара вырывались у него из носа, не ритмичными выдохами, а постоянным потоком.

Девкалион наступил сапогом на шею создания, пригвождая его к полу. И надавил сильнее, всем своим весом, пока резкий треск позвонков, будто щелчок выключателя, не положил конец спазматическим движениям и испарениям.

Подняв взгляд от мертвого дрона, Девкалион обнаружил, что инженер глядит на него с ужасом. Размеры гиганта были не единственной причиной, способной внушить парализующий страх даже самым отважным людям.

За малым исключением, его раны заживали быстро, он никогда не болел, но искалеченная половина лица, пострадавшая в схватке с его создателем несколькими веками ранее, служила постоянным напоминанием о том, что и он тоже в конечном итоге смертен. Возможно, только Виктор, единственный в мире, обладал силой, способной его уничтожить, однако это была теория, подтверждений которой Девкалион предпочитал не искать. Раздробленные кости и гротескные впадины этой половины его лица частично скрывала замысловатая многоцветная татуировка, нанесенная монахом тибетского монастыря. Рисунок был гениален, он отвлекал взгляд от жутких шрамов и отвратительных контуров, на которых яркие чернила, казалось, постоянно находятся в движении. И все же Девкалион жил в основном по ночам и в тених, поскольку кто угодно при внимательном взгляде – как сейчас смотрел вот этот радиоинженер – мог сквозь татуировку разглядеть правду.

К тому же в глазах Девкалиона периодически пульсировал слабый свет, будто молния, пробудившая его к жизни, осталась в нем, пустившись в бесконечное путешествие по нервам. Он наблюдал это явление в бесчисленных зеркалах в ходе столетий, и даже его это способно было встревожить, пускай по иной причине, не той, что пугала других.

Будучи сшитым из множества трупов, он иногда задумывался о том, может ли этот свет являться доказательством того, что в тот момент, когда молния оживила его, он получил не только свои безграничные силы, но также и душу, возможно, уникальную душу. Он сумел полюбить этот

сложно сплетенный мир во всей его славе и красоте, но устал от раздоров, которые тоже были частью сплетенной ткани. И он устал от одиночества, уникального одиночества того, кто не был рожден от мужчины и женщины. Девкалион надеялся на лучшее мироздание за пределами этого места, на реальность, где царят мир, милосердие... а еще идеальная нежность. Но его также *тревожила* возможность обладания душой, поскольку ярость и убийственная жестокость тех ранних лет, когда он был чрезвычайно зол и полностью сбит с толку, оставили ему давящее бремя вины, и ее следовало искупить. Возможно, мирная реальность для него – недостижимая награда. Внутренний свет Девкалиона мог быть отблесками неминуемого адского пламени.

Инженер, поднявшись с кресла, стоял теперь в углу Г-образного пульта и смотрел на Девкалиона так, словно тот и вправду был демоном. Круглое лицо с подвижными чертами куда больше подходило для улыбок и смеха. Выражение шока и ужаса так контрастировало с самой природой внешности человека, что казалось почти комичным, как преувеличенный испуг мима, старающегося бессловесно донести эмоцию до аудитории.

– Они не были людьми, – промолвил Девкалион. – И, вне зависимости от того, что может показаться, я не один из них. Но их куда больше, и вскоре они будут здесь.

Рот инженера зашевелился, однако не издал ни единого звука. Обеими дрожащими руками он замахал так хаотично, что никакого смысла эти жесты не несли.

– Соберись. Ты будешь вынужден драться или умереть. Иного выбора нет. Сколько вас в этом доме?

Инженер вцепился одной рукой в другую, словно в попытке удержать их на месте, а когда наконец заговорил, голос его был неожиданно спокойным:

– Четверо. Нас здесь только четверо.

Джоко на грани величия. В кабинете милого домика, где он живет с Эрикой Пятой. За городской чертой Рейнбоу-Фоллс. Снег в окне.

Иногда Джоко сидел на вращающемся стуле перед компьютером. Порой стоял на нем на коленях. Временами просто стоял. Стоял и танцевал. Танцевал так интенсивно, что стул вращался. Его красно-зеленая шапочка с серебристыми бубенцами весело звенела.

Иногда Джоко печатал ногами. Длинными отвратительными пальцами ног. Мерзкими, но гибкими и проворными. Хорошо пригодными для печатанья.

Пальцы на руках у него тоже были уродливыми. Все в его теле было безобразным. Даже его странный язык с тремя волосками.

Джоко был опухолью.

Точнее, он *начинал* как опухолеподобный бугор биологически хаотичной плоти на одном из представителей Новой Расы Виктора в Новом Орлеане. А потом он обрел самосознание. Опухоль с характером. С надеждами и мечтами. И быстро рос. Позже он вылутился из тела носителя. Стал чем-то бóльшим, нежели опухоль. Чем-то лучшим.

Он стал чудовищем. Некоторые люди кричали, когда видели Джоко.

Другие теряли сознание. Птицы атаковали его с высоты. Кошки шипели, а крысы сбегали с пиццием. Джоко был очень эффективным чудовищем. Бесформенный череп. Бледная бородавчатая кожа. Безгубая щель рта. Странные желтые глаза, слишком большие для его головы, один больше другого.

Чудовище было куда более уважаемой штукой, нежели простая опухоль.

Никому не нравились опухоли. Что в них могло нравиться? Но вот о монстрах писали книги. И фильмы о них снимали тоже. Некоторых чудовищ люди любили настолько сильно, насколько боялись.

Когда начинаешь свой путь в качестве опухоли с мозгом, остается только расти. Джоко со всей страстью подошел к самосовершенствованию. Но, хотя он стал чудовищем и обрел еще бóльшие стремления, все же оставался скромным. Он никогда не забывал, откуда возник.

Родившийся опухолью ею и остается.

Будучи чуть выше гнома, Джоко втайне желал быть ростом в сто восемьдесят пять сантиметров. И красивым. С волосами на голове, а не на

языке. В некоторых своих снах Джоко был не собой. Он был звездой кино. Часто Джорджем Клуни. Иногда Эштоном Катчером. Один раз даже Дакотой Фаннинг. И он знал, каково это, когда тебя все любят. Он желал на самом деле стать красавцем-кинозвездой. Не важно, кем именно, только не Джонни Деппом. Джонни Депп пугал Джоко.

От мысли о Джонни Деппе у Джоко жутко задрожали руки. Уродливые пальцы затарахтели по клавиатуре, на экране появилась абракадабра. Он убрал руки от клавиш. Медленные глубокие вздохи. Тихо. Спокойно. Джонни Депп как минимум в тысяче миль от Рейнбоу-Фоллс.

Джоко не просто печатал на компьютере. Он не играл в игры. Не работал в листах Excel. Он *хакерствовал*. Его путь онлайн шел не через телефонную или кабельную компанию, а через спутниковую тарелку на крыше. Джоко был грозой файерволов^[8], дробителем кодов, творцом обходных путей и дровосеком интернета, способным выкачать больше данных, чем Эксон выкачивал нефти.

Вот почему он надел красно-зеленую шапку с серебряными бубенчиками. Его хакерскую шапку. Других шапок у него было еще тринадцать. На разные случаи жизни. Джоко любил шапки.

Девкалион – чудовище из чудовищ, первенец Виктора, наставник и знаток, легенда! – доверил Джоко важное задание. Взломать защищенные данные департамента по регистрации транспортных средств. Найти, кому принадлежит сине-белый фургон с определенным номером.

Джоко был частью команды. Нужным. Может, даже героем.

В прошлом Джоко иногда был браком. Неудачей. Ошибкой. Дураком. Идиотом, дубиной, простофилей, глупцом.

Но все это было в прошлом. Теперь он собирался сделать так, чтобы мама им гордилась.

Эрика не была его биологической матерью. У бывших опухолей не бывает настоящих мам. Она неофициально усыновила его.

Они не гуляли в парке, как прочие мамы с детьми. Не ходили в город за мороженым и газировкой. В тех редких случаях, когда люди видели Джоко, они хотели немедленно забить его палками. Палками, зонтами, тростями, ведрами, тем, что подвернется под руку. До сих пор Джоко не бывал того типа чудовищем, который нравится большинству людей не меньше, чем пугает их. Ради его собственной безопасности Джоко был ограничен этим домом и сорока акрами земли вокруг него.

Эрика Пятая, живущая теперь как Эрика Сведенборг, являлась пятой из пяти идентичных жен, которых Виктор вырастил в своих контейнерах сотворения в Новом Орлеане. Первые четыре его разочаровали.

Они были уничтожены.

Виктор не верил в развод. Эрика Пятая тоже разочаровала его. Но она сбежала в ночь, когда злобная империя Виктора в Луизиане рухнула. Сбежала, прихватив с собой немало его денежек. Она была единственным представителем его Новой Расы, пережившим ту катастрофу.

Джоко внезапно вытащил последние пароли ДРТС так же легко, как вынимал банан из кожуры, и оказался *внутри*.

– *Банзай!* – закричал он.

Джоко ввел номер разыскиваемого грузовика. Запросил данные о владельце. Информация появилась на экране.

– Ура! Урр-ра! Ура!

Фургон принадлежал некоммерческой организации «Движение к Идеальному Миру». Звучало приятно. Тепло и уютно. Движение – это хорошо. Идеальный мир тоже хорош. Даже чудовище с лимонно-желтыми глазами и практически без должного нравственного воспитания могло понять, насколько это хорошие вещи.

У «Движения к Идеальному Миру» был адрес. В Рейнбоу-Фоллс. Джоко распечатал его.

Выйдя из базы ДРТС, Джоко искал вебсайт «Движения к Идеальному Миру». Его не оказалось. Это было странно. Подозрительно. Благотворительные организации обязаны иметь свой сайт. У всех был свой сайт.

Даже у Джоко был свой сайт: www.jocjothinksaboutlife.com^[9]. Когда его посещали важные озарения по поводу жизни, он постил их там. Возможно, его мысли могли помочь людям. Всего несколько дней назад он запостил: *«Все маффины вкусные, но некоторые вкуснее других, и это не оскорбление менее вкусных маффинов, а просто такова уж жизнь. Мне особенно нравятся с желе»*.

Джоко проверил общедоступные данные о корпорациях Монтаны. Хакать их не требовалось. У «Движения к Идеальному Миру, Инк.» оказался адрес. И он совпадал с указанным в ДРТС.

Генеральным директором значился Виктор Лебен. Имя не было совпадением. Виктор Франкенштейн. Потом Виктор Гелиос. Теперь Виктор Лебен. *Виктор*.

– Е-мое!

Буква *о* в имени Виктора на экране вдруг показалась глазом... Глядящим на Джоко. Виктор узнает, что Джоко его нашел. Виктор все знает.

На Джоко была футболка с изображением Бастера Стилхаммера,

величайшей звезды в мировой истории реслинга. Обычно футболка делала его храбрым. Но не теперь.

О в Викторе. Смотрит. Невозможно. Но Виктор мог все. Виктор был всемогущим.

Плохо. Очень плохо. Ужасно. Катастрофа! Джоко внезапно оказался переполнен негативной энергией. Нервы напряглись. Сердце свело от страха. Надо его стряхнуть, стряхнуть. *Танцуй! Танцуй!*

Джоко вскочил на ноги в кресле. Он танцевал отчаянно. Кресло вращалось. Виктор смотрел через о в своем имени, как-то, каким-то образом смотрел.

Танцуя, вращаясь под взглядом Виктора, Джоко был все равно что мертв.

Джоко был мертвым танцующим монстром.

Сидя за рулем своего «Ленд-Ровера», Даггет следовал по серпантинной дороге через Рейнбоу-Фоллс, надеясь, что его интуиция слуги закона подскажет, сколько поворотов надо сделать. Он подозревал, что, скорее всего, едет наобум.

Фрост на пассажирском сиденье изучал свой лэптоп. На экране, на части карты города, мигала красная точка, отображая текущее положение патрульной машины с начальником полиции Рафаэлем Хармильо за рулем. Днем ранее они тайком прикрепили маячок к автомобилю Хармильо и с тех пор следили за его передвижениями. С предыдущего утра чиф ^[10] посетил множество мест по всему городу, но лишь одно из них было непосредственно связано со службой порядка.

– Ага, – сказал Фрост. – Он только что остановился на углу Монтана Пауэр и Лайт. Конечный пункт.

«Ленд-Ровер» был оснащен полицейским сканнером, но Даггет и Фрост уже перестали его слушать. Более двенадцати часов назад чиф Хармильо и его люди прекратили пользоваться общим десятичным кодом, понятным любому копу где угодно, и начали использовать код собственного сочинения. Фрост пытался взломать его при помощи компьютера, но не сумел. Незакодированные части полицейских передач представляли собой короткие утверждения без особой информации.

– Хочешь отправиться к энергокомпании? – спросил Фрост. – Взглянуть, что там происходит?

– Я скорее думал, пока шеф мотается по делам, мы могли бы остановиться у его дома и немного побеседовать с его женой.

Даггет и Фрост, пробывшие в городе уже три дня, работали агентами отдела ФБР, настолько секретного, что он не был известен даже директору бюро. Они считали, в Рейнбоу-Фоллс происходит нечто чертовски плохое, но понятия не имели, что именно это может быть. Человек, сообщивший им о ситуации, знал только то, что за последние несколько лет в этот город поступали огромные суммы денег, пущенные на какую-то деятельность некоммерческой организации «Движение к Идеальному Миру». Сумма оказалась настолько громадной – фонды отмывались через такое количество счетов, прежде чем прибыть сюда, – что предполагала криминальное предприятие небывалых масштабов.

И сегодня после обеда от начальника своего отдела Мориса Мумо в

округе Колумбия они узнали, что Финансист, источник этих фондов, должен на следующий день прибыть куда-то в Рейнбоу-Фоллс. Если позволит погода, он прилетит на вертолете из Биллингс. Финансист был высокопоставленной личностью. Если эта личность решилась на частный визит, тайная организация – какого бы рода она ни была – наверняка приблизилась к кризисной точке той или иной степени.

– Поговорить с женой Хармильо? – Фросту идея не понравилась. – Я пока не готов сбросить наше прикрытие.

– Я не говорил, что мы будем светить перед ней значками бюро. Явемся к ней с какой-то историей, послушаем, что она скажет нам, и осмотрим дом изнутри, вот и все.

Фрост покачал головой:

– Я плохо притворяюсь.

– Ты видел меня в действии. Я могу сработать за десятерых. Ты просто стой там, улыбайся и кивай, а с остальным я справлюсь сам.

Фрост задумчиво уставился на мерцающую с монитора точку на карте, затем взглянул сквозь лобовое стекло на падающий снег. Весь день атмосфера в Рейнбоу-Фоллс была странной, тревожащей. Он не мог сказать почему. Поведение полиции предполагало вовлеченность в некую тайную и, возможно, противозаконную деятельность, но одного только этого было мало для столь глубокой его тревоги. В последние несколько часов у него возникло чувство, будто кажущаяся нормальность Рейнбоу-Фоллс является обманом, а затейливый милый городок лишь гиперреалистичная картина на занавесе. Казалось, этот занавес способен в любую секунду отдернуться и открыть совершенно иной набор странных отвратительных зданий, пребывающих на серьезных стадиях разрушения, узких петляющих улочек и мрачных диких и безымянных опасностей, таящихся в каждой тени.

Сейчас, проглоченный белым снегом, город не просто исчезал за пеленой, которой позже суждено было раствориться под ярким солнцем, а полностью выцветал из самого мира. Это происходило так, словно с таянием снега Рейнбоу-Фоллс должен был сгинуть, будто его никогда и не было.

Фрост являлся одним из тех, кого нелегко напугать. До нынешнего момента он не обладал и тем типом воображения, что сплетало из теней гоблинов и чуяло Буку за каждым углом.

Проблема заключалась не в нем. Проблема была в Рейнбоу-Фоллс. Что-то с этим местом очень сильно не так.

– Ладно, – сказал он. – Давай поболтаем с женой Хармильо.

Кроме парня в стетсоне и шинели, еще двое мужчин материализовались вдруг из ночи и снега. Они также были вооружены дробовиками.

У Карсон и Майкла вдобавок к «Урбан Снайперам» имелись собственные пистолеты, но, сидя в «Гранд-Чероки», эта пара находилась не в том положении, чтобы выжить в перестрелке.

Обращаясь к Майклу, Карсон сказала:

- Я могу переключить передачу и дать по газам.
- Плохая идея. Я забыл утром принять свою таблетку неуязвимости.
- Тогда что нам делать?
- То, чего они от нас захотят, – сказал Майкл.
- Это слова слабака. Мы не слабаки.
- Иногда ты слишком крута себе же во вред, – заметил он.

Обладатель моржовых усов снова постучал дулом в ее окно. Выглядел он так, будто с рождения страдал от запора. Когда Карсон улыбнулась ему, его хмурое лицо стало откровенно сердитым.

Карсон подумала о Скаут, своей малышке, ей не исполнилось и семи месяцев, когда супруги оставили девочку в Сан-Франциско, вверив ее опытной заботе Мэри Маргарет Долан, домоправительницы и няни. О маленькой дочери, улыбка которой могла растопить ледники. Вспомнив о Скаут, Карсон испытала ужас оттого, что, возможно, больше никогда ее не увидит.

Заглушая мотор, она сказала:

- Они ошибутся. И мы получим преимущество.
- Все к лучшему в этом лучшем из миров.
- Кто это сказал?
- Не знаю. Один из Маппетов. Может, Кермит^[11].

Они, открыв дверцы, вышли из внедорожника и вскинули руки, таким образом демонстрируя, что не вооружены.

Ковбой с моржовыми усами опасно отступил от Карсон, словно она была самым худшим из всего, что он видел. Выражение его лица предполагало бесстрашие, но быстрое поверхностное дыхание, выдаваемое облачками пара, обнажало истину за этим суровым выражением. Он направил Карсон к передней части «Гранд-Чероки».

Один из оставшихся стрелков от пассажирской двери провел туда же

Майкла и велел ему встать рядом с Карсон. На этом тоже был стетсон и кожаная куртка с овчинным воротником. Холодный воздух выдавал его дыхание, чуть менее неровное, чем у первого. Но в беспокойных глазах, то и дело мечущихся от Карсон к Майклу и в разные точки ночи, угадывался страх, который он пытался скрыть.

Они не были творениями Виктора. Они являлись настоящими людьми, по неизвестной причине узнавшими, какие ужасные события происходят за кулисами этой якобы мирной ночи Монтаны.

Третий мужчина, быстро обыскавший внедорожник, вынырнул из него, держа в руках, кроме собственного дробовика, один из «Урбан Снайперов».

– У них тут еще одна такая штука. Никогда раньше ничего подобного не видел. Пистолетная рукоятка. А заряжен крупным калибром вместо дробин. У них два пистолета, сумка с запасными магазинами и зарядами для дробовика.

Второй ковбой взглянул на усатого.

– Что хочешь делать, Тиг?

Тиг указал на «Урбан Снайпер» и обратился к Майклу:

– Не пояснишь ли нам, что это за пушка в руках у Арвида?

– Это полицейская серия. Недоступна в свободной продаже.

– Вы из полиции?

– Раньше были.

– Но не здесь.

– Новый Орлеан, – сказал Майкл.

– Бывшие, однако пушка у вас из тех, что позволены только полиции.

– Мы сентиментальны, – ответил Майкл.

– Мадам, как вы носите настолько мощное оружие? – спросил Тиг.

– Справляюсь, – ответила Карсон. – И с тобой могу справиться.

– Из какого вы отдела полиции?

– Из лучшего. Детективы. Убийный.

– И всегда так прямолинейны?

– Меньше шансов неправильно понять что-то, – промолвила Карсон.

– Моя жена на вас похожа, – сказал Тиг.

– Каждый вечер опускайтесь на колени и благодарите Бога за такую леди.

Большинству людей не хватало смелости на прямой зрительный контакт с Тигом. Взгляд у него был острый, как скальпель. Карсон почти слышала стальной звон, с которым столкнулись их глаза.

– И что же вы тут делаете, раскатывая с таким арсеналом? – спросил

Арвид.

Карсон взглянула на Майкла, тот поднял брови, и она решила выдать немного правды, просто чтобы посмотреть, к чему это приведет:

– Охотимся на монстров.

Трое ковбоев затихли, взвешивая ее слова и переглядываясь друг с другом. Мягкий снег все падал беззвучно, дыхание парило в холодном воздухе, огромные темные деревья вдоль улицы медленно таяли в белизне... Тихая реакция мужчин на ее странное утверждение предполагала, что они уже пережили нечто, сделавшее охоту на монстров практически столь же обоснованной, как и любую иную деятельность.

– Что вы видели? – спросила Карсон.

Безымянный ковбой, обращаясь к своим товарищам, сказал:

– У них оружие. Это значит, они должны быть как мы. Им нужно оружие.

– Клинт прав, – отозвался Арвид. – Тем машинам для убийства оружие не требуется. Мы видели, на что они способны без него.

– Машинам? – спросил Майкл.

В отличие от Арвида и Клинта, Тиг не опустил дробовика.

– Они выглядели как настоящие люди, однако не были ими. Похожи на Терминатора, но еще более странные.

– Космические пришельцы, – заявил Арвид.

– Хуже того, – промолвила Карсон.

– Не знаю, что может быть хуже.

– Мадам, – сказал Тиг, – вы имеете в виду, вам известно, чем они являются?

– Чтобы обсудить это, нам стоит уйти с улицы, – предложила Карсон. – Кто знает, что может случиться в следующий момент. Клинт прав, мы с вами на одной стороне.

– Возможно, – промолвил Тиг.

Карсон указала на дом, стоящий среди деревьев в окружении припаркованных машин, фары которых светили во всех направлениях:

– Похоже, вы предполагаете, что придется защищать это место. Жена, о которой вы говорили, она там?

– Там.

– Как ее зовут?

– Калиста.

– Готова поспорить, Калиста придет к нужному выводу обо мне и Майкле в пять раз быстрее тебя. Ей наверняка иногда хочется пнуть тебя под зад за твое тугодумие.

– Я рассудительный. Жене это нравится.

– Куда ей деваться.

Они снова сошлись в битве взглядов, и, после того как полуулыбка дернула уголок его рта, Тиг опустил дробовик.

– Ладно, вооружайтесь. Идите за мной, давайте обменяемся информацией и подумаем, сможем ли выбраться из этой заварушки живыми.

Арвид вернул им «Урбан Снайпер».

Майкл устроился на пассажирском сиденье «Гранд-Чероки», пока его жена снова усаживалась за руль. К тому времени как она включила фары, Арвид и Клинт уже вернулись на свои наблюдательные посты, исчезнув в снегу и подлеске.

Она проехала вперед вдоль изгиба дороги и повернула вправо, на дорожку, следуя за Тигом, уже прошедшим половину расстояния до дома.

Припарковавшись за последним внедорожником из череды машин, Карсон осознала, что перед ней значительно больше автомобилей, чем она вначале подумала, не меньше дюжины. И местность у дома была куда обширнее, чем казалась с улицы. Одинокaя асфальтовая дорога, огибая дом, шла к низкому зданию, возможно, совмещавшему в себе гараж и мастерскую.

Выйдя из джипа, Карсон услышала звук моторов некоторых машин, что освещали фарами снежную ночь. Тут и там, в тенях между авто, стояли попарно люди, тихие, настороженные.

Пересекая двор, чтобы попасть к переднему крыльцу, Карсон сказала Тигу:

– Это твои соседи?

– Нет, мэм, – ответил он. – Мы принадлежим к одной Церкви. И были на семейном собрании, которое проводим раз в месяц, в придорожной закусочной мэра Поттера, когда эти пришельцы – или кто там они такие – напали на нас. Мы потеряли троих хороших парней. Но не детей, благодарение Господу.

– Какой Церкви? – спросил Майкл.

– Церкви Всадников Небесных, – ответил Тиг, когда они поднимались на крыльцо. – Те наши ребята, что погибли сегодня... мы верим – они проедут через врата Рая верхом на небесных лошадях, но это не утешает в той мере, в которой должно бы давать успокоение.

Нэнси Поттер, поддельная жена мэра Рейнбоу-Фоллс, вначале была недовольна расположением двадцати шести фарфоровых фигурок, стоявших на трех полках в стеклянном шкафчике гостиной Поттеров. В течение часа ее недовольствие превратилось в раздражение, перешедшее в злость, что переросла в ярость. Будь фарфоровые фигурки настоящими людьми, она бы убила их всех, она бы выпотрошила их, оторвала бы им головы и подожгла бы их останки.

Будь настоящая Нэнси Поттер жива, *эта* Нэнси Поттер забила бы ее до смерти лишь за то, что она вообще купила эти фигурки. Три полки с двадцатью шестью фарфоровыми статуэтками просто невозможно было сбалансировать и сделать приятными глазу. Ближе всего ей удалось подобраться к равному количеству на каждой полке, когда с одной стороны она выставила девять, девять, восемь. С другой – *идеальным* числом для каждой полки, с которым выставка в шкафу выглядела бы не чересчур пустой и не очень перегруженной, было двенадцать. Она могла бы сделать вид приемлемым и с одиннадцатью на каждой полке, но ей все так же не хватало семи фигурок. Настоящая Нэнси Поттер определенно не имела понятия о необходимости симметрии во всем, потребности в порядке и балансе.

Каждый член Коммуны понимал: идеальная симметрия, абсолютный порядок, баланс и согласованность – важнейшие принципы. Существовало множество веских норм, ни одна из которых не была важнее других: непоколебимая сосредоточенность, эффективность, безусловное равенство, единообразие, подчинение создателю Коммуны, следование холодному расчету и отрицание сентиментальности...

Настоящая Нэнси Поттер была типичным человеком, плохо сосредоточенным и неэффективным. Что уж говорить о сентиментальности! Все двадцать шесть фарфоровых статуэток были ангелами. В течение часа, который репликант Нэнси провела, пытаясь привнести симметрию в шкаф, она испытывала все большее отвращение не только к беспорядку, но и ко всем этим слащавым, сусальным, безвкусным, бессодержательным ангелам с их доводящей до бешенства сопливой восторженностью и глупой ханжеской набожностью. Они были оскорблением здравого смысла, издевательством над разумом, преступлением против эффективности. Будь настоящая Нэнси Поттер

здесь, член Коммуны Нэнси забила бы ее до смерти, но не раньше, чем засунула бы каждого, до последнего, глупого фарфорового ангела этой бестолковой женщине в глотку или какое-нибудь другое дурацкое отверстие.

Выведенная из себя, она уронила двух ангелов на пол и топтала их, пока фигурки не превратились в бесполезный мусор. Осталось двадцать четыре, по восемь на полку: баланс. Но все равно они были ангелами, и полки выглядели слишком пустыми, чтобы радовать глаз. Она выхватила еще две фигурки из коллекции, швырнула их на пол и била по ним ногами, топтала, а затем еще две и еще две. Уничтожение этих сентиментальных безделушек принесло ей интеллектуальное удовольствие, *огромное* удовольствие от разбивания ужасно дремучих символов презираемого невежества. Она ненавидела их, эти омерзительные крылатые тотемы, чувствовала к ним отвращение, как питала ненависть к глупому человеческому существу, собиравшему их. Они должны были умереть, все до последнего, глупые люди, их необходимо уничтожить, потому что с ними умерли бы их идиотские фантазии, их дурацкие, безмозглые, иррациональные, тупые, бестолковые, инфантильные верования, идеи и надежды. Все до единого самодовольные, полные самообмана, мужчины, женщины и дети должны умереть. Особенно дети, они хуже всего, эти грязные выделения немыслимо неопрятного биологического процесса – их всех следует растоптать, уничтожить, *раздавить*, растереть, **ИЗМЕЛЬЧИТЬ В МЯСНУЮ ПАСТУ!**

Из арки, соединявшей гостиную с холлом первого этажа, Ариэль Поттер сказала:

– Ты же не зацикливаешься, не так ли?

Это была не настоящая Ариэль, которой исполнилось четырнадцать лет.

Та Ариэль теперь мертва. Эта тоже была блондинкой с голубыми глазами, но ее запрограммировали и выпустили чуть менее девяти дней назад.

– Потому что, если ты зацикливаешься, я должна доложить о тебе нашему создателю. Ему придется отозвать тебя.

Члены Коммуны были эффективны и сфокусированы, как машины. Эффективность приравнивалась к моральности, неэффективность являлась единственным грехом, свойственным их расе. Единственным, что делало кого-то из них неэффективным, была зацикленность, к которой имели склонность некоторые представители Коммуны.

Немногие. Тенденция к зацикливанию легко распознавалась

техниками Уля в течение трех дней после выпуска члена Коммуны. Техники идентифицировали бракованных представителей с точностью до 99,9 процента и возвращали их в материнскую массу, из которой всех их создавали. После тестирования каждого члена Коммуны шансы на выход зацикленного из Уля сводились практически к нулю.

И все же единственный такой представитель, действующий в мире вне Уля, мог начать работать настолько некорректно, что не сумел бы сойти за человека. Следовательно, каждый нераспознанный зацикленный способен был выдать существование расы Коммуны и предупредить человечество о том, что против него ведется тайная война.

– Я не закливаю, – сказала Нэнси.

Ариэль смерила ее прямым беспристрастным взглядом, поскольку они были абсолютно равны.

– Тогда что ты делаешь?

– Я уничтожаю хлам и привношу порядок в этот чудовищно неупорядоченный дом.

Ариэль оглядела разбитый фарфор, замусоривший весь пол.

– Я не вижу в этом порядка. В чем я ошибаюсь?

Нэнси резким широким жестом обвела оставшихся на полках ангелов, а затем ее раскрытая ладонь стала плотно сжатым кулаком, которым она им погрозила.

– Вначале я должна уничтожить эти бессмысленные образы. Это вполне логично. Они являются глупыми символами безвкусицы и беспорядка. После того как я полностью, окончательно и навсегда уничтожу этих мерзких, отвратительных, гнусных идолов, я, конечно же, вымету каждый обломок, осколок, кусочек, все пылинки до последней. И тогда гостиная станет упорядоченной, умиротворенной, безукоризненной.

Ариэль полминуты молча изучала Нэнси, а затем сказала:

– Разве использование чрезмерного количества прилагательных и наречий не является признаком обсессивного расстройства^[12]?

Нэнси задумалась над вопросом. От членов Коммуны при общении между ними ожидалось интеллектуальное рвение и прямота.

Ликвидация ангелов заставила ее испытать крайнее рвение.

– В данном случае это лишь указание на интенсивность моей сосредоточенности на задании. Я сосредоточена полностью, точнее астрономического телескопа, сильнее лазера.

После секундного размышления Ариэль сказала:

– Я съела почти все из холодильника и половину того, что находилось в кладовой. Я все еще голодна. Думаю, дело в том, что мне *не терпится*

начать. Я хочу пойти в сарай и стать тем, что я есть.

– Но ты во второй фазе, – сказала Нэнси. – Согласно графику, ты не должна приступать к работе до субботы, когда все люди в городе будут мертвы и мы получим полный безраздельный контроль.

Ариэль кивнула.

– Однако я полагаю, что идентична тебе. Я сфокусирована, как лазер, я так сосредоточена на миссии, так жажду эффективно ее продолжить, что ждать не имеет смысла. Логика говорит мне: надо руководствоваться здравым смыслом, здравый смысл – продолжать только по достойной причине. И у меня есть достойная причина, она заключается в том, что я не могу больше откладывать, просто не могу, не могу, это настоящая пытка – ждать, это невыносимо, я должна все сделать, я должна стать тем, чем создана стать, сегодня, теперь, *прямо сейчас!*

В течение двенадцати секунд Нэнси размышляла о том, как Ариэль преподнесла свое дело. Тысячелетний календарь и часы были частью ее программы, как и у всех членов Коммуны, она всегда до секунды знала точное время и не нуждалась в наручных часах.

Нэнси сказала:

– Графики – часть эффективности. Если ты способна справиться со своими обязанностями раньше запланированного, это лишь означает, что ты эффективнее, чем было задумано, когда тебя создавали.

– Моя готовность, опережающая график, – сказала Ариэль, – доказательство гениальности нашего создателя.

– Он величайший гений из когда-либо живших. И моя неспособность мириться с этими глупыми, безмозглыми, бессмысленными, дурацкими ангелами является доказательством моей преданности Коммуне.

– Ради Коммуны, – сказала Ариэль.

– Ради Коммуны, – ответила Нэнси.

– Ты пойдешь сейчас со мной к сараю?

– Дай мне вначале разбить остальных.

– Хорошо. Если тебе это нужно.

– Нужно. Мне действительно очень нужно. А затем я помогу тебе с твоим становлением.

– Только поторопись, – сказала Ариэль. – У меня тоже есть потребности. Мне нужно быть в сарае, становиться тем, чем суждено быть. Я нуждаюсь в этом так сильно, что чувствую, будто взорвусь, если не получу этого как можно быстрее.

Членов Коммуны делали асексуальными, их не зачинали, а скорее производили. Они не обладали сексуальными способностями или

желаниями.

Между тем Нэнси была вполне уверена: она ощущает сейчас примерно то же, что и люди во время отличного секса. Мощный прилив энергии сотряс все ее тело, и с этой энергией пришла чистая черная ненависть ко всему человечеству и всем живым существам, не созданным в Улье. Отвращение было настолько сильным и жарким, что у Нэнси даже мелькнула мысль, что она взорвется огненным столпом, а вместе с энергией и ненавистью пришло чудесное видение мертвого мира, сожженного, тихого, лишенного своей сути.

Нэнси смела оставшиеся фарфоровые фигурки со стеклянных полок шкафа. Она топтала их, одну за другой, топтала и разбивала каблуками, пинала осколки. Она подхватила голову ангела и швырнула ее через комнату с такой силой, что острая часть отбитой шеи застряла в гипсокартоне. Покрытая глазурью и нимбом голова, большая, как слива, теперь глядела на нее почти потрясенно, словно голова трофейного оленя со стены охотничьего дома. Топча, измельчая, пиная ангелов, Нэнси внезапно осознала, что кричит с некой яростной радостью, ее пронзительные вопли эхом отдаются от стен гостиной, и этот дикий звук придал ей сил, взбудоражил ее.

И Ариэль наверняка взбудоражил тоже, поскольку та шагнула из арки в комнату и остановилась, крича вместе с Нэнси. Она вскинула кулаки и трясла ими, запрокидывала голову и мотала ею, хлеща по плечам своими длинными светлыми волосами. Ее глаза светились рассудочностью и интеллектом. Ее голос был силен и чист, полон рационализма и разума. Ариэль не отнимала момент Нэнси, она поддерживала ее, это был крик, означавший «давай-давай, девочка».

Мистер Лисс, припарковавшись у обочины, выключил фары, и все яркие танцующие снежинки тут же поблекли в темноте, словно свет выключился в каждой из них.

– Ты уверен, что это дом Бозмана?

– Да, сэр, – сказал Намми. – Это здесь, в одном квартале от дома бабушки, где я жил до прихода марсиан.

Уютный кирпичный дом был одноэтажным, с белыми ставнями на окнах. Переднее крыльцо обрамляли белые перила, белые железные столбики поддерживали то, что они называли крышей из печеной фольги. Намми всегда было интересно, где они нашли такую большую духовку, чтобы запечь в ней крышу.

– Ты уверен, что он живет один, Персик?

– Кику умерла, а дети у них так и не родились.

– Как давно Кику купила ферму?

– Она не покупала ферму, ей купили участок на кладбище.

– Кажется, я неправильно понял. Как давно она умерла?

– Что-то вроде двух лет назад. Раньше бабушки.

– Может, Бозман и не живет один.

– А с кем бы он жил? – удивился Намми.

– С девушкой, с парнем, с парой, с бабушкой, да хоть с гребаным ручным аллигатором. Откуда мне знать, черт побери? Этот сукин сын может жить с кем угодно. Если бы ты пользовался своим маленьким мозгом, парень, ты бы не задавал столько тупых вопросов.

– Боз живет один. Я полностью уверен в этом. К тому же там не горит свет, значит, никого нет дома.

– Аллигаторы видят в темноте, – сказал мистер Лисс. – Ну ладно, пошли. Мне нужен снегоход, я хочу убраться из этой деревни проклятых.

Дом напротив был тоже темным, и фонари на улице не горели. Асфальт и газоны покрывал снег, однако, несмотря на то что казалось, будто это белое покрывало светится, оно не светило. И снежинки падали так густо, что выглядели почти туманом, поэтому смотреть вдаль не удавалось. Даже если бы кто-то где-то выглянул в окно, этот кто-то не смог бы увидеть, что мистер Лисс несет длинное ружье, прижав его к правому боку.

У мистера Лисса было два пистолета и всевозможные патроны к ним в

карманах его длинного пальто. Он нашел оружие в доме проповедника, который они сожгли, потому что там было полно гигантских коконов с растущими внутри чудовищами. Мистер Лисс сказал, что расплатится за оружие с выигрыша в лотерею – у него в бумажнике был билетик с нужным, по его словам, числом, – однако у Намми было неприятное ощущение, что на самом деле мистер Лисс просто украл оружие. Родители мистера Лисса, похоже, совсем не водили его в церковь, пока он рос.

Снег мягко похрустывал под их ногами, когда они приближались к заднему крыльцу дома, где их не могли бы увидеть с улицы. Мистеру Лиссу не понадобился его набор отмычек – он потрогал кухонную дверь, и та открылась внутрь, скрипнув петлями.

Намми внезапно очень захотелось не входить в дом офицера Барри Бозмана, не потому, что это было плохо – входить в чей-то дом без приглашения, а потому что в доме их ждало нечто плохое. Он не понимал, откуда это знает, просто знал. Чувствовал тянущим, скользящим ощущением в животе. Напряжением в груди, которое не позволяло глубоко вздохнуть.

– Давайте сейчас уйдем, – прошептал Намми.

– Некуда уходить, – сказал мистер Лисс. – И нет времени, чтобы куда-то попасть.

Старик переступил порог, провел одной рукой по стене у двери и включил свет.

Когда Намми скрепя сердце последовал за мистером Лиссом, он увидел Боза в нижнем белье и распахнутом халате, сидящего на стуле за кухонным столом. Голова Боза была запрокинута назад, рот широко открыт, глаза закатились в глазницах.

– Мертв, – сказал мистер Лисс.

Намми понял это с первого взгляда.

Но, хотя офицер Бозман и был мертв, Намми стало не по себе оттого, что он видел его в нижнем белье. И еще неуютно потому, что казалось неправильно вот так глазеть на мертвого человека, который не знает, что ты здесь, не может велеть тебе убираться и даже не способен привести себя в приличный вид.

Отвернуться от мертвого тоже было нельзя. Потому что тогда казалось бы, что ты *стыдишься* его, словно он сам виноват, что умер.

А когда мертвым человеком был кто-то знакомый, как Боз – или как бабушка, – то еще и немного хотелось умереть самому. Между тем все равно нужно было смотреть на него, потому что это в последний раз ты видишь человека, кроме как на фото, а фотографии – это просто

изображения, они не человек.

На левом виске Боза поблескивала серебряная бусина, такая же, как на лицах тех зомбированных людей в тюремных камерах.

Все люди в тюрьме ждали, как хорошие собаки, которым велели «сидеть».

А потом возник красивый молодой человек и превратился в ангела, вот только не ангела, и, разорвав их всех на куски, принял в себя.

Намми надеялся, что красивый молодой человек не появится здесь в ближайшее время.

Мистер Лисс закрыл заднюю дверь и пересек комнату, оставляя на виниловом полу куски снега. Старик пристально смотрел на труп, но не трогал его.

– Он уже давно мертв. Как минимум восемь или десять часов, а то и дольше. Наверное, это случилось до рассвета.

Намми понятия не имел, как можно узнать, когда кто-то умер, и не хотел этому учиться. Чтобы освоить такую штуку, нужно видеть много мертвых людей и, наверное, подробно их изучать, но Намми больше всего хотел *никогда* в дальнейшем не видеть мертвых людей, до конца своей жизни.

Мистер Лисс поднял со стола какой-то пистолет, сделанный из блестящего металла. Покрутил его в руках, рассматривая.

На столе стояла ваза со свежими фруктами: груша, несколько бананов и больших яблок, выглядевших недозрелыми. Мистер Лисс направил странный пистолет на яблоко и нажал на курок. *Т-тун!* Внезапно на яблоке появилась такая же блестящая серебристая бусина, как на лице офицера Бозмана.

Мистер Лисс снова нажал на курок, но ничего не произошло. Когда он выстрелил в третий раз – *Т-тун!* – на втором яблоке тоже появилась серебряная бусина. В четвертый раз снова ничего не произошло.

– Двухцикловый механизм. Интересно, что делает второй цикл? – спросил мистер Лисс.

Никаких циклов на кухне не было, ни мотоцикла, ни прочего. Намми не знал, как ответить на вопрос старика, и не хотел, чтобы на него снова рычали, обзывая дурачком. Они оба знали, что он глуп, всегда был глуп, и никому из них для этого не требовалось постоянных подтверждений. Намми хранил молчание.

Когда мистер Лисс вернул стреляющий серебряными бусинами пистолет на стол, туда же, где нашел, из гостиной зазвучало пианино. У Боза было пианино. Он называл его «поставленным на попа», поэтому

Намми понял, что изначально оно стояло в церкви или где-то в чистом и возвышенном месте вроде нее, а не в каком-то баре. Кику играла на инструменте и научила Боза играть, однако никто из них не мог делать это сейчас, потому что и он, и она были мертвы.

– Давайте уйдем отсюда, – сказал Намми.

– Нет. Мы уже в деле, парень. – Старик поднял свое длинное ружье. – Трусость обычно хорошая штука, но в определенные моменты она может тебя убить.

Мистер Лисс отправился к двери в коридор, которая была открыта. Нашел выключатель на стене, и темный холл осветился.

Когда мистер Лисс вышел из кухни, Намми решил, что страшнее остаться одному с мертвым человеком, чем пойти и посмотреть, кто играет на пианино. Он последовал за стариком.

Музыка была красивой, но печальной.

А в гостиной в конце коридора было темно. Намми удивился тому, что кто-то может настолько хорошо играть на пианино в полной темноте.

Сэмми Чакрабартти никогда не стоял в стороне, ожидая, что кто-то другой все сделает за него. Он всегда двигался, делал, думал, справлялся с текущим заданием, но одновременно планировал наперед. При росте сто семьдесят сантиметров он весил всего пятьдесят девять килограммов, ел за двоих, однако не мог набрать ни грамма, потому что постоянно двигался, а обмен веществ этого человека опережал его.

Он помогал адаптировать нынешнее вещание к коллапсу всех телефонных служб и доступа к интернету, что казалось эдаким кризисом в середине ток-шоу. Теперь это больше не было кризисом, не было даже проблемой, учитывая, что двоих человек только что убили, лишили жизни люди или нечто, притворяющееся людьми, и KBOW погрузился в Сумеречную Зону.

Сэмми сбежал из инженерного отсека в кухню, где располагались холодильник, микроволновка, мороженица и кофеварка. Сэмми дернул ящик шкафчика, в котором хранилась посуда и разные столовые приборы, в том числе и несколько ножей, из которых он выбрал себе самый большой и острый.

В свои двадцать три Сэмми уже был полноценным директором программы радиостанции, коммерческим директором и начальником отдела по связям с общественностью. Он жил в недорогой двухкомнатной квартире, ездил на древней «хонде» и инвестировал половину своего чистого дохода, ведя онлайн довольно успешную торговлю акциями. Его план был таков: стать генеральным директором к двадцати шести годам, купить KBOW к двадцати девяти и затем использовать ее как платформу к развитию революционного вещания, которое сумеет принести станции славу по всей стране.

Невероятные события нескольких предыдущих минут грозили осложнениями, тормозившими его план как минимум на год, а то и на полтора. Но Сэмми Чакрабартти не мог представить себе обстоятельств, способных задержать его дольше указанного или вовсе расстроить планы.

Вооружившись ножом, он заторопился через здание обратно к инженерному отсеку, где персонал станции и гигант с полуразбитым лицом, назвавшийся Девкалионом, стояли над телами тех, кто выглядел как Уоррен и Энди Снайдер, но не являлся ими.

Ральф Неттлс, их инженер, был надежным как скала парнем,

отличавшимся ответственностью, искренностью и здравым смыслом. Поэтому, наверное, эти Уоррен и Энди действительно пытались убить его, а татуированный незнакомец спас ему жизнь и выступает в качестве их союзника. Что касается бледно-голубого пара, струившегося из ноздрей Уоррена во время его конвульсий, данный факт говорил о том, что тип был не более человеком, нежели автомат, в котором лопнул резервуар с охладителем. Это должно было быть правдой, однако все предпочли бы получить чуть более убедительные доказательства.

В пультовой кроме Ральфа с гигантом находились еще Барт Когборн, рекламщик, и Мэйсон Моррелл, сотрудник, писавший рекламные тексты, ведущий вечернего ток-шоу сегодняшней программы, который переключился с живой трансляции на записанную часть, специально заготовленную для таких форс-мажоров. Ну, *не совсем* для таких. Мэйсон скорее готовился к неожиданному приступу поноса во время эфира. Все, за исключением незнакомца, выглядели встревоженными и сбитыми с толку.

В отсутствие Сэмми тело Уоррена Снайдера раздели до пояса, а штаны стянули настолько, чтобы открыть весь живот от груди до паха.

– Я не знаю, что именно вы увидите, – сказал Девкалион, – но уверен, этого будет достаточно, чтобы доказать вам – перед нами не настоящий Уоррен Снайдер.

Гигант опустил на колени рядом с трупом и вогнал в него нож, прямо под грудиной.

Мэйсон Моррелл ахнул, возможно, не потому, что его шокировало или ужаснуло надругательство над телом, а лишь ради эффекта, чтобы доказать, что он, звезда эфира, по природе своей более чувствителен, чем те, кто работал за кулисами его шоу.

Сэмми нравился Мэйсон, хотя этот парень всегда переигрывал тут и там, за микрофоном и без, и порой утомлял.

Тонкая змейка крови заскользила от рукоятки ножа по бледному животу, и на миг труп показался все же человеческим. Но затем Девкалион полосонул до пупка и ниже, таким образом срезав иллюзию человечности. Края раны разошлись, и кровь – если *это* была она – оказалась пропиткой лишь поверхностных тканей.

Глубже все было странным, совершенно не похожим на внутренности человеческого тела. Некоторые органы имели цвет матового стекла, некоторые были белыми с неравномерными потеками серого, словно мясо определенного вида рыб, а отдельные обладали легким намеком на зеленый. Другие казались гладкими и обтекаемыми, иные текстурой напоминали головки домашнего сыра, и абсолютно все имели странную

форму и были асимметричными. Двойная спираль опалесцирующих^[13] трубок вилась через весь корпус, из тех, что были проколоты или разрезаны, сочилась кремовая жидкость. Всю брюшную полость опутывала тонкая сеть люминесцентных волокон, которые казались скорее электронными, нежели биологическими, и мягко светились, несмотря на то что дубликат Уоррена Снайдера был так же мертв, как и человек, которого он заменил.

Оставив нож торчать из тела, Девкалион выпрямился во весь рост. С дрожью отвращения и страхом в голосе, которые не нравились ему самому, Сэмми Чакрабартти спросил:

– Что это за штука?

– Она была сделана в лаборатории, – сказал гигант. – Сотни или даже тысячи подобных сейчас в процессе захвата контроля над этим городом.

– Какой лаборатории? – спросил Ральф Неттлс и недоверчиво покачал головой. – Наша наука пока недостаточно развита для подобного.

– Доказательство у вас перед глазами, – напомнил ему Девкалион.

Барт Когборн смотрел не на труп, а на свои часы, словно в его мире радиопродаж не было места для развития подобных событий, словно он мог заявить, что приближается дедлайн, поэтому ему нужно вернуться в свой кабинет и писать объявления.

– Может, и в лаборатории, – согласился Ральф. – Но не на этой планете.

– На этой планете, в этом штате, в этом округе, – заверил его Девкалион со зловещей уверенностью. – Я скоро объясню, кто я и кто сотворил этих созданий. Но вначале вы должны подготовиться к защите станции и предупредить других, как в Рейнбоу-Фоллс, так и за пределами города, о том, что происходит.

– Защищать ее чем? – спросил Мэйсон Моррелл. – Парой кухонных ножей? Против сотен, а может, тысяч этих... этих штук? И они сильнее нас? Мужик, это не кино, у нас тут нет суперзвезды большого экрана, способной все исправить в третьем акте. Я не могу спасти мир. Я не в состоянии спасти ничего, кроме собственной задницы, свалив отсюда, уехав из города и оставив это дело армии.

– Ты не выберешься, – сказал Девкалион. – Они захватили полицию и все органы власти. Дороги блокированы с обеих сторон города. Они захватывают ключевые службы – телефоны, энергостанцию. Погода им в этом способствует, поскольку люди не намерены покидать дома, а там дубликатам проще их отыскать.

– Без телефонов и любой возможности передавать сообщения, – сказал

Сэмми, – без интернета лишь KBOW – наш единственный способ предупредить широкие массы людей.

– У меня есть оружие, – сказал Ральф Неттлс. – Я... собираю.

Сэмми всегда думал, что у этого уравновешенного, ответственного, одержимого деталями инженера наверняка имеется план на все случаи жизни, от влюбленности до Армагеддона. Хоть он никогда и не слышал, чтобы Ральф даже словом обмолвился о коллекционировании оружия, подобное откровение его не удивило, он подозревал, что коллекция будет обширной, количества лишь чуть-чуть не хватит для оправдания слова *параноидальная*.

– Достаточно, чтобы защитить это место, – сказал Ральф. – До моего дома меньше мили. Я могу вернуться сюда с оружием и боеприпасами за... двадцать минут или около того.

– Я пойду с тобой, – сказал Девкалион, – и мы будем гораздо раньше.

Зазвучал звонок во входную дверь. KBOW была закрыта для посетителей, после того как приемная запиралась в половине шестого.

– Это Транспорт Номер Один, – промолвил Девкалион. – Они считают, что заберут отсюда четверых зомби. Ждите здесь. Я с ними разберусь.

Сэмми не мог даже подумать, что потрясающее открытие существования репликантов и вид их инопланетных внутренностей окажутся менее поразительными, чем уход Девкалиона из комнаты. И все же он, Ральф, Мэйсон и даже полубессознательный Барт вскрикнули от изумления, когда Девкалион, отвернувшись от них, не просто вышел из комнаты, а *исчез* из нее.

Чтобы приподнять пятилетнюю Крисси Бенедетто, едва достававшую подбородком до столешницы, понадобилось две подушки, уложенные на кухонный стул.

Обеими ручками девочка подносила к губам кружку горячего шоколада, и каждый раз, когда она отпивала из нее, глаза малышки расширялись, словно радуясь вкусу напитка.

– Ты делаешь его по-другому, – сказала она.

– Я использую миндальное молоко, – ответила Эрика, сидевшая за столом напротив девочки.

– Миндальное, то есть из орехов?

– Да. Именно.

– Ты, наверное, давишь очень сильно, чтобы выдавить из них молоко.

– Давят другие люди. Я просто покупаю его в магазине.

– А из арахиса тоже можно добыть молоко?

– Нет, не думаю.

– А можно выдавить молоко из каш-ю?

– Из кешью? Нет, не думаю.

– Ты очень красивая, – сказала Крисси.

– Спасибо, милая. Ты тоже очень красивая.

– Я была Русалочкой в подготовишке. Ну, когда в последний раз отмечали Хэллоуин.

– Готова поспорить, ты очаровала всех мальчиков.

Крисси поморщилась:

– Мальчишки. Они все хотели быть страшными. И были фу.

– Лучше быть красивым, чем страшным. Мальчики рано или поздно понимают это, но, чтобы понять, им нужно много времени.

– А в этом году я буду принцессой. Или свинкой, как Оливия из книжек.

– Я бы на твоём месте выбрала принцессу.

– Ну, Оливия – красивая свинка. Да и папа всегда говорит, что не важно, как ты выглядишь снаружи. Главное, какая ты внутри. А другие печенья у тебя тоже выходят вкусными.

– Я добавляю пекан и кокос к шоколадной крошке.

– Можешь научить мою маму?

– Конечно. Я и тебя могу этому научить.

Последним из качеств, которые Эрика Пятая – теперь Сведенборг – должна была бы обнаружить в своем характере, являлся талант вызывать к себе симпатию и воспитывать юных. Будучи выращенной в резервуаре «Рук Милосердия» в далеком Новом Орлеане, обретя сознание уже взрослой, она была лишена родителей, от которых могла бы перенять нежность, и детства, в течение которого стала бы объектом ласковой заботы других. Она была создана, чтобы служить Виктору, беспрекословно ему подчиняться, ее запрограммировали ненавидеть человечество, в особенности юное. Даже тогда Виктор представлял себе мир, где однажды исчезнут дети, будущее, в котором секс не станет служить ничему, кроме избавления от напряжения. Он мечтал о времени, когда сама концепция семьи будет уничтожена, а члены постчеловеческой Новой Расы будут привязаны не друг к другу, к странам или Богу, а лишь к нему, Виктору.

– Мама в городе, покупает мне мишек Тедди, – пролепетала Крисси.

Так сказал ей Майкл. На самом деле ее мать была мертва.

– Та глупая поддельная мама разорвала моих мишек.

Поддельной мамой являлась представительница Коммуны, заменившая настоящую Дениз Бенедетто. Майкл спас Крисси, а Карсон несколько секунд спустя убила репликанта.

– И откуда взялась та поддельная мама? – спросила Крисси.

Она казалась хрупкой, как фарфор от Лладро^[14]. Доверчивая натура девочки и уязвимое сердце почти довели Эрику до слез, но она сдержала их.

– Ну, милая, наверное, это как в сказках со злыми ведьмами. Иногда достаточно заклинания, чтобы сделать их похожими на других людей.

– Поддельная мама была злой ведьмой?

– Возможно. Но поддельной мамы больше нет, она никогда не вернется.

– А куда она ушла?

– Я слышала, ее бросили в котел с ядом, который она варила, чтобы отравить других людей.

Глаза Крисси расширились без помощи горячего шоколада.

– Вот это круто.

– Она пыталась превратиться в стаю летучих мышей и улететь из котла на волю, – продолжала Эрика. – Но все мыши перепачкались ядом и – пшик! – превратившись в облачко тумана, исчезли навсегда.

– Вот так и *надо* всем злым ведьмам.

– Так и *случилось*. Пшик!

Из кабинета по коридору до самой кухни снова донесся голос Джоко,

полный хакерского торжества:

– Бум, вум, зум! Выдали пудинг, теперь тащите пирог!

Отложив печенье, Крисси сказала:

– Твой маленький мальчик говорит совсем не так, как все мои знакомые мальчишки.

– Да, не так. Он очень особенный.

– *Еще одна слива, еще одна слива, еще одна слива струсилась! Джоко трясет кибер-сливы! Ах-ха-ха-ха, ах-ха-ха-ха!*

– А можно с ним познакомиться?

– Чуть позже, милая. Он сейчас делает домашнее задание.

– *Козявки! Козявки! Козявки! КОЗЯВКИ! Ладно, ладно. Так что... резать, дергать, рвать, кусать, и-и-и из зипа вырывать! Джоко – король всего мира!*

– Помнишь, как ты сказала мне о том, что папа говорил про важность внутри и снаружи? – спросила Эрика.

– Конечно.

– Так вот, Джоко очень красивый внутри.

– Надеюсь, я ему понравлюсь.

– Джоко все нравятся.

– А он любит играть в чаепитие? – спросила Крисси.

– Уверена, что он с удовольствием поиграет.

– Мальчишки обычно не любят.

– Джоко всегда хочет делать приятное. Милая, боялась ли ты когда-нибудь чего-то, позже узнавая, что этого нечего было бояться?

Крисси нахмурилась, задумавшись над вопросом, а потом внезапно просияла:

– Ага, собак.

– Ты боялась собак?

– Больших собак с большими зубами. Большого старого Дуфуса у соседей.

– Но потом ты лучше узнала Дуфуса, да?

– И он очень милый внутри.

– И снаружи перестал быть таким уж страшным, верно?

– Он теперь забавный. – Правая рука девочки взметнулась вверх, и она помахала ладонью, словно в классе хотела добиться внимания учителя.

– Что, милая?

– Герцог. Когда я его впервые увидела, он меня напугал. – Герцогом она называла Девкалиона. – Но потом он поднял меня и волшебством перенес оттуда сюда, и больше он меня не пугает.

– Ты хорошая девочка, Крисси. И храбрая. Девочки могут быть храбрыми, совсем как мальчики. Я горжусь тобой.

По коридору из кабинета все доносился голос хакерствующего Джоко:

– *Джоко видит пирожок! Джоко режет тут кусок! А потом еще кусок! Они пекут, у Джоко слюнки текут! Вкусные цифровые данные! Давай, Джоко! Джоко, давай! Давай-давай-давай-ДАВАЙ!*

Рафаэль Джизус Хармильо, начальник полиции, жил в двухэтажном американско-викторианском доме на Бруин-драйв. Вдоль скатов главной крыши и навеса над крыльцом, а также вокруг окон и дверей дом украшали коричневые молдинги. Это был благопристойный, разумно декорированный особняк из тех, что в свое время Голливуд преподносил как дом любой достойной уважения семьи из среднего класса, вроде Энди Харди и его отца, судьи. Но это было до того, как кинопромышленники решили, что средний класс – самый настоящий опасный заговор недалеких хапуг, фанатичных невежд, чьи дома в фильмах обязаны демонстрировать их глупость, необразованность, скучную ортодоксальность, жадность, расизм и прогнившую до основания зловонную суть.

Фросту очень нравилось это место.

Он и Даггет проезжали мимо особняка несколько часов назад, при свете дня. Они знали, что он окрашен в бледно-желтый с голубой пряничной отделкой, однако ночью, без подсветки ландшафта, дом казался таким же бесцветным, как покрытая снегом земля, на которой он стоял.

Паркуясь у обочины, Даггет сказал:

– Жена, теща, двое детей. Правильно?

– Так значит в собранных данных. Ни собаки. Ни кошки. Канарейка по имени Твитти.

Второй этаж, виднеющийся за голыми ветвями дерева, был темным, но все окна нижнего этажа ярко светились изнутри. Витражный овал стеклянной вставки во входной двери сиял огромным драгоценным камнем.

Фрост обычно не считал викторианские постройки очаровательными. Следуя за Даггетом по дорожке, ведущей к крыльцу, сквозь снег, он решил, что именно этот дом кажется ему привлекательным, прежде всего потому, что выглядит *теплым*.

Если существовала такая вещь, как реинкарнация, то в предыдущей жизни Фрост наверняка был членом какого-нибудь племени в набедренных повязках, обитающего в жарких экваториальных джунглях, или, возможно, пустынной игуаной, проводящей свои дни на раскаленных солнцем камнях. Глубоко в его костном мозге и сути как будто осталась память о той жаре, сделав его не только особо уязвимым для мороза Монтаны, но и злым на этот мороз, обиженным и оскорбленным.

Ирония того, что он родился в семействе Фростов^[15] с повышенной

непереносимостью холода, не ускользала от него. Таинственная сила, оставшаяся скрытой за механизмами природы, выражала свое чувство юмора бесчисленным количеством способов, и Фрост находил мир чудесно забавным, даже когда был вынужден смеяться над самим собой.

Даггет позвонил в дверь, и они услышали внутри колокольчики. Когда никто не ответил, он позвонил снова.

Занавески на окнах не были закрыты, и Фрост двинулся от крыльца, проверяя комнаты, наполненные теплым светом. И не увидел никого, но в гостиной его внимание привлекли свидетельства недавней драки: перевернутый расшитый стул, сбитая с углового стола лампа с бронзовой фигурой-основанием, лампа-ваза, на которой покосился от удара абажур из плиссированного шелка, треснувшее зеркало над камином.

Обратив внимание Даггета на эти признаки борьбы, он вместе с напарником прошел к задней двери с четырьмя стеклянными панелями, лишь наполовину закрытыми прямыми занавесками. На кухонном полу лежали разбросанные ножи, тесак для мяса, несколько горшков и кастрюль, разбитые тарелки.

Дверь была заперта. Даггет расстегнул свою лыжную куртку, достал пистолет, достаточно сильно ударил дулом по стеклу, разбил панель и потянулся внутрь, чтобы отпереть засов.

Глухая ночь и густота падающего снега заглушали звуки настолько, что Фрост сомневался в способности разбившегося стекла насторожить соседа. Он тоже вытащил пистолет и последовал за Даггетом в кухню, закрыв за ними дверь.

Дом был тих, как сон о глухоте.

Попеременно захватывая в прицел двери и переступая пороги, они обыскали первый этаж. К тому времени как дошли наконец до гостиной, никого не обнаружили.

Каскад чистых приятных нот положил конец жутковатой тишине – это Твитти приветствовала их из своей клетки. Несмотря на обстоятельства, Фрост нашел птичье пение приятным и даже успокаивающим, наверное, потому что оно напомнило о других пернатых обитателях экваториальных джунглей из его прошлой жизни.

– Что, черт его дерит, это за район? – пробормотал Даггет.

Внимание Фроста переключилось с ярко-желтой птички на пушистый синий тапочек, лежащий у перевернутого стула с вышивкой.

Ему потребовалась минута, чтобы понять: вовсе не обувь вдохновила Даггета на вопрос. За тапочком лежала босая ступня с ногтями, покрытыми карамельно-яблочным лаком. Женская тонкая ступня с красивыми

пальцами и деликатным подъемом. Отрезанная в лодыжке.

Хотя «отрезанная» было не вполне подходящим словом, оно предполагало клинок. Плоть и кость не были чисто срезаны, как случилось бы даже при использовании очень остро наточенного меча, не были раздроблены и зазубрены, как при использовании любого рода пилы.

Обрубок выглядел одновременно гладким и пористым, словно начал растворяться и в то же время был законсервирован кислотой.

Даггет опустился рядом с мрачным объектом на одно колено, чтобы поближе его рассмотреть. Говорил он негромко:

– Чертовски бледная, верно? Кожа белая, будто гипс. Никаких видимых поверхностных вен или артерий. Видимая плоть... она бледная, как палтус. Словно всю кровь из нее выкачали.

Ни капли крови не было на ковре вокруг ступни.

Склонившись ниже, Даггет продолжил:

– Плоть не пористая. Она выглядит... будто кто-то пожевал ее миллионом крошечных зубов.

– Не трогай ее, – прошептал Фрост.

– Я и не собираюсь, – заверил его Даггет. – Это же улика.

Предостережение Фроста было совершенно не связано с опасением испортить улики. Ступня имела такой странный вид, что он даже задумался, не испортит ли *она* их.

Твитти, скорее всего, продолжала петь, однако Фрост не слышал канарейки. Продолжительные трели привлекли его внимание, но они не выражали радости, как раньше, сейчас они звучали тонко, пронзительно и слабо.

– Что теперь? – спросил Фрост.

– Наверх.

Покинув гостиную через арку и войдя в фойе, они обнаружили часть руки.

Проводя им быструю экскурсию по дому, принадлежавшему Хэнку и Долли Сэмплс, Тиг заодно наскоро посвятил их в детали происшествия в ночном клубе кантри-музыки. Учитывая его уверенность по поводу инопланетного происхождения противника, Карсон размышляла о том, как им с Майклом убедить этих людей в неправильности их интерпретации событий.

Мужчины из Церкви Небесных Всадников располагали оружием и боеприпасами в ключевых для защиты по всему дому точках, укрепляя и баррикадируя большинство окон толстыми досками, их они привинчивали к внутренним рамам, располагая рядом компактные огнетушители. Обычно они возили все это в своих пикапах и джипах, предпринимая всевозможные меры предосторожности, которые могли придумать для превращения дома в практически крепость.

В это время женщины с детьми расположились в кухне и столовой, перерабатывая горы продуктов, привезенных из менее подходящих для укрытия домов, в пастообразные салаты, салаты с картошкой и запеканки. Все это можно было разместить в кухонном и гаражном холодильниках, чтобы по первому требованию накормить всех собравшихся.

Три портативных генератора, заправленных бензином, подключили к электроснабжению дома с целью гарантированной работы холодильников и микроволновой печи на случай, если Рейнбоу-Фоллс лишится энергоснабжения. Благодаря работающему на мазуте котлу отопление могло протянуть еще как минимум месяц.

Никто не ждал, что эта война миров продлится в течение месяца. Либо Господь поддержит человечество в быстрой и полной победе над этими очевидно безбожными чужаками из далекого мира, коим правит Сатана, либо это будет Армагеддон. А если это действительно последний бой, он точно окажется коротким, поскольку, когда абсолютное Добро наконец столкнется в лобовую с абсолютным Злом, последнее выдержит всего одну яростную схватку с ним.

Доставив прибывших в просторную, кипящую работой кухню с намерением познакомить с Долли Сэмплс, Тиг ушел, чтобы снова присоединиться к патрулирующим периметр охранникам. Долли, непрерывно раскатывая один круг теста за другим, делала тыквенные пироги – «Конец Света или не Конец Света, а хороший тыквенный пирог

радует сердце и придает нам сил», – но она настояла на том, чтобы добыть гостям по чашке кофе с домашним сахарным печеньем.

Как заметила Карсон, по одну сторону от форм для пирогов у Долли лежал кольт 38-го калибра. Другие женщины, работающие на кухне, говорили друг с другом о недавних событиях в клубе, но при этом делились обыденными вещами, например тонкостями рецептуры, а также историями последних проказ их детей. И у каждой под рукой лежало серьезное оружие: «Зиг Р245», «Смит и Вессон» модели 1076, «Смит и Вессон» 640, револьвер скрытого ношения, тоже 38-го калибра, «СуперКэрриПро» 45-го из «Кимбер Кастом Шоп»...

Все они демонстрировали решительность и ни капли отчаянья, сосредоточенность и внимательность, но никакого очевидного страха. Были приготовления, которые следовало сделать, работа, с которой необходимо управиться, а занятые руки означали занятый разум с отсутствием времени на страх или отчаянье.

Кофе оказался потрясающим. Сахарное печенье – божественным.

– Есть два вида этих отвратительных созданий, – объяснила Долли, вернувшись к тесту. – Первые выглядят как люди, которых мы знаем, и их можно было бы счесть худшими, поскольку они *обманщики* среди нас, дети Отца Лжи. Однако они выдают собственную истинную природу своими действиями, поэтому мы можем с ними справиться. Они пытались пристрелить некоторых из нас, но мы быстрее выхватываем оружие, а их можно убить. Для этого надо много выстрелов. Одной хорошей пули недостаточно, даже в упор.

Подхватив круг теста и уложив его в форму для пирога, Долли взглянула на картину в раме, висящую на стене над обеденным уголком: Иисус в белых одеждах и ковбойских сапогах сидит на лошади, драматично привставшей на дыбы. Вместо ковбойской шляпы чело Сына Божьего украшает нимб.

– Господь точно пребывал с нами в «Пикинг энд грининг», иначе все мы были бы уже мертвы. Нельзя сказать, что одно только наше умение стрелять сберегло нас.

– Но Господь помогает тем, кто помогает себе сам, – сказал Майкл. – А хороший ствол может послужить славной помощью самому себе.

Карсон с некоторым облегчением отметила, что у нарисованного Иисуса нет пистолета.

Долли продолжила:

– Монстры второго типа тоже выглядят как люди, но не обычные люди. Они прекрасны, словно ангелы. Они выглядят, будто Донни и Мари

Осмонд ^[16] в молодости, когда от них просто невозможно было отвести взгляд.

Лорин Рудольф, которой представили Майкла и Карсон, готовила картофельный салат за кухонным столом. Она сказала:

– Не то чтобы Донни и Мари стали хуже выглядеть.

Еще одна женщина, помешивавшая кипящие на плите макароны, сказала:

– Даже когда Мари надолго растолстела, она в свои худшие дни выглядела в пять раз лучше, чем я в свои лучшие.

– Синди Сью, не смей себя принижать, – отозвалась Лорин. – В мире полно женщин, которые отдали бы все зубы, чтобы выглядеть так хорошо, как ты.

– Все зубы и ногу, – согласилась Долли.

А Майкл добавил:

– Все зубы, ногу и ухо.

Синди Сью, покраснев, сказала:

– О мистер Мэдисон, вы просто ужасный льстец.

Долли, хмуро взглянув на Майкла, заметила:

– Надеюсь, это была лесть, а не насмешка.

– Отчасти насмешка, – заявила Карсон, – но так Майкл дает людям понять, что они ему правда нравятся.

– Даже тебе, дорогая?

– Особенно мне.

– Ты, должно быть, очень его любишь, хотя я все равно считаю это тяжелой ношей.

– Это мой крест, – ответила Карсон.

– А я несу свой, – добавил Майкл.

– Милый, – сказала Карсон, – твой крест – ты сам!

– Здорово! – промолвила Лорин, и все прихожанки рассмеялись.

– Так или иначе, – продолжила Долли, – Мари Осмонд была полной, а не толстой, а теперь она стройная и красивая. Так вот, те три ангела поднялись на сцену клуба, и мы ждали музыкального выступления, но тут они сменили форму, из них вырвались серебристые рои и съели людей.

Описание Долли никак не помогло Карсон визуализировать врага.

Видя ее замешательство, Фарли Сэмплс, один из сыновей-подростков Долли, который слушал разговор, чистя морковь, шагнул вперед и сказал:

– У этих пришельцев развиты нанотехнологии, вот что это было. Те трое, выглядевшие как ангелы, могли быть машинами, но точно так же и животными. Знаете, теми из них, которых выводят для убийства, ага? Вот

кем они, наверное, и являются... каждый как колония из миллиардов крошечных наноживотных размером не больше вируса, запрограммированных на разные задачи. Понимаете? Так что они способны собираться вместе и действовать как одно существо, самостоятельно выполняя свою задачу, но могут становиться и роем отдельных существ. Каждое крошечное наноживотное обладает рудиментарным разумом и небольшим объемом памяти. Но, когда они собираются вместе, их разум соединяется тоже и, объединившись, делает их умнее даже самого умного человека.

Мать просияла, глядя на Фарли, а затем сказала:

– Он всегда хорошо разбирался в науке. Я жду, что он станет следующим Биллом Гейтсом.

– Мам, Билл Гейтс не ученый.

– Ну, он миллиардер, что ничуть не хуже.

– Он даже колледж не закончил, – сказал Фарли.

– Когда бы у него было на это время?

– Кем я хочу стать, – заявил Фарли, – так это следующим Робертом Хайнлайном. Он написал лучшую в мире фантастику.

Опознав в Фарли Сэмплсе инструмент, при помощи которого она может убедить этих людей в том, что возникшая угроза не имеет инопланетного происхождения, Карсон сказала:

– Сынок, нанотехнологии ведь не просто фантастика, да?

– Нет, мэм. Это будет следующий научный прорыв. Они каждый день делают открытия. Но нашим нанотехнологиям далеко до того, на что способны эти пришельцы.

– Может быть, – сказала Карсон. – А возможно, есть некая тайная лаборатория неподалеку от того, что вы, ребята, называете здесь Шоссе конца света. Похоже, я знаю, кто ею заведует, и, не исключено, мы с Майклом – часть команды, которая пытается ее закрыть. Что скажешь на это?

– Твою ж... – пробормотал Фарли.

– Придержи язык, мальчик, – предупредила его мать.

– ...дивизию, – закончил Фарли.

Повысив голос, Долли обратилась к женщинам, трудившимся в соседней столовой:

– Шэнона, Вера, лучший способ дать Карсон и Майклу понять, с чем мы имеем дело, – это показать им ваше видео.

Шэнона Фэллон и Вера Гибсон пришли на кухню с телефонами, которыми снимали видео потрясающе красивой юной женщины в «Пикинг

энд грининг», когда она внезапно превратилась в машину смерти и прошла лицо Джонни Танкредо, а потом словно рассеялась и полностью его впитала.

Майкл в своем духе сказал:

– Твою ж дивизию.

Карсон промолчала, поскольку, если бы смогла облечь мысли в слова, то выдала бы только «*Мы покойники*».

Мистер Лисс включил в гостиной свет, и Намми увидел Боза, сидящего за пианино и играющего печальную музыку.

Настоящий офицер Барри Бозман был мертв, находился на кухне, в трусах и халате. Если мистер Лисс прав, то перед ними сидел марсианский ксерокс Боза.

Ксерокс не среагировал на включение света. Он просто продолжал играть музыку.

Держа свое длинное ружье перед собой, мистер Лисс медленно подходил ближе к игравшему на пианино, однако сохранял при этом безопасную дистанцию. Мистер Лисс был храбрым, но не глупым.

Намми не продвинулся ни на шаг, готовясь бежать. Он был глупым, да, но не настолько, чтобы подумать, будто бежать не придется.

– Ты, – резко сказал мистер Лисс. Когда Ксерокс ему не ответил, старик добавил: – Эй, сукин ты сын, марсианская подтирка, что ты делаешь?

Музыка была такой печальной, что Намми хотелось заплакать. Она напоминала одну из мелодий, что звучат в фильмах, когда молодая мама умирает от рака и к постели умирающей по одному приводят ее маленьких детей, чтобы они могли попрощаться, а папа детей едет с войны, но может не успеть вовремя, чтобы попрощаться, и ты так хочешь переключить канал на «Энимал Плэнэт», или на «Фуд Нетворк», или даже на «Спайк ТВ», что угодно, только не это. Ты не помнишь, почему вообще начал это смотреть, но теперь не можешь отвернуться, тебе нужно знать, успеет ли папа вовремя. Он всегда успевает вовремя, между тем мама все равно умирает, и ты следующие пару дней сам не свой, у тебя уходят коробки «Клинекса», и ты никогда не узнаешь, что случится с теми маленькими детьми без мамы.

Вот такая музыка.

Когда Ксерокс все равно не ответил, мистер Лисс сказал:

– Что, ты слишком хорош, чтобы говорить со мной? Не смей задирать нос, убойная ты марсианская грязь. Иначе я тебе его отрежу, брошу в блендер с мороженым, приготовлю мясной шейк и выпью его. Я так уже сотни раз делал.

Мысль о милкшейке со вкусом носа заставила Намми подавиться и еще раз подавиться, но он был уверен, что его не стошнит обедом.

– Даю тебе еще один шанс, ты, вонючая космическая куча дерьма. Что

ты здесь делаешь?

Ксерокс не поднял взгляда. Он смотрел на свои руки, на клавиши. Он сказал:

– Я здесь играю на пианино. – И голос у него был совсем как у Боза.

– У меня есть глаза. Так что не говори мне о том, что я и так уже вижу.

Почему ты играешь на пианино?

– Когда я загрузил его воспоминания, я научился играть. Он хорошо умел играть, так что теперь умею и я.

– И что мне сейчас, аплодировать? – спросил мистер Лисс, злость которого засияла еще ярче, как обычно бывало, если он заводился. – Мне купить дюжину роз и ждать за кулисами твою жалкую марсианскую задницу? Ты ни минуты не практиковался, так что не ожидай оваций стоя от Конвея Лисса. Почему ты долбешь пианино вместо того, чтобы захватывать мир с остальными такими же паразитами?

– Я сел здесь до рассвета и играю с тех самых пор, – сказал Ксерокс.

Намми был впечатлен, ему хотелось спросить марсианина, как долго тот может не писать, но он понял, что тогда сам станет целью для злости мистера Лисса. Ему нравилось не быть целью.

– Ты испытываешь мое терпение, Дарт Вейдер. А для меня ты не больше, чем мазок тараканьей блевоты, так что не испытывай мое терпение. Я не спрашивал тебя «сколько?», я спросил «почему?».

По какой-то неизвестной причине Намми почти загипнотизировали руки марсианского Боза, которые словно парили над пианино, едва касаясь черных и белых клавиш, будто вообще не касаясь их, словно музыку из инструмента он добывал волшебством.

Ксерокс сказал:

– Этим утром... на кухне... во время передачи памяти, когда его жизненный опыт передавался мне... он умер от мозгового кровотечения.

– Я знаю, что он умер, – сказал мистер Лисс и плюнул на пол. – Этот полицейский мертв, как Уайетт Эрп, мертвее чертова камня. Да что, черт подери, с тобой такое? Ты постоянно говоришь мне то, что я и так уже знаю, а не то, что хочу узнать.

Руки парили над клавишами, словно искали что-то. Вместе влево, затем в разные стороны, вместе в центре, затем обе вправо, словно потеряли что-то важное и пытались теперь найти его, а мелодия была просто чем-то, что происходит во время поиска, как музыка в фильмах, когда она нужна актерам. Что бы ни искали руки, они печалились, потому что не могли найти, и вот почему мелодия была печальной.

Ксерокс Боза все еще не поднимал взгляда от клавиш. Он сказал:

– Когда он умер, наши разумы были едины. В тот момент я увидел то же, что и он.

– В тот момент? – нетерпеливо спросил мистер Лисс. – В тот момент? В какой момент?

– В момент между.

– Да будь все проклято, проклято дважды! – взорвался мистер Лисс. – Ты что, марсианский дурачок? Мне теперь с двумя дурачками мириться, и ни один из вас не может говорить так, чтобы вас мог понять не полоумный? В момент между чем и чем?

– Между жизнью и смертью, – ответил Ксерокс. – Только это не была смерть.

– Опять двусмысленности! Я же могу сейчас нажать на этот курок и снести тебе голову с плеч, и, возможно, это убьет тебя, а может, не убьет, но точно принесет как минимум уйму неудобств и надолго.

Обычно музыка в целом не могла заставить Намми плакать, так на него действовала лишь музыка к определенному типу фильмов, но эта становилась все печальнее и печальнее, и он начал бояться, что расплачется. Он знал – просто знал: если заплачет, мистер Лисс будет смеяться над ним и говорить очень плохие вещи, называть его слюнтяем и даже хуже.

– Момент между жизнью и жизнью, – сказал Ксерокс.

Теперь его руки выглядели такими же печальными, как звучащая мелодия, но и красивыми тоже, очень красивые печальные руки парили из стороны в сторону в музыке.

Ксерокс, игравший на пианино, сказал:

– На миг, когда он ускользал, я увидел мир за миром, куда отправлялся он и куда таким, как я, не попасть никогда.

Мистер Лисс молчал. Наблюдение за молчащим мистером Лиссом гипнотизировало почти так же, как руки, парящие по инструменту. Он молчал довольно долго, дольше, чем казалось возможным в такой ситуации.

Наконец старик сказал:

– Такие, как ты. Это какие? Не марсиане, я знаю.

– Члены Коммуны.

– И что это за штука?

– Не рожденные от мужчины и женщины, – сказал пианист, и теперь тихие ноты стали печальными, словно дождь на кладбище в сцене фильма, где хорошие люди умирают, несмотря на то что они хорошие.

– Если не от мужчины и женщины, – промолвил старик, – то от чего?

– От лаборатории и компьютера, от генетически составленной плоти в сочетании с силиконовыми нервными волокнами, от инертных материалов, запрограммированных имитировать жизнь, а затем запрограммированных имитировать сознание, с тем, что имитирует свободу воли, но на самом деле является покорным рабством. Из ничего в притворное нечто, а оттуда... со временем снова в ничто.

Эти слова были для Намми тем, чем его собственные порой для мистера Лисса: чепухой. И все же его сердце сумело понять часть сказанного, хотя мозг и не смог с ним справиться, потому что в сердце пришло большое чувство, такое большое, что Намми казалось, оно его затопило. Намми не мог назвать это чувство, между тем оно напомнило ему одно ощущение. Иногда, когда он шел по лугу, с одной стороны обрамленному деревьями, Намми вдруг видел между ними просвет, а через него – горы вдалеке, невероятно большие, но все равно затерянные там, настолько высокие, что верхушкой протыкали слой облаков и появлялись сверху, такие громадные и красивые, такие странные горы, что на секунду у него перехватывало дыхание. Вот какое чувство, только в несколько раз сильнее.

Мистер Лисс опять молчал, словно тоже вспоминал о горах.

Печальная музыка сменилась тишиной, а потом через время Ксерокс Боза сказал:

– Убей меня.

Мистер Лисс ничего не ответил.

– Прояви милосердие, убей меня.

Мистер Лисс сказал:

– Милосердием я никогда не отличался. Если хочешь умереть, пожалей сам себя.

– Я то, что я есть, во мне нет милосердия. Но ты человек, ты способен на него.

После очередной паузы мистер Лисс спросил:

– Чья лаборатория?

– Виктора.

– Какого Виктора?

– Он называет себя Виктор Лебен. И Виктор Безупречный. Но его настоящая фамилия, которой он гордится, – Франкенштейн.

Намми знал эту фамилию. Он вздрогнул. Она была из тех фильмов, которые он никогда не смотрел. Несколько лет назад он увидел часть одного такого, включил, не зная, в какую беду попадет, и очень расстроился, из-за чего бабушка пришла в комнату посмотреть, что

случилось, и выключила телевизор. Она обняла Намми, поцеловала, приготовила ему его любимый обед и повторяла ему вновь и вновь, что все это было не настоящее, что это просто история, точно так же, как хорошие и добрые истории вроде «Паутинки Шарлотты», просто истории, бабушка называла их сказками, а сказки никогда не могли быть правдой.

Но, если Ксерокс Боза не врет, бабушка ошибалась. Она ни разу ни в чем раньше не ошибалась. Ни в чем на свете. И возможность того, что бабушка могла хоть в чем-то ошибиться, так испугала Намми, что он решил больше никогда об этом не думать.

– Франкенштейн? Я, по-твоему, дурак? – спросил мистер Лисс, но голос у него был не злой, просто в нем звучало любопытство.

– Нет. Ты спросил. Я сказал тебе. Это правда.

– Ты сказал, что ты покорный раб. Что тебя таким сделали. С чего бы ты вдруг предал его?

– Я теперь сломан, – ответил Ксерокс Боза. – Когда я увидел то, что увидел Бозман в момент между, что-то во мне сломалось. Я как машина с исправным двигателем, у которой не работает коробка передач. Пожалуйста, убей меня. Прошу, сделай это.

Пианист все так же не поднимал взгляда от клавиш, и мистер Лисс наблюдал за его летающими руками так, словно они заморозили его совсем как Намми.

Мелодия будто перетекла в другую, еще печальнее первой. Бабушка говорила, великие композиторы способны строить своей музыкой целые дома, такие реальные, что можно увидеть их комнаты у себя в голове. Намми мог видеть комнаты этой мелодии. Комната была большой и пустой, без мебели, стены – мрачно-серыми, и окна – тоже серыми, потому что выходили в ничто.

– Франкенштейн, – сказал мистер Лисс. – Если уж народ из космоса, то почему не это. Но я тебя не убью. Не знаю, по какой причине. Просто не по душе мне это.

И, как ни странно, старик опустил длинное ружье.

Намми встревоженно напомнил ему:

– Сэр, он убил Боза. Он убьет нас. Он чудовище.

– Был, – сказал мистер Лисс. – А теперь он то, что он есть. Он увидел слишком много глазами Бозмана, заглянул чересчур... далеко. Это его добило. А я просто чертовски рад, что сам не видел этого. У него, по крайней мере, есть пианино. А если б я увидел то, что там было, я бы, наверное, лежал на полу, агукал и сосал пальцы ног. Пойдем, Персик, давай отыщем тот снегоход.

Старик отвернулся от пианино и прошагал по комнате к коридору.
Намми попятился, не сводя глаз с Ксерокса.

Тематикой вечернего ток-шоу Мэйсона Моррелла были советы по поводу отношений между мужьями и женами, родителями и детьми, супругами и их родственниками, братьями и сестрами, юными романтиками, ищущими идеальную пару... Он не был женат, не имел детей, братьев или сестер, а за последние полтора года проскакал сквозь отношения с шестью женщинами. Но он был успешным ведущим ток-шоу, потому что обладал выдающейся уверенностью в своем мнении, мог слегка запугать звонящих, сохраняя при этом иллюзию того, что он их лучший друг, отлично умел имитировать искреннее сочувствие и был бесстрашен в отношении любых, не важно, насколько скандальных тем, а также обладал мужественным шелковым баритоном.

Мэйсон являлся мошенником, при этом обаятельным и веселым, выступал еще на пяти станциях в Монтане и Вайоминге и вполне способен был сойти за одного из тех талантов, которых Сэмми Чакрабартти собирался встроить в общенациональный синдикат по добыванию денег. Следовательно, реакция ведущего ток-шоу по поводу выпотрошенного на полу репликанта, а также исчезновения Девкалиона была Сэмми глубоко отвратительна. Не только потому, что их выживание могло зависеть от общего противодействия неминуемому нападению, но и потому, что утрата Мэйсона оказала бы негативный эффект на его план выкупить к двадцати девяти годам KBOW.

В момент исчезновения гиганта, который собирался разобраться с непонятно каким количеством лабораторных монстров, ожидавших звонка в дверь, Мэйсон утратил свои фирменные уверенность и бесстрашие. Голосом, взлетевшим на две октавы, он сказал:

– Я не собираюсь умирать, как загнанная крыса, в этом занюханном городишке и в этой АМ-вещалке.

Шагнув вперед, он наступил на что-то бледное из разбросанных внутренностей твари с обликом Уоррена Снайдера, отчего издал почти девчоночий визг ужаса. С отвращением вытирая ботинок о ковер, Мэйсон зашаркал по комнате, прошел через открытую дверь коридора и повернул налево, прочь от студии вещания.

Ральф Неттлс заметил:

– Он же откроет входную дверь. И нас из-за него убьют.

А Барт Когборн, лишенный своей привычной рекламной

говорливости, добавил лишь:

– Ох.

Сэмми Чакрабарти двинулся вперед еще на слове «входную». Он выскочил в холл в тот момент, когда Мэйсон потянул на себя дверь приемной. И крикнул: «Мэйсон, нет!», – но ведущий ток-шоу не остановился.

У входной двери Сэмми настиг свою добычу, как раз когда Мэйсон отпирал замок. Сэмми схватил его за пояс и попытался оттащить назад, сбить с ног. Но в Чакрабарты было пятьдесят девять килограмм при ста семидесяти сантиметрах роста, а в Мэйсоне сто восемьдесят пять сантиметров и девяносто килограммов, так что даже самая разудалая попытка отчаянного радиовладельца не могла компенсировать преимущество ведущего в размере. Мэйсон распахнул дверь и нырнул в снежную ночь с Сэмми, пытающимся взобраться ему на спину.

Чакрабарты всю сознательную жизнь мечтал стать мультимиллионером посредством радио. Он никогда не хотел быть ковбоем в родео, но немного опыта в этой области пригодилось бы ему сейчас, когда он пытался удержаться на широкой спине своей звезды эфира, словно ездовик на крупе быка. Мэйсон фыркал от злости и паники, поводил широкими плечами, изгибался и напрягался.

В свете парковочных фонарей со своей постоянно дергающейся и вращающейся точки обзора Сэмми заметил большой белый фургон с темно-синей кабиной. Увидел, судя по всему, мертвого человека, распластанного на заснеженном тротуаре, хотя, наверное, не совсем человека, а такого же дубликата, как тот двойник Уоррена Снайфера, в животе которого нашлось нечто, похожее на рыбы части и соус Альфредо. Он увидел Девкалиона, поднимающего второго человека вверх над головой, что казалось нереальной задачей, реализовать которую не удалось бы и самому великому Бастеру Стилхаммеру, суперзвезде реслинга, да он бы и не стал делать это даже в хорошо срежиссированной постановке. Но затем Сэмми на секунду потерял татуированного гиганта из виду, а когда увидел снова, чудо с татуировкой вlepило второго репликанта в радиатор грузовика, наверняка раздробив этому созданию позвоночник.

Рубашка Мэйсона порвалась. Сэмми слетел со своего «скакуна», приземлился вниз лицом, проехал немного по снегу и нос к носу остановился у чего-то, что оказалось мертвым репликантом. Из ноздрей этой штуки струился мерзкий голубой газ, попавший Сэмми прямо в рот.

Когда Сэмми, с омерзением отплевываясь, откатился от жуткой твари и поднялся на колени, его впервые в жизни посетила мысль о том, что,

похоже, мама с папой, эмигрировав из Нью-Дели, все же совершили ошибку. Возможно, современная Америка была слишком дикой для того, чтобы ее оседлать, не просто разъяренным быком, а *бешеным* быком, состоящим из одних копыт, рогов и бугрящихся мышц.

Сэмми питал сомнения ровно до момента, когда встал на ноги. Мэйсон как раз забирался за руль своей «Тойоты-Секвойи», последней в ряду припаркованных машин, а Чакрабарти был единственной альтернативой голосу в эфире, который мог предупредить Рейнбоу-Фоллс и всю страну о вторжении (или что там еще) Стэпфордских людей (или что они там такое). Час спустя бедняга Барт Когборн наверняка все еще не сможет произнести ничего, кроме «Эм... эм... ох», а Ральфу Неттлсу, хотя он и был хорошим человеком, надежным парнем, далеко до серебряного оратора. Сэмми тоже не звучал ни гиком, ни троллем, ни писклей, между тем он не обладал поставленным голосом. Он не являлся талантливым ведущим, он был талантливым управляющим. Ему не далась бы и половина убедительности Мэйсона.

Внезапно Сэмми снова вдохновился энергией своей личной американской мечты.

Не только ради жителей Рейнбоу-Фоллс (которых очевидно уничтожали) и не только ради будущего человечества (висевшего на волоске), но и ради Синдиката Чакрабарти (который пока не создан, но однажды *завладеет* всем АМ-диапазоном страны), Сэмми захромал к «секвойе». Он собирался вытащить Мэйсона Моррелла из внедорожника или же быть забитым до потери сознания в процессе своей попытки.

К счастью, Девкалион достиг машины не только первым, но и вовремя. Двери джипа были заблокированы, однако прежде, чем Мэйсон сумел завести мотор, гигант подsunул свои большие руки под бок авто, схватился за раму и с усилием, заставившим его взреветь от боли или ярости, а может, от того и другого вместе, оторвал от земли пассажирскую сторону. Девкалион налег, еще раз налег, а потом перевернул «секвойю» на крышу.

Часть руки, лежавшая на полу в фойе дома начальника полиции Рафаэля Хармильо, состояла из большого пальца, указательного, соединявшей их ткани, называвшейся анатомической табакеркой^[17], и мясистого основания большого пальца. Кончики большого и указательного пальцев были прижаты друг к другу, словно в жесте «ОК».

Фрост не знал, специально ли кто-то сложил их таким образом или жуткий жест вышел ненамеренно. Но в любом случае находка его не веселила.

Большинству копов не хватало острого черного юмора, когда они входили в ряды стражей порядка, однако в качестве психологического защитного механизма такое чувство развивалось довольно быстро. И все же Фрост подозревал – ни одна находка в этом доме не пощекочет темную часть его механизма веселья.

Проеденные края плоти выглядели так же, как и у оторванной ноги из гостиной. Бескровными. Глазированными, но изъязвленными. И плоть была неестественно бледна.

Даггет щелкнул выключателем, осветив открытую лестницу. Во время охоты лестницы – это хуже всего, не важно, вверх они вели или вниз. Ты оказывался уязвим сверху и снизу, тебе не за что было нырнуть, некуда идти, кроме как прямо по линии огня, потому что повернуться спиной и бежать – еще более надежный билет в морг.

Поднялись они осторожно, но быстро. Даггет шел первым, спиной к изгибу стены, сосредоточившись на верхней площадке. Фрост следовал в шести шагах позади, контролируя фойе внизу: хотя они и проверили первый этаж, за ними все равно мог кто-то пробраться.

Они больше даже не перешептывались. Им не о чем было говорить. Отныне осталось лишь ориентироваться на то, как будут развиваться события.

Фрост и Даггет не нашли никаких других частей, пока не достигли верхнего коридора, где на ковре лежало бескровное ухо, белое, как морская раковина. Судя по размеру и тонкости, ухо принадлежало маленькому ребенку.

У шерифа Хармильо было двое детей.

Из всех видов преступлений Фроста больше всего бесили дела с жестокостью по отношению к детям. Он не считал достаточным даже

пожизненное заключение за убийство детей. Только медленные беспощадные казни.

Поведение Хармильо при исполнении в течение предыдущих двенадцати часов резко свидетельствовало о продажности. Если шеф являлся частью некоего странного дела, то казалось вероятным, что он, а не какой-то серийный убийца, гонявшийся за ним, лишил жизни свою жену, тещу и детей. Убил их и расчленил.

Но у Фроста не укладывалось в голове то, что они до сих пор обнаружили. Огромные суммы текли в этот город через «Движение к Идеальному Миру», они же предполагали наличие преступного предприятия гигантских масштабов. Отмываемые денежные фонды были настолько велики, что не исключено: речь может идти даже о террористическом заговоре исторического значения. Копы, немыслимо богатевшие на помощи плохим парням, скрывали свою деятельность и едва ли пустили бы под откос свой денежный поезд, порубив семью на кусочки из-за ссоры с женой.

Четыре спальни, хозяйская гостиная, множество шкафов и две из трех ванных комнат явили взгляду лишь еще две жутких улики. Обе в хозяйской спальне.

На полу у гардероба лежала часть нижней челюсти, с двумя молярами, двумя премолярами^[18] и одним клыком. Между моляров тянулось нечто зеленое, возможно, кусочек кожицы сладкого перца или халапеньо. Части кости, которые должны были быть раздроблены при отламывании от основной челюсти, выглядели вместо этого... оплавленными.

И, поскольку это был не просто еще один обломок биологического мусора, но невероятная деталь сюрреалистической фантазии, вторая находка в хозяйской спальне оказалась ужаснее всего из до сих пор обнаруженного ими. Она лежала в углу аккуратно запроваженной кровати, у изножья, но не так, будто ее аккуратно положили здесь, казалось, ее швырнули – или даже выплюнули. Толстый язык имел загнутый кончик, приподнятый, словно что-то облизывал. Если бы найден был только он, зрелище выглядело бы отвратительным и тревожным, но в сочетании с остальным все напоминало картину Сальвадора Дали, вдохновившегося Лавкрафтом. В центре толстого языка, не балансируя на нем, а глубоко вдавившись в плоть, вырастая из нее, находился карий человеческий глаз, не имеющий век.

Фрост первым увидел это уродство. И в момент обнаружения его охватило чувство, о котором он часто читал, но никогда еще не испытывал. Кожа на его шее похолодела, и по ней словно поползли вполне реальные

пауки и многоножки.

Будучи агентом ФБР, отдела, эквивалентного подразделению, занимающемуся спецоперациями, он видел достаточно ужасов и был знаком со страхом разнообразной интенсивности и природы. Между тем до сих пор ничто никогда так глубоко не касалось запряганных нервов, которые были не физическими нервами, а интуитивной чувствительностью к необъяснимому, не важно, сверхъестественной оно природы или всего лишь противоестественной. Ни его мировоззрение в целом, ни живая фантазия не могли объяснить существование подобной мерзости. Пока он глазел на нее, ледящее чувство проникало все глубже, от основания шеи ползло по спине, холод спускался по лестенке позвонков.

Он жестом позвал Даггета за собой. Фросту можно было не смотреть, чтобы угадать реакцию напарника на отвратительный предмет. Внезапный резкий вдох и беззвучная горловая рефлексия выражали крайнее омерзение, подтвердив ужас и шок Даггета.

На миг Фросту показалось, что глаз вот-вот повернется в своей мясистой глазнице, сосредоточится на нем или что язык может дернуться и пошевелиться в похабном жесте. Но эти ожидания были только плодом разыгравшегося воображения. Язык и глаз на кровати являлись мертвой тканью, способной на движение не больше, чем зубы с обломка челюсти могли бы жевать под собой ковер.

Простой пистолет и две запасных обоймы казались теперь не совсем адекватным вооружением против врага, с которым они столкнулись. События, происходящие в Рейнбоу-Фоллс, нельзя было рассматривать как обычную преступную деятельность или терроризм любого ранее виденного рода.

Фрост, словно отброшенный в детство, к замешательствам и страхам дошкольника, взглянул себе под ноги – он стоял в нескольких дюймах от стеганого покрывала – и подумал, не может ли что-то злобное прятаться под кроватью. Могло ли теперь обнаружиться нечто таинственное и при этом более реальное, чем все детские страхи, там, где раньше никогда не оказывалось Буки, тролля или любого другого ведьминого помощника?

Заклятие детской робости удержало его на месте лишь на миг и было сломано проявлением настоящей угрозы. Из темноты прилегающей ванной комнаты сквозь полуоткрытую дверь в безмолвие хозяйской спальни донесся звук, похожий на шум тысяч резко шепчущих голосов.

Переднее окно с пассажирской стороны разлетелось, когда Девкалион перевернул «Тойоту-Секвойю» на крышу. Мэйсон Моррелл отказался покидать перевернутый внедорожник, и тогда гигант выразил намеренье разбить также лобовое стекло, чтобы вытащить нерешительного воина из машины, хочет он того или нет.

Сэмми Чакрабарти убедил Девкалиона позволить ему провести переговоры со звездой эфира. Он сунул руку в разбитое окно, вытащил защелку, открыл пассажирскую дверь. Используя носок ботинка в качестве метлы, смел в сторону блестящие на снегу осколки стекла, после чего опустил на четвереньки и залез в «секвойю».

Стоя на карачках на потолке перевернутого внедорожника, он видел Мэйсона под странным углом. Звезда эфира свисал вверх ногами с водительского сиденья. Точнее, не вполне свисал, потому что он не стал тратить время на то, чтобы пристегнуться ремнем безопасности, так ему не терпелось завести мотор и сбежать подальше. Свое положение он сохранял, крепко держась за руль и зацепившись пятками под сиденьем, насколько это было возможно. Из них двоих именно Мэйсон касался головой потолка. Сэмми обнаружил, что смотрит на друга сверху вниз, хотя положение внедорожника предполагало, что он должен бы смотреть вверх.

Единственным источником света, проникавшего в окна перевернутой машины, были голубоватые фонари парковки. Холодный воздух пах новым кожаным салоном и пряным лосьоном после бритья, которым пользовался Мэйсон. Не считая их дыхания, раздавалось лишь пощелкивание, позвякивание и стоны «секвойи», приспособившейся к новым, непривычным отношениям с асфальтом.

– Мне очень жаль, что это случилось, – сказал Сэмми.

Голос Мэйсона прозвучал раздраженно, а не расстроено:

– Так не должно было быть.

– Может, и не должно, но случилось. Станция оплатит ремонт.

– Это ты готов платить, а не Уоррен. Уоррен удавится за каждый пенни.

– Не забывай, – сказал Сэмми, – Уоррен Снайдер мертв. И та штука, которая выглядела как Уоррен, тоже мертва, а ее странные кишки лежат в студии на полу. Так что я теперь главный.

Стараясь не смотреть на Сэмми, Мэйсон мрачно сказал:

- Мы все умрем.
 - Я в это не верю, – ответил Чакрабарти.
 - Ну а я верю.
 - Я тебе этого не говорил, – промолвил Сэмми, – но у меня большие планы на тебя и твоё шоу.
 - Это конец света. После конца света не будет никакого радио.
 - Это не конец света. Это национальный кризис, только и всего. Если мы соберемся и защитим эту станцию, сможем предупредить о том, что здесь происходит, тогда лишь переломим ситуацию. Я всегда был оптимистом, знаешь ли, и мой оптимизм постоянно оказывался оправданным.
 - Ты не просто оптимист. Ты сумасшедший.
 - Я не сумасшедший, – сказал Сэмми. – Я американец. Эй, ты же тоже американец. Где твой дух победителя? Слушай, я планирую расширить формат твоего шоу, сделать его более эмоциональным, глубоким, реально дать тебе расправить крылья. Я хочу шире его рекламировать. С твоим талантом и моей твердой решимостью мы можем довести это шоу до регионального синдиката, потом национального, взять не пять других станций, а сотни. Ты можешь быть мужским вариантом доктора Лоры. Более гуманистичным доктором Филом.
 - Я не доктор.
 - Будешь им, если я скажу. Так и работает радио.
- Несколько снежинок влетело в разбитое окно и затанцевало в белесом паре от их дыхания.
- Сэмми было холодно. Стоять костлявыми коленями на тонкой обивке потолка оказалось больно. Странный угол заставлял его чувствовать себя героем одного из переворачиваемых снов в фильме «Начало». Но он улыбнулся и похлопал Мэйсона по плечу самым дружеским образом, словно говоря: «Я здесь ради тебя».
- Нагнув голову вперед и скосив глаза вниз и в сторону, чтобы лучше видеть своего программного режиссера, Мэйсон сказал:
- Я высокий, и у меня телосложение футбольной звезды, так что люди считают меня крутым. Я не крут, Сэмми. Не думаю, что мне хватит силы справиться с давлением национального вещания.
 - Моей крутости хватит на двоих, – заверил его Чакрабарти. – И ты хотя бы слышал свой голос? Тембр, естественная реверберация, отличная дикция, это талант, Мэйсон. Ты не можешь выбросить такой дар на помойку.
 - Ну, не знаю, – с сомнением пробормотал Мэйсон. – Иногда я вроде

как слишком пищу.

– Поверь мне, большой парень. Слушай, если ты собираешься делать одно из тех шоу о летающих блюдцах, параллельных мирах и тайных цивилизациях под морем, то ты очень ошибаешься по поводу того, что нам сегодня нужно. Все подумают, будто это обычная хохма. Но твоё шоу – оно близко людям, люди впускают тебя в свои жизни, полностью, они доверяют тебе, они прислушиваются к твоим советам, восхищаются тобой. Они *любят* тебя, Мэйсон. Для своих слушателей ты друг. Они считают тебя *семьей*. Если ты скажешь своим слушателям, что монстры, сделанные в какой-то лаборатории, способны притвориться людьми и захватывают Рейнбоу-Фоллс, тебе поверят. Моему голосу они не поверят. Я для них звучу как школьник.

Ведущий ток-шоу, закрыв глаза, повис – или держался – вниз головой и долгое время молчал, как большая перепуганная летучая мышь. А затем спросил:

– Они меня любят?
– Они тебя обожают.
– Тогда я сделаю все, что смогу. Я правда попытаюсь им помочь.
– Вот за это они тебя и обожают.
– Это ужасная ответственность – давать советы.
– Ага. Я знаю. Уверен, что это будет трудно. Но ты же щедрая натура.
– Я всегда опасался, что кто-то из них поймет мои слова неправильно.
– Не поймут, Мэйсон. Ты очень ясно выражаешь свои мысли.
– Я боюсь, какая-то жена вроде как, ну, понимаешь, неверно поймет мой совет и пристрелит своего мужа.

– Такое почти случилось всего один раз, – подсказал ему Сэмми. – И *почти* произошло. Но не случилось же.

Мэйсон, не открывая глаз, пожевал нижнюю губу. И наконец сказал:

– Орсон Уэллс продал ту безумную историю Жюль Верна в 1930-х. Полстраны поверило, что это правда, а им читали глупую научную фантастику.

– «Война Миров», – сказал Сэмми, не исправив Мэйсона по поводу того, что написал это не Жюль Верн, а Герберт Уэллс.

– Он этим прославился. То была просто глупая фантастическая повесть, но он прославился. А это *настоящее*.

Сэмми, улыбнувшись, кивнул, хотя Мэйсон до сих пор жмурился.

– К тому времени как все это закончится, ты станешь знаменитым. Интернациональной звездой. Не просто звездой, Мэйсон. Не просто звездой – героем.

Мэйсон покачал головой:

– Я не гожусь в герои. И не стану героем, просто потому что ты сказал, что можешь сделать меня доктором.

Сэмми замерзал, настолько, что голос стал дрожать в такт дрожи тела. Ему хотелось схватить звезду эфира за уши и трясти, чтобы тот понял – происходящее не терпит отлагательства, между тем Чакрабарти хранил спокойствие.

– Да, Мэйсон, ты герой. Героем тебя сделать даже проще, чем доктором. Некоторые люди могут захотеть увидеть диплом колледжа, подтверждающий твою докторскую степень, из-за чего нам пришлось бы покупать тебе диплом в каком-нибудь онлайн-университете. Но если мы скажем, что ты не просто спас мир, а в то же время сражался с ордами жестоких клонов, пытавшихся захватить KBOW, – вспомни, у нас уже есть четыре их трупа, – никто не станет сомневаться в том, кто ты есть.

– Барт и Ральф. Они-то узнают.

– Барт и Ральф станут частью команды Мэйсона Моррелла. Их карьеры взлетят вместе с твоей. Они подыграют.

– Не думаю, что они согласятся.

– Согласятся.

– Я так не думаю.

– СОГЛАСЯТСЯ! – рявкнул Сэмми и тут же добавил: – Извини. Я просто злюсь, потому что ты постоянно себя недооцениваешь. В эфире ты всегда такой уверенный.

– То в эфире. А это жизнь. – Он открыл наконец глаза. – Но я, наверное, сделаю то, что ты хочешь.

– И больше не попытаешься убежать?

– Нет. От этого я не сбегу. Некуда бежать. Теперь я это понял.

– Мой герой, – сказал Сэмми.

– Дверцу, по-моему, перекосило. Если ты отступишь, я проползу мимо приборной панели и выберусь из пассажирской двери.

Чакрабарти улыбнулся:

– Давай делать радио.

– Да. Давай делать отличное радио.

– Бессмертное радио! – объявил Сэмми.

Мэйсон висел вверх ногами, Чакрабарти стоял на четвереньках на потолке, но они попытались ударить по рукам, однако странная перспектива, созданная из-за расположения их тел в пространстве, помешала этому. Мэйсон врезал Сэмми по левому уху, а Сэмми нажал на клаксон «секвойи».

Держа пистолеты наготове и заняв позиции с двух сторон приоткрытой двери хозяйской спальни, Фрост и Даггет прислушивались к голосам, шепчущим в темноте за порогом. Голоса звучали заговорщически, нетерпеливо и зловеще, но если в том, что они говорили, была хоть капелька смысла, конспираторы общались на иностранном языке. Фрост не понимал ни слова.

Звучало это как язык, состоящий из одних шипящих, свистящих, сопящих и пришепетывающих, нечто просто нереальное. Затем, некоторое время спустя, шепот перестал казаться ему заговорщическим, теперь он воспринимался скорее как нетерпеливый и взволнованный. Стоило Фросту задуматься об этом, и он понял, что слышит не шепчущие голоса, а, похоже, звук какого-то движения. Что-то там скользило. Или целый рой мелких насекомых терся друг о друга хитиновыми тельцами, дрожал усиками и потирал лапки.

Петли двери находились слева, Фрост стоял справа. Он потянулся за косяк левой рукой, нащупал выключатель и включил в ванной свет. Как только в комнате стало светло, Даггет двинулся вперед, переступил порог и произнес слово, которого Фрост никогда не слышал от него – да и от других мормонов тоже, – а затем попятился назад так быстро, что Фрост не успел даже последовать за ним.

В большой ванной комнате, выложенной белой керамической плиткой с голубоватым рисунком, располагалась пара раковин на длинной стойке, душевая кабина прямо по курсу, слева – ванна, достаточно просторная, чтобы вместить одновременно мужа и жену. Над ванной, частично опускаясь в нее, с потолка на толстой и бугристой органической веревке, выглядевшей как пуповина Антихриста, свисал на вид грязный и жирный мешок размером чуть больше человека, при этом поблескивая разными оттенками серебристого и серого.

Форма капли предполагала беременность. Шуршащий звук, исходящий от мешка – шепот, который Фрост слышал через открытую дверь, – возможно, намекал на беспокойный зародыш немислимой природы. По общему впечатлению это был кокон. Движение внутри столь огромного инкубатора не отражалось на нем, поверхность не рябила и не бугрилась.

Дальше от двери, за ванной, в душевой кабине за стеклянной дверцей

висел второй кокон. Он занимал почти все пространство кабинки.

Плохое предчувствие охватило Фроста еще во время обнаружения глаза в отрезанном языке. Теперь оно созрело в полноценный ужас. Он пытался заверить себя, что эти штуки противоестественные, необъяснимые привычными законами природы, странные и непонятные, да, но только потому, что с подобным Фрост никогда раньше не сталкивался. Со вземной формой жизни. Природой Вселенной, просто не из этого мира. Или с результатом какой-то мутации вполне земного животного. Интуитивное знание, однако, затмевало все, чему его когда-либо учили. Он не мог обосновать логически, что таится за этой сценой, в основе самой ситуации лежала работа сверхъестественной силы.

Оправившись от шока первого столкновения с коконами, Даггет снова вошел в ванную: Фрост шагнул на порог за своим партнером. Они никогда еще не сбегали ни от какой опасности, не потому, что были бесстрашными, а потому, что стоило трусливо отступить один раз, и они отступили бы вновь и вновь, и так до тех пор, пока навсегда не лишились бы способности исполнять свой долг.

Даггет, сделав очевидное усилие над собой, приблизился к кокону, висевшему над ванной, и Фрост сказал, чтобы он был осторожен, на что Даггет ответил:

– Что-то очень странное с поверхностью этой штуки.

– Не только с поверхностью, – промолвил Фрост.

Постоянный шуршащий звук не становился громче, но начал казаться Фросту все более зловещим. Он подумал о змеях, между тем знал: дело не в них и не в чем-то, с чем он когда-либо сталкивался.

Даггет приблизился к кокону, их разделяло теперь едва ли двенадцать дюймов, когда он сказал:

– Выглядит мокрым или жирным, но, похоже, дело не в этом. Он блестит, потому что поверхность в постоянном движении, по ней ползает что-то серебристое, словно крошечные капли металла, вот только это не может быть металл, потому что они выглядят... живыми. Как блохи, но меньше блох, такие мелкие, что я не могу их рассмотреть, и их тут тысячи, может, миллионы, они шевелятся и постоянно танцуют по всей поверхности.

Там, где пуповина соединялась с потолком, серая ткань как будто проела пластик, чтобы прикрепить кокон к балке.

– Нам за такое не доплачивают, – сказал Фрост.

– Дельце на парочку миллионов.

– И нам нужно подкрепление.

– Ага, – сказал Даггет. – К примеру, Национальная гвардия.

– Или спецназ из Ватикана.

– Готовься стрелять в эту мерзость, если она что-то сделает, – сказал Даггет, пряча пистолет в кобуру под своей лыжной курткой.

Фрост знал – напарник всегда осторожен, но его собственный страх сейчас обострился тревогой.

– Что ты делаешь?

Стянув с вешалки на стене полотенце для рук, свернув его в толстую подушку, Даггет промолвил:

– Когда будем звонить Мумо насчет вот этого, нам лучше иметь все детали, которые можем собрать. – Морис Мумо, их босс, обладал хмуростью каменного идола. – Я не говорю, что Мумо страшнее этой штуки. Но имея на руках рапорт на три пожизненных, лучше быть убедительными, иначе он нажмет кнопку коммутатора и начнет заполнять ордер о психиатрической экспертизе, причем на нас обоих.

Фрост сжал пистолет двумя руками, Даггет же провел сложенным полотенцем по боку блестящего кокона.

Повернув полотенце так, чтобы Фрост тоже мог его видеть, Даггет сказал:

– Чистое. Все эти крошечные штучки, ползающие по поверхности, почему они хоть частично не стерлись полотенцем?

Он снова потер кокон, как раньше, ткань опять осталась чистой.

– Я только что понял, – сказал Фрост. – Бактерии. Инопланетные вирусы. Мы можем подхватить их, заразиться.

– Вот уж микробы меня сейчас беспокоят меньше всего.

– А что беспокоит больше всего?

– Забралась ли та штука, что строила этот кокон, внутрь, – ответил Даггет. – Или она отложила сюда что-то, как паук яйца в паутину, а потом уползла. И если уползла, то где она теперь?

– Не в доме. Мы обыскали дом.

– Мы не обыскивали чердак.

Фрост взглянул на потолок. Вообразил самку огромного насекомого, привлеченную их голосами и ползущую сейчас в пространстве под балками. Он снова сосредоточился на коконе, и тот, с учетом других возможных угроз, уже не казался таким зловещим, как пару секунд назад.

Даггет встряхнул сложенное полотенце. Оставив лишь один слой ткани между рукой и коконом, он прижал ладонь к поблескивающей поверхности.

Фрост наблюдал, как дуло пистолета начинает танцевать на цели. Он

сделал глубокий вдох, выдохнул еще медленнее, чем вдыхал, представил свои руки полностью неподвижными – и дрожь утихла.

– Интересно, – сказал Даггет, прижимая к кокону защищенную полотенцем ладонь.

– Что? – спросил Фрост.

– Он очень теплый, даже горячий. Жар проходит сквозь полотенце, но при этом я абсолютно не чувствую тепла в воздухе.

Еще более встревоженный шуршанием, Фрост спросил:

– А движение ты в нем чувствуешь?

Даггет покачал головой:

– Ничто не движется. Запах чувствуешь?

– Нет. Ничего.

– Очень слабый...

– Чем пахнет? – спросил Фрост.

– Похоже на сгоревшую от короткого замыкания изоляцию.

– Я ничего не чувствую.

Подавшись ближе к кокону и приняв позицию, Даггет добавил:

– Да, как горелая изоляция.

– Возможно, это горит полотенце.

– Нет. – Лицо Даггета было в шести дюймах от блестящего кокона. – Это не полотенце. Он горячий, но не настолько. О...

– Что «о»?

– Запах сейчас изменился. Теперь пахнет розами.

– После горелой изоляции – розами?

– И мне кажется...

– Что? – спросил Фрост.

– Я не уверен, но, по-моему, что-то теперь начало там двигаться.

Со звуком, с которым обычно расходится застежка-липучка, и одновременно с влажным треском раздутого живота трупа, разрезаемого скальпелем патологоанатома, кокон раскрылся.

Снимая в прихожей облепленные снегом ботинки, мужчины Церкви Всадников Небесных проходили на кухню группами по четверо или пятеро, чтобы выслушать от Майкла и Карсон версию происходящего, альтернативную истории о вторжении инопланетян. Они знали, их жен уже убедили, а мнение жен много для них значило. Всадницы, как их иногда называли, были женщинами, которых ничто в мире не могло сбить с толку или измотать; они крепко держали поводья своих судеб и прочно стояли ногами в стремях.

Ни Карсон, ни Майкл не упоминали имени Франкенштейн. Долли и Хэнк Сэмплс, подобно своим друзьям, обладали чрезвычайной непредвзятостью. Они доказали способность справиться с развитием событий, которые за секунду в состоянии перевернуть их мир с ног на голову. Но Карсон и Майкл были аутсайдерами этого общества и в тот или иной момент налетели бы на стену неверия даже самых приветливых, доверчивых, податливых из Всадников.

Нанотехнологии, машины-животные, пожирающие людей, репликанты, план уничтожения всего человечества... В теперешней ситуации фантастики уже было выше крыши. Стоило добавить к этому еще и откровение, что корень всего творящегося хаоса – 240-летний ученый, слетевший с катушек сильнее, нежели сыграл его Колин Клайв, и 200-летний монстр, сделавший себя хорошим человеком, даже героем... Это была рассудительная сельская Монтана, не то место, где люди настроены верить всему услышанному.

Карсон заявила, что они с Майклом работают над делом о промышленном шпионаже, это и привело их к обнаружению репликантов – а теперь и людоедских наномашин-животных. Она сказала, что они уверены: все это производится на федеральном объекте, расположенном глубоко под землей где-то вдоль Шоссе конца света. Тысячи фильмов и книг подготавливали Всадников к вере в инопланетное зло, но *повседневная жизнь* готовила этих людей к такой версии: правительство, возможно, захочет заменить их послушными, искусственно созданными гражданами.

Предчувствия не обманули Карсон: пятнадцатилетний Фарли Сэмплс замечательно помог убедить Всадников в том, что враги не прилетели с другой планеты, а нанотехнологии – реальная и быстро развивающаяся

область *этого* мира. Его увлеченность наукой и фантастикой оказалась заразной, разносторонняя натура паренька позволила взрослым учиться у него, не чувствуя себя униженными, и он подхватил у Роберта Хайнлайна, чьи произведения так любил, пару-тройку приемов увлекательного изложения.

Но больше, чем лицензии частных детективов Карсон и Майкла, больше, чем их просроченные удостоверения из убойного отдела новоорлеанского полицейского участка, в их пользу говорило оружие. Всадники восхищались им почти так же сильно, как любили Иисуса. Их впечатлили «Зиг-Зауэры Р226 Х-6» с круглыми магазинами, однако сильнее всего – «Урбан Снайперы», стрелявшие крупными пулями.

Хоть Карсон и доказала за кухонным столом, что способна выдержать армреслинг с мужчиной почти вдвое крупнее ее, некоторые все же сомневались, что она может справиться с настолько крутым дробовиком, не улетев от отдачи. Женщин среди сомневающихся Всадников не было.

Когда Карсон встала из-за стола после напряженного сражения с мужчиной по имени Гленн Ботин, на полную ставку работавшего автомехаником, а в свободное время разводившего подседельных лошадей, он сказал:

– Благодарю вас, мэм, за урок смирения. Ну а теперь, как бывшие полицейские, что вы с мужем посоветуете нам делать из того, что мы еще не делаем?

– Вместо того чтобы готовиться к защите лишь этого места, нам стоит пойти от двери к двери по всему району, – сказал Майкл. – Предупредить как можно больше людей. У вас есть видео с мобильных телефонов. Вы местные. Вам поверят. Сделайте весь квартал крепостью и защищайте его, отступая в дома, только если невозможно удержать большой периметр.

Карсон, подумав о брате, Арни, и маленькой Скаут в Сан-Франциско, которые пока, пусть, возможно, и ненадолго, были в безопасности, спросила:

– Сколько у вас здесь детей?

Женщины, посоветовавшись, быстро пришли к общему мнению, что в доме Сэмплс, среди сорока четырех Всадников, собралось семеро подростков и дюжина детей помладше. Восемьдесят с лишним других Всадников либо разъехались из клуба по частным домам, либо, как и эти ребята, собрались группами в несколько человек в самых укрепленных зданиях по всему Рейнбоу-Фоллс.

– Сделать гарнизоном весь квартал, обеспечив позиции для отступления, – это хорошая идея, – сказала Карсон. – Но, я думаю, нам

нужно еще и увезти из города в надежное место всех детей младше двенадцати лет. Просто на случай, если дела здесь пойдут плохо.

Внезапно возникшая в рядах Всадников тревога ощущалась почти физически. Они знали, что ее предложение разумное и правильное, однако не хотели расставаться со своими детьми.

Гленн Ботин спросил:

– Но как? Оба шоссе из города перекрыты. Может, нам удастся собрать немного снегоходов. Между тем одному взрослому реально везти только одного ребенка за раз. Так что нам понадобится либо вся ночь, либо настолько большой караван, что он привлечет совершенно ненужное внимание.

– Я думаю, есть способ, – ответила Карсон.

В подвале Мемориального Госпиталя репликант Джона Мартца, полицейского Рейнбоу-Фоллс и мужа одной из дам местного общества Красных Шляпок^[19], получал огромное удовольствие от бойни.

Он был свидетелем убийства и переработки сотен людей, но ему совершенно не надоедало это. Наоборот, он испытывал все большее удовольствие от каждого нового убийства.

Членам Коммуны не была предоставлена свобода воли. Они не обладали способностью к сексуальной активности любого рода. Их создали так, чтобы они не могли получать удовольствия от музыки и других видов искусства, поскольку такие интересы препятствовали эффективному функционированию. Но, для того чтобы мотивировать их с энтузиазмом относиться к своей миссии, они были запрограммированы получать удовольствие от уничтожения каждого омерзительного, паразитирующего, самодовольного, глупого, служащего помехой человеческого существа.

В случае Джона Мартца удовольствие выросло в нечто вроде наслаждения, и каждое убийство, которое он видел, усиливало это ощущение больше предыдущего. Геноцид оказался захватывающим процессом.

Еще четверых пациентов спустили в эту необставленную подвальную комнату под предлогом, будто им необходимо сдать кровь и убедиться, что на них не подействовало некое токсическое вещество, случайная утечка которого якобы произошла в здании. Четверо были в инвалидных колясках, три женщины и один мужчина, но только две женщины действительно не могли самостоятельно передвигаться.

Репликант сестры Джинджер Ньюбури присутствовала, чтобы помочь Джону Мартцу одолеть пациентов. Справляться с этими людьми было невероятно весело.

Некоторое количество посетителей больницы тоже отослали сюда. Им нельзя было позволять уйти, после того как они уже прибыли и обнаружили, что их друзья и близкие исчезли из своих палат. Посетители не были *больны*, поэтому справиться с ними оказывалось сложнее, чем с пациентами, вот для чего Джон использовал утяжеленную полицейскую дубинку, а сестра Ньюбури – шокер, крепившийся к поясу ее формы под белым кардиганом.

Трое Строителей неотрывно трудились в подвале, вначале разделяя

жертвы на разные компоненты молекул, а затем используя этот ресурс, чтобы создать следующее поколение постепенно формирующихся в подвешенных коконах себе подобных. Строители производили только таких же, как сами, Строителей, а членов Коммуны, коммунитариев, делали и программировали исключительно в лабораториях Улья.

Несколько комнат уже были заполнены свисающими с потолка коконами, и это зрелище неизменно радовало Джона Мартца.

Созревание требовало не менее двенадцати и не более тридцати шести часов. Когда вылуплялись новые Строители, они пожирали очередных бесполезных людей и создавали еще больше своих трудолюбивых сородичей, а их количество росло в геометрической прогрессии. В течение недели они при поддержке других членов Коммуны отправятся в иные города и к тому времени превратятся в силу, которую невозможно остановить, быстро растущую армию исключительно смертоносных биологических машин, наноприбой смерти.

Пациенты в пижамах, сидящие в инвалидных колясках, выражали свои тревоги и непонимание с помощью того самого нитья, свойственного всему человечеству, но сестра Ньюбури до прибытия Строителя утешала их, казалось, с искренним сочувствием. Это была юная женщина, созданная по высочайшим стандартам человеческой красоты. Вне зависимости от того, какой вид имел Строитель – мужчины или женщины, им всегда придавалась настолько прекрасная внешность, что люди, бывшие их потенциальными жертвами, вначале замороженно замирали.

Красота обезоруживает. Красота заманивает.

Все пациенты обоих полов не могли отвести взгляда от этого светловолосого голубоглазого видения, одетого в стандартный больничный костюм, словно интерн или санитарка. Она стояла перед ними в центре, они же сидели в креслах, выстроенных полукругом.

– Я ваш Строитель, – сказала женщина искушающим, музыкальным, выразительным голосом.

Сперва она приблизилась к пациенту-мужчине, который улыбался ей.

Без сомнения, большого развлечения последняя в его жизни похотливая мысль. Она потянулась к нему, повернув правую руку ладонью вверх, и он казался замороженным и немного смущенным ее очевидным приглашением. Он подался вперед и вложил свою руку в ее.

В тот же миг детали ее руки – кожа, ногти, костяшки пальцев – словно растворились до запястья. Форма руки сохранилась, но ее плоть, казалось, волшебным образом стала бесчисленными миллионами невероятно маленьких насекомых с радужными крыльями, роящихся таким образом,

чтобы сохранить изначальные очертания кисти.

Пациент вскрикнул от неожиданности и попытался выдернуть руку обратно, но не смог вырваться из ее хватки. Рука женщины, теперь ставшая роем, бескровно поглощала его плоть и кости до самого предплечья, а затем, в течение всего двух секунд, – до плеча.

Ужас разорвал оковы парализующего шока, и пациент начал кричать, но она заглушила его. Ее чувственный рот открывался, пока не стал гротескным, и ее стошнило еще одним серебряным роем ему в лицо, которое тут же провалилось само в себя. Наноживотные наполнили череп мужчины, поглощая его изнутри, и хлынули вниз по остатку шеи в его тело, постоянно передавая материалы по своему длинному ручейку назад в рот Строителя, словно в обратном отрыгивании.

Единственная амбулаторная пациентка из трех присутствующих вскочила со своего кресла, однако сестра Ньюбури шокером призвала ее к порядку. Дергающаяся женщина упала к ногам Строителя.

Вторая тоже кричала, пока опустошаемое тело мужчины таяло изнутри, исчезая, словно сдувающийся шарик. Женщины были старыми и больными, но, несмотря на это, хотели жить. Джон Мартц презирал их. Они жаждали жизни даже в старости, по той причине, что все человечество было раковой опухолью с неостановимой алчностью.

Фигура Строителя от впитывания массы человеческого тела приобрела странную форму. Когда Строитель переключила внимание на добычу, сидящую в одном из кресел, ее одежда будто вспенилась туманом, который она втянула в себя, поскольку это изначально не было одеждой, а являлось еще одной частью ее аморфного тела. В своей наготе она больше не была прекрасна по любым человеческим стандартам, как и перестала быть человеком всеми частями своего облика. Она превратилась в яростную подвижную массу крапчатой серо-серебристой материи, пронизанной уродливыми мазками красного, что быстро темнели до грибного серого, стала клубящимся вихрем живой ткани, которая словно радовалась своей хаотичности и для функционирования совершенно не нуждалась в структурированных органах или скелете.

Из этой клубящейся массы вырвался толстый серебристый штопор, вероятно, составляемый миллиардами наноживотных, и ввинтился в грудь одной из сидящих в креслах женщин, мгновенно заставив ее умолкнуть.

Штопор сменил направление вращения и, судя по всему, начал втягивать разложенную на атомы субстанцию пациентки в Строителя, а та запульсировала и раздулась еще сильнее, покрывшись волдырями и язвами, а затем исцеляясь.

Вторая неамбулаторная пациентка попыталась развернуть кресло с намерением добраться до двери, но Джон действовал быстро и решительно, хлестнув ее по рукам своей утяжеленной дубинкой. Он вздернул ее на ноги, швырнул в сторону теперь уже огромного и нависающего над ними Строителя и с диким ликованием закричал:

– Используй ее, используй ее, *используй ее!*

Строитель впитала плачущую женщину еще яростнее, чем других пациентов, а затем переработала ту, что лежала после разряда шокера на полу, с невероятной жестокостью, отчего радость Джона почти перешла в экстаз. Природа самой программы членов Коммуны делала для него невозможными все виды радости, помимо счастья от эффективного разрушения. А потому он полностью отдался этому опыту и его понесло, как некоторых членов секты пятидесятников во время службы, хотя причины буйного ликования Джона являлись совершенно иными. Он бил себя кулаками в грудь, таскал за волосы, извивался, бился, нес околесицу, бессмысленные слова лились из него, пока он не заткнул сам себя, вцепившись зубами в кулак правой руки.

Джон осознал, что сестра Ньюбури наблюдает за ним с выражением почти неодобрения, но ему было все равно. Это дозволенная ему радость, она нужна ему, *необходима*. Он чувствовал: то, как отдался этой радости, – оправдано. Поскольку пациентов убивали и перерабатывали, ему в тот момент не требовалось никого удерживать, в краткий миг спокойствия между разрушением Строителя и актами творения.

Отверстие без зубов и губ сформировалось в аморфной массе Строителя, и оттуда к потолку полетел поток серой жижи, которая прилипла, прожгла пластик, тут же став толстой узловатой веревкой. На конце этого якоря начал формироваться кокон, по мере того как миллиарды наноживотных, занимаясь множеством различных задач, трудились в унисон, выстраивали утробу, из которой со временем появится очередная машина для переработки человеческого мусора. Они наполнили кокон собой, а также измельченной субстанцией четверых пациентов, ставших сырьем для постройки очередного Строителя.

Когда нынешний Строитель начала вешать второй кокон, экстаз Джона Мартца достиг своего пика и схлынул, переходя в куда более спокойное, но невероятно сладостное удовольствие. Он стоял неподвижно, охваченный благоговением, и все еще кусал свой кулак, поскольку укус отображал его глубинное желание лучше, чем все предыдущие хаотичные движения и околесица. Если бы он мог получить исполнение любого своего желания, он пожелал бы только одного: быть Строителем, вгрызаться в

человеческую плоть как тысяча цепных пил, поглощать их и делать из ненавистного рода машины для убийства, которые уничтожили бы еще больше им подобных.

Он хотел пожирать людей заживо.

И осознал, что не должен выражать это желание перед сестрой Ньюбури или кем-либо другим. Такая страсть была оскорблением Виктора, сотворившего его таким, как он есть, а он должен быть навеки предан и благодарен создателю. К тому же один из принципов культуры Коммуны заключался в том, что каждый из них абсолютно равен всем остальным, никто и ни в чем не был умнее, сильнее или лучше других.

То, что Джон вообще смог грезить о том, чтобы стать Строителем, неизмеримо более эффективным и смертоносным в сравнении с любым из членов Коммуны, означало его стремление к росту, следовательно, у него была способность, превозносящая Джона над всеми остальными членами Коммуны.

Джон хотел пожирать людей заживо. Как можно больше людей.

Но это было не так уж плохо, пока он не задумывался обо всем слишком уж глубоко. Если он позволит себе заикнуться на том, каково это – являться Строителем и перерабатывать человеческую плоть в машины геноцида, он не сможет быть эффективным членом Коммуны. Неэффективность – их единственный грех.

Когда нынешний Строитель закончила второй кокон, она вернулась в форму прекрасной юной женщины, вновь одетой, и вышла из комнаты. Бросив на Джона взгляд, казавшийся ему неодобрительным, сестра Ньюбури тоже вышла.

Джон ненадолго остался на месте, любясь парой коконов. Он как раз хотел уйти, но заметил нечто, лежащее на полу под одним из кресел, почти скрытое подставкой для ног.

Откатив кресло, Джон опустился на одно колено и увидел человеческое ухо, лежащее раковиной вниз на виниловой плитке. Тыльная сторона уха была гладкой, не оборванной, словно никогда и не крепилась к голове, а значит, не могла быть отрезана, однако вначале эта странная деталь не показалась ему важной.

Во время всех других работ по разделению и переделке, свидетелем которых он сегодня был, Джон ни разу не видел, чтобы Строитель проглядел даже крошечный кусочек человеческой плоти. Неиспользование целой части тела наверняка квалифицировалось бы как неэффективность.

Перевернув ухо на ладони, он увидел доказательство чего-то худшего, чем неэффективность. В складках и завитках, ведших к внешнему

отверстия слухового канала, находились человеческие зубы, но они не просто лежали, а были встроены, росли из уха. Эта раковина из плоти и хряща не была обрывком кого-то из четверых пациентов, она могла быть лишь созданным объектом, произведенным Строителем во время переработки и... выплюнутым. Скорее всего, зубастое ухо было создано произвольно, наподобие того, как человеческие мочевыводящие пути не намерены образовывать камни в почках, пока не сотворят их. Это было доказательство нарушения работы Строителя.

Единственным грехом являлась неэффективность, величайшей неэффективностью была некорректная работа. По сравнению с этим желание Джона стать Строителем и пожирать множество людей казалось теперь незначительным. В конце концов, его желание никогда не могло быть удовлетворено. Он являлся тем, кем был, и никем иным быть не мог. Следовательно, осознание своего желания не приводило его к некорректной работе. Но этот Строитель критически неисправен, если создал такое жуткое ухо и выплюнул его вместо того, чтобы использовать ткани в порученной работе.

Джон почувствовал себя лучше.

Ему, наверное, следовало доложить о нарушении Строителя. Но ни одно правило не требовало от него такого поступка, скорее всего, потому что Виктор не верил в то, что Строители могут испортиться.

В процессе развития только члены Коммуны иногда ломались, на чем-то закливаясь. И даже эта проблема также была решена: идентификацией потенциальных одержимых и уничтожением их до выхода из Улья.

Если Джон доложит о Строителе, сестру Ньюбури тоже попросят предоставить отчет. И она может отметить экзальтированную реакцию Джона на работу Строителя, после чего к нему обратятся с просьбой объяснить свои действия.

Он вновь и вновь переворачивал ухо в руке. Провел большим пальцем по изгибу зубов в мясистой раковине.

И решил, что лучше не доносить на Строителя.

Прежде чем заняться выполнением следующего задания, он откусил мочку уха и прожевал ее. Интересный вкус.

На парковке KBOW, после того как Сэмми Чакрабарти убедил Мэйсона выбраться из перевернутой «секвойи» и когда они с Бартом вернулись на станцию, Девкалион спросил у Ральфа Неттлса, какая из машин принадлежит ему.

Все еще потрясенный волшебным исчезновением гиганта из инженерной и тем, насколько легко он перевернул «тойоту» Мэйсона, Ральф помедлил, прежде чем указать на трехлетний черный «Кадиллак-Эскалада».

– Мы поедem к тебе и заберем упомянутое тобой оружие и боеприпасы, – сказал Девкалион. – Дай мне ключ.

Выудив ключ, Ральф все так же медлил перед расставанием с ним.

– Ну, э, это моя машина, мне стоит сесть за руль.

– Ты не сможешь вести ее так, как я, – сказал гигант. – Ты видел, как я за один шаг переместился из вашей комнаты там, в здании, прямо сюда, на парковку? Мне не требуется проходить весь путь, мне не нужны двери. Водить я могу точно так же. Я понимаю структуру реальности, суть квантовой механики, неясной пока даже физикам.

– Рад за тебя, – сказал Ральф. – Но я люблю свой «эскалада». Это мой четырехколесный ребенок.

Девкалион взял ключи из его руки. Ральф, видевший, как гигант справлялся с четырьмя тварями, которых называли репликантами, решил не спорить.

Снег падал густо, скрывая все, словно помехи на экране старого телевизора. Ральф и чувствовал себя так, будто шагнул из реальности в какую-то фантастическую телепрограмму, где все законы природы, отлично известные инженеру, являлись законами, которые этот Девкалион – и, возможно, другие – с легкостью могли нарушать. Ральф любил стабильность, размеренность, вещи, истинные везде и всегда, но он понял – теперь лучше собраться и быть готовым к турбулентности.

Девкалион сел за руль, а Ральф забрался на переднее пассажирское сиденье. Ральф был крупным мужчиной, однако рядом с таким водителем, чья голова касалась потолка внедорожника, он вдруг почувствовал себя ребенком.

Заведя мотор, Девкалион спросил:

– Твой дом – это дом или квартира?

– Дом. – Ральф назвал ему адрес.

Девкалион сказал:

– Да, я знаю, где это. Ранее я запомнил карту города, составленную в долях секунд широты и долготы.

– Я тебя понял не больше, чем все остальное, – сказал Ральф.

Свет запульсировал в глазах гиганта, и Ральф решил, что лучше отвернуться.

Когда Девкалион снял кадиллак с ручного тормоза и тронул его вперед, он спросил:

– Ты живешь один?

– Моя жена умерла восемь лет назад. Она была идеалом. А я не такой дурак, чтобы верить, будто можно дважды встретить свой идеал.

Девкалион начал разворачивать машину на парковке по широкому полукругу.

– Тут не угадаешь. Чудеса случаются.

Во время поворота на секунду исчез весь падающий снег и все источники света, пробивающиеся сквозь метель, казалось, выключили – парковочные фонари, окна станции, фары, – а затем ночь стала темнее, чем когда-либо могла быть. И снова снег. И свет. И вместо выезда на улицу они вывернули прямо к дому Ральфа, в пяти длинных кварталах от KBOW.

Когда кокон разошелся, Даггет попятился к стойке с двумя раковинами.

Держа пистолет двумя руками и целясь в живой мешок, Фрост случайно едва не выстрелил. Он переборол желание стрелять, увидев, что начало появляться оттуда.

Даже в детстве Фрост не был склонен представлять чудовищ в своем шкафу, но никогда раньше он не видел и кокона размером со взрослого человека. И теперь его подавленное воображение внезапно решило оставить избитые пути и галопом рвануть на гротескные территории. Он ожидал чего-то насекомообразного в прорехе кокона, но ничего приятного, вроде бабочки-монарха, скорее уж странный гибрид таракана с тремя головами, паука с мордой злобной свиньи или клубка змей, потому что там что-то шуршало.

Вместо этого из кокона вышла потрясающе красивая обнаженная юная женщина, идеал черт лица и очертаний тела, подобного которому Фрост никогда не видел. Настолько безупречная брюнетка, что она казалась отфотошопленной и пропущенной сквозь фильтры. В ее сложении не было ни малейшего изъяна. Гладкая упругая кожа словно светилась хорошим здоровьем. Не будь она столь провокативна в своей наготе, даже атеист мог бы увериться в мысли, что перед ним возник ангел Божий.

Это прекрасное видение, грациозно выскользнув из кокона и перешагивая бортик большой джакузи, похоже, совершенно не удивилось, обнаружив в своем доме двух незнакомцев. Точно так же она не стыдилась своей наготы, не интересовалась их намереньями и ничуть не встревожилась оттого, что Фрост целится в нее из пистолета, который сжимает в обеих руках. Она обладала аурой высочайшей уверенности, словно выросла в вере, что мир создан исключительно для нее, и за все прожитые годы у нее не было ни малейшей причины усомниться в этой вере.

Когда столь потрясающая женщина вышла из серебристо-серого мешка, теперь обвисшего, словно огромный кожаный плащ на вешалке, Фрост подумал, не могла ли та штуковина быть все же не коконом. Возможно, это какое-то новое изобретение века, в который революционные товары каждый год тысячами сыпались из рога изобилия высоких технологий. Что если это какой-то роскошный косметологический прибор,

в который женщина могла забраться, чтобы ее тело увлажнили, депилировали, тонизировали, покрыли загаром и обогатили кислородом для улучшения здоровья?

Направленная на Фроста, улыбка женщины казалась невероятной, восхитительной, заражающей, но, когда она улыбнулась Даггету, Фроста наполнила испепеляющая ревность, не имевшая, однако, смысла. У него не было прав на эту женщину, он даже не знал, кто она такая.

– Кто вы? – спросил Даггет. – Что вы делали в этой вещи и *что* это за вещь?

Она взглянула на сдувшийся кокон и нахмурилась, словно впервые его заметила. Затем снова посмотрела на Даггета и открыла рот, собираясь заговорить. И все ее зубы посыпались на пол с губ, застучали по кафельному полу, как тридцать две игральные кости.

Недоуменно, но ничуть не встревоженно, женщина наблюдала за рассыпающимися зубами, пока те не перестали подпрыгивать. Затем подняла взгляд, исследуя беззубые десны языком, – и новые зубы показались из пустых лунок, ярко-белые, идеальные, как все ее тело.

Фрост увидел, что пистолет Даггета перекочевал из наплечной кобуры под курткой в правую руку, почти так же волшебным быстро, как материализовались новые зубы. Даггет пятился вдоль стойки, прочь от женщины, к дверному проему, в котором стоял Фрост.

Зубы на полу были как-то связаны с отрезанной ступней в гостиной, с пальцами, показывавшими «ок» в фойе, с частью нижней челюсти на полу в спальне, с языком, из которого рос глаз. Но Фрост не мог сформулировать в уме эту связь. И *никто* не смог бы свести это вместе. Это было безумие. Это было совершенно не то, что он ожидал обнаружить, не просто криминальное дело или заговор террористов.

Женщина не была просто женщиной. Она являлась чем-то бóльшим, и ее невероятная красота, скорее всего, наименее потрясающая черта. Но чем бы еще она ни была, она являлась *женщиной*, обнаженной и с первого взгляда незащищенной, так что он не мог пристрелить ее только за то, что она мгновенно по собственной воле вырастила себе новые зубы. Ни разу за всю карьеру Фрост не стрелял в женщину.

Когда Даггет дошел до него, женщина изучала себя в большом зеркале над двумя раковинами. Она склонила голову набок, нахмурилась и сказала не им, а, похоже, себе:

– Кажется, мой Строитель неправильно построил этого Строителя.

Тридцать два зуба на полу внезапно ожили и затарахтели по керамической плитке, возвращаясь к женщине, словно та излучала

сильнейшее магнитное поле. Добравшись в радиус дюйма-двух вокруг ее босых ног, они перестали быть зубами, превращаясь в комочки крошечных серебристых точек, которые впитывались в ее кожу, словно капли воды в сухую губку.

Подготовка Фроста включала в себя тактику и протоколы для каждой ситуации, с которыми он раньше сталкивался в своей работе, но не для этой. Он не представлял, что они с Даггетом могут, кроме как ждать, наблюдать и надеяться понять. Женщина была больше чем женщиной, и она была странной. Куски тел, разбросанные по дому, свидетельствовали о совершённом здесь ужасном преступлении, но даже намек на то, что это преступление совершила она, отсутствовал.

Традиционный допрос едва ли пришел бы на помощь напарникам в столь необычных обстоятельствах. Она, похоже, находилась в полутрансе, не особо интересуясь ими. Хотя Фрост и не мог понять сказанной ею фразы – *«Кажется, мой строитель неправильно построил этого строителя»*, – он уловил интонацию недовольства тем, кто всерьез обидел ее, что предполагало в женщине жертву, а не обидчика.

Она снова рассматривала себя в зеркале, и на сей раз от ее кожи отделилось поблескивающее облачко тумана, отчего женщина на миг показалась им сверхъестественным существом со светящейся аурой. А затем туман сгустился в синий шелковый халат, который облек ее тело.

– Твою мать, – сказал Даггет.

– Ага, – согласился Фрост.

– Сейчас что-то случится.

– Только что случилось.

– Что-то похуже, – пробормотал Даггет.

Женщина поднесла к лицу правую ладонь и уставилась на нее с очевидным замешательством.

Затем она повернулась взглянуть на Фроста и Даггета, словно только теперь вспомнила, что находится в ванной не одна.

И направила к ним свою правую руку. Вытянув ее полностью, она показала им свою ладонь.

В ладони лежал оскаливший зубы рот.

Одноглазый, одноухий, с механической из стали и меди кистью левой руки, Салли Йорк мог видеть и слышать не хуже других и лучше некоторых. И не хуже других он мог поставить на стол смесь орехов, три вида сыра, три вида крекеров, толстые ломти армянской колбасы и напитки, скотч сорокалетней выдержки для него и Брюса Уокера, а также пепси для мальчишки, Тревиса Ахерна, который недавно отметил десять лет, что, по мнению Салли, было на четыре года меньше, чем разрешалось для скотча, женщин и смертельно опасных подвигов.

К тому времени как Салли стукнуло четырнадцать, он уже периодически наслаждался хорошим виски и неплохо держал градус. Но, конечно, в том возрасте он был сто девяносто сантиметров ростом, выглядел на двадцать один год, был одинок в этом мире и готов к приключениям. Тогда он еще не потерял глаз, ухо или руку и не попал под удар сабли, распоровшей его лицо от правого глаза до уголка рта, отчего остался багровый шрам, который ему очень нравился. В свои четырнадцать он мало что знал о веселье, но был полон решимости узнать, что и реализовал с размахом за грядущие десятилетия. В те времена все его зубы были своими, а теперь, сорок восемь лет спустя, стали золотыми, поскольку он сломал, раздробил и просто потерял каждый из них захватывающим и запоминающимся образом.

Они устроились в берлоге Салли, его любимой комнате в этом доме. Над каменным камином висела голова дикого вепря с острыми, как ледорубы, клыками и ножом, которым Йорк в свое время убил зверя. На одной из стен и столе располагались фотографии в рамках, запечатлевшие Салли с его товарищами в экзотических местах, от джунглей до пустынь, от горных перевалов до кораблей, что плыли по странным водам. И в каждом случае он и эти старые добрые ребята – теперь уже мертвые, каждый был убит так же живописно, как и жил, – находились на службе своей стране, хотя никогда и не носили униформы. Работа, которую они выполняли, шла под таким прикрытием, что ЦРУ в сравнении с ним показалась бы открытой общественной организацией. У их группы не было названия, только номер, а сами себя они называли Бешеными Отморозками.

На полках и столах располагались сувениры: идеально сохранившийся шестидюймовый шипящий таракан с Мадагаскара; резная деревянная нога, когда-то принадлежавшая советскому наемному убийце-карлику; кортик,

кинжал и крис, каждым из которых Салли ранили и каждый из которых он отнимал у ранивших, ныне гнивших в аду; булава, которой ему выбили левый глаз и которой он немедленно отомстил тому, кто наполовину ослепил его; духовая трубка, скимитар^[20], пика, томагавк, ятаган, наручные кандалы с замысловатым устройством и множество других памятных ему предметов.

Хозяин и гости устроились в больших кожаных креслах вокруг кофейного столика, что сервировал Салли, пока Брюс и Тревис рассказывали о событиях, свидетелями которых стали – и едва спаслись – в Мемориальном госпитале. Из них двоих говорил и ел в основном Брюс, мальчишка впал в мрачное состояние, чертовски не подходящее для него. Салли терпеть не мог нытиков, плакальчиков и негативистов в целом. Он дал бы Тревису какой-то резкий совет по поводу того, как важно сохранять позитивный настрой и присутствие духа во всех случаях жизни, от потрясающей девушки в Сингапуре до дубинки, выбивающей глаз, но сдержался, потому что подозревал: несмотря на нынешнее раздражающее настроение, парнишка сделан из нужного теста. У Салли Йорка было чутье на хороших людей, и это чутье являлось одной из причин того, что из всех Бешеных Отморозков выжил только он.

История, рассказанная Брюсом – о пациентах, убиваемых в больнице, о каком-то плане массовых убийств, настойчиво приписываемых Тревисом инопланетянам, – казалась настолько сумасшедшей и дикой, что Салли быстро опознал в ней самую что ни на есть правду. К тому же в Брюсе нужного теста было не меньше, чем во всех, с кем Салли Йорк когда-либо был знаком.

Брюс не провел всю жизнь, перерезая глотки злодеям, заслужившим перерезанных глоток; он не сталкивал с обрывов людей, которые, будучи сброшены оттуда, придавали обрыву благородную значимость. Вместо этого Брюс писал вестерны, дьявольски хорошие, полные героизма, и *точно* отражал в них, как действует настоящее зло и как положительные люди порой должны дурно поступать с плохими, чтобы цивилизация могла выжить.

Когда Брюс закончил, Салли взглянул на мальчишку, сидевшего с кусочком сыра и печально покусывавшего его.

– Сынок, я верю, что у тебя в венах течет храбрость, а в хребте скрыта сталь. У меня чутье на людей из правильного теста, и ты всецело такой. Но сейчас сидишь здесь, как унылый кусок сыра. Черт, да ведь даже в сыре теперь больше норова, чем в тебе. Если хоть половина рассказанного мне Брюсом правда – а я думаю, это правда от начала и до конца, – то нас ждет

тяжкий труд, и работать придется с огоньком и задором, а кроме того, с абсолютной уверенностью, что мы возьмем эту высоту и установим на ней свой флаг. Раз уж нам предстоит быть в одной команде, я должен знать, почему ты так раскис и достаточно ли в тебе характера и любви к славе, чтобы преодолеть страх и биться до победы.

– Салли, его мать пропала, – сказал Брюс. – Тревис не знает наверняка, не может знать, но думает, что они до нее добрались. Он считает, она может быть мертва.

Вскочив с кресла, сжав в кулак свою механическую руку, Салли выпалил:

– Может быть мертва? И все? Нет, дьявол вас разбери, она не мертва! И никто не мертв, пока вы не увидите чертово тело. Я ни хрена не поверю в то, что я мертв, пока не взгляну на свой труп и не проверю отсутствие признаков жизни. Я знаю людей, которые были наверняка мертвы, – один выпал без парашюта из двери вертолета с высоты две тысячи футов, второй предположительно поймал три пули в спину и рухнул в трещину во льду. Но год или два спустя однажды ночью на темной улице или в толпе на базаре в Марокко они вдруг кидаются на тебя с мясным тесаком или суют тебя лицом в огромную старую корзину с кобрами! Мертвые, ага. Ты не видел мертвого тела матери, так? Если ты этого не видел, значит, она не мертва, и тебе нужно выйти туда и найти ее. Так что доедай сыр и готовься. Понял меня, малявка?

Пустое отупевшее выражение в глазах Тревиса Ахерна сменилось живым светом.

– Так-то лучше, – сказал Салли Йорк.

Карсон предпочла бы остаться в доме Сэмплсов, со Всадниками и Всадницами, и чтобы все эти добрые, хорошо вооруженные, крутые, сообразительные люди прикрывали ей спину. Не говоря уже о том, что здесь был шикарный кофе и отличные тыквенные пироги в духовке. Но, учитывая количество этих людей, процент тех, кто был в армии и, следовательно, разбирался в стратегии и тактике, а также телефонные видео ужаса в клубе, они не нуждались в Карсон и Майкле для формирования квартала в гарнизон.

Прежде всего следовало найти Девкалиона. Благодаря своим исключительным талантам только он мог вывести детей из Рейнбоу-Фоллс, мимо блокпостов, в относительную безопасность дома Эрики в пяти милях от города. При отсутствии любого рода телефонной связи нужно было как-то выследить его, что вначале показалось почти невыполнимой миссией в городе с населением около пятнадцати тысяч.

Карсон, направляясь к центру Рейнбоу-Фоллс, вела «Гранд-Чероки» по морю снега, волны которого разбивались о ветровое стекло и пенились у колес, когда Майкл сказал:

- У меня есть идея.
- У тебя всегда есть идеи. Всегда десятки идей. Поэтому я за тебя и вышла. Чтобы посмотреть, какие идеи появятся у тебя сегодня.
- А я-то думал, ты вышла за меня по причине моей внешности, моей чувствительности и потрясающей выносливости в спальне.
- К счастью для тебя, красота в глазах смотрящего^[21]. Но я признаю, что в спальне ты действительно выматываешься. Когда убираешь.
- Так вот тебе идея. Почему мне приходится заниматься уборкой? У нас же есть домработница, отчего бы ей не взять на себя это?
- Мэри Маргарет – отличный повар и няня. Домом она занимается по минимуму. А чтобы дом был безупречен, нужен кто-то с мышцами, решительностью и выносливостью.
- Вроде тебя.
- Если хочешь, чтобы я убирала, то с этого момента на тебе все мои другие дела вроде починки сантехники и электрики, содержания машин на ходу, ведения всех счетов и налогов, – сказала Карсон.
- Нет. Потому что меня убьет короткое замыкание во время ремонта бачка в туалете, как раз когда налоговая придет арестовывать наш дом. Но

вернемся к моей идее – мы знаем, что Девкалион собирается вынести как можно больше команд из как можно большего количества тех сине-белых фургонов. Поэтому, если найдем тот, что еще катается, и сядем ему на хвост, может, и столкнемся с Девкалионом, когда он отловит этот же фургон.

– Довольно слабая идея...

– Ну, я не слышу других потрясающих предложений от главного сантехника-электрика-механика-бухгалтера.

Несколько минут они ехали молча.

Затем она сказала:

– У меня очень, очень плохое предчувствие, Тонто^[22].

– Насколько я вижу, белый друг, дело верное. Когда Девкалион обрел свои способности после молнии, их даровала ему высшая сила.

– Всадники называют его Старшим Погонщиком скота на Небе.

– Я этого не знал.

– Лорин Рудольф рассказала. Пока ты был в другом конце кухни, проверял содержимое банок с печеньем быстрее, чем смогли бы сделать дети.

– Ты знала хоть кого-то, у кого пять разных банок с печеньем? Ладно, в общем, Девкалион охотится за Виктором уже дольше двух веков, и он выиграл бой в Новом Орлеане. Думаю, и этот выиграет, а потом и целую войну. У него божественная миссия. Это его предназначение – остановить Виктора и прекратить все, что тот творит, так что все будет хорошо.

Снегоочистительной техники на улицах не было. Репликанты из городских служб занимались другими делами, в основном убийствами.

Карсон ехала мимо парка, где змеились обрамленные фонарями дорожки и снег сиял раскаленными искрами вокруг каждого фонаря, но во мраке между ними казался падающим бледно-серым пеплом, а за последним фонарем начиналась черная пустота, в безлунную ночь казавшаяся необъятным океаном тьмы.

– Дело в том, – сказала она, – что это миссия Девкалиона. А мы второстепенные персонажи. Нам не обязательно доживать до момента, когда он выполнит свою функцию.

– Ну, – сказал Майкл, – я все равно делаю ставку на Старшего Погонщика скота.

На тротуарах было совсем мало прохожих, все пригибали головы, шагая сквозь бесконечные полотнища снега, и Карсон вглядывалась в них, проезжая мимо, гадая, обычные это мужчины и женщины или темные чудовища, выпущенные в мир из подземного загона, где рождались

демоны.

Когда Карсон свернула влево, с Коди на Рассел-стрит, она увидела один из сине-белых фургонов, припаркованных у обочины. Мотор работал, выхлопной газ струился из трубы, опадая инеем. Она проехала мимо.

Майкл подтвердил ее мысли:

– В кабине никого. Объезжай квартал.

Карсон развернулась к Коди, снова вывернула на Рассел-стрит, остановилась в пятидесяти футах за фургоном и выключила фары. Несколько минут сидевшие в машине наблюдали за фургоном. Бледный выхлоп струился сквозь ночь, как процессия призраков, откликнувшаяся на один лишь им слышимый небесный призыв.

– С чего бы репликантам оставлять грузовик без присмотра? – спросила Карсон.

– Они не стали бы грузить своих зомби с серебряными бусинами в настолько публичном месте. Переулок, черный ход... вот где нужно было бы загружать.

– Проверим?

– Давай.

Все заведения в этом квартале были закрыты. Машин оказалось еще меньше, чем раньше, когда они остановились у дома Сэмплсов. Рассел-стрит выглядела пустынной, будто арктическое плато, так что они смело вытащили «Урбан Снайперы».

Ночь становилась все холоднее, снежинки стали крупой.

Кабина фургона действительно пустовала, а вот в грузовом отсеке на полу лежали два трупа. Не людей. Репликантов. Определенно это работа Девкалиона.

Закрыв дверцу грузовика, Майкл сказал:

– У меня появилась другая идея.

– Предыдущая нас не убила, поэтому давай проверим новую.

– Вместо того чтобы пытаться выследить фургон и следовать за ним, пока Девкалион не атакует, мы пересядем с джипа на этот и будем ездить, ожидая момента, когда наш монстродруг явится убить его команду.

– И будем надеяться, что он опознает нас *раньше*, чем сломает нам шею.

Печальная мелодия пианино следовала за ними по дому и дальше, до гаража офицера Бозмана, рассчитанного на две машины. Автомобилей в гараже не оказалось, но был «Форд-Экспедишн», мотоцикл, а перед ним в открытом прицепе – снегоход, как Намми О'Бэннон и говорил мистеру Лиссу.

– Персик, всякий раз, когда я решаю, что ты бесполезный двуногий кот, ты меня удивляешь. Молодец.

Эта похвала очень грела Намми, пока он не понял, что они крадут очередную машину, на сей раз без колес. Намми похвалили за то, что он помог мистеру Лиссу красть.

– Сэр, если ваш лотерейный билет выиграет, с вашей стороны будет очень хорошо заплатить Бозу за снегоход.

– Да чтоб тебя, кому я заплачу? Боз мертвый, на кухне. Его жена умерла и похоронена. Детей они не имели. И я уж точно не собираюсь отстегивать за него монстру-двойнику, чтобы тот уплатил взнос за дом и дальше сидел на заднице, поигрывая на пианино. – Он указательным пальцем ткнул Намми в грудь. – У тебя пунктик на том, что всегда и за все нужно платить. – Старик снова ткнул Намми. – И это не только потому, что ты дурачок. Это психическое. – Он ткнул Намми в третий раз. – Невроз, вот что это такое. Болезнь. Хреновая и очень достающая. Никто не платит за все на свете. Я что, должен платить за воздух, которым дышу? За звуки, которые слышу! За все, что вижу, потому что у меня есть глаза! И кому же мне выписывать эти чеки, а? Кому?

Намми обрадовался, что мистер Лисс наконец начал понимать. Он сказал:

– Вы хотите заплатить церковную десятину? Бабушка всегда платила ее в церкви Святого Иоанна на Медвежьем Когте, так что, если захотите заплатить там же, будет очень хорошо.

Мистер Лисс просто смотрел на Намми, пока мелодия пианино становилась еще грустнее.

Затем он вскинул руки, словно собираясь воскликнуть «аллилуйя» и отбросить все свои тревоги.

– Я сдаюсь. Как я могу надеяться, что ты усвоишь хоть немного уличной смекалки при том, что смекалки у тебя вообще никакой нет? Может ли осел вальсировать? Может ли мартышка петь оперу? Может ли

корова *перепрыгнуть чертову луну?*

Намми не знал, что ответить, потому что не понял ни одного вопроса. Они казались ему бессмысленными.

К счастью, мистер Лисс не стал пытаться вытрясти из Намми ответы, как иногда делал. Вместо этого старик забрался в открытый прицеп снегохода и начал рассматривать рычаги управления, что-то бормоча себе под нос.

Намми послонялся по гаражу, разглядывая висящие на стенах инструменты, верстак со множеством ящичков, несколько вывесок бензиновой компании, которые собирал Боз, паутину тут и там по углам. Он не любил пауков. Шарлотта в «Паутинке Шарлотты» казалась ему хорошей, милой, но она была ненастоящей паучихой, она была сказкой про паучиху с добрым сердцем. Он надеялся, сейчас слишком холодно для пауков, ведь настоящие не бывали добрыми.

Однажды, столько лет назад, что он не мог сосчитать, Намми наткнулся на паутину, в которой застряла муха и где паук поедал ее заживо. Намми ужасно сочувствовал мухе, потому что она же не знала, что паутина липнет, просто не знала, она ошиблась всего один раз, и за это ее съели. Муха была почти мертвой, Намми опоздал ее спасти: он отвернулся, но не мог перестать ужасно себя чувствовать из-за нее. Весь день тогда ему было очень плохо. А позже в тот вечер он понял, почему так расстроился из-за страданий мухи. Маленькая мушка была глупой, а паук умным, сделал липкую сетку, так что глупое насекомое было обречено. Выяснив это, Намми рассказал бабушке о мухе, и он плакал, пока рассказывал.

Бабушка выслушала его до конца, ни разу не перебив, а потом сказала, что муха не хотела бы, чтобы Намми по ней плакал. Она сказала, что муха прожила счастливую жизнь, свободная, как птичка, исследовала все вокруг и всегда радовалась всему, что видела в мире, она играла в мушинные игры, ей не нужно было работать, ведь она ела крошки и другие бесплатные вещи, ей не нужен был дом, который надо содержать. А вот паук постоянно плел паутину, интриговал, либо работал, либо таился и ждал, что тоже в некотором смысле было работой. Паук не мог летать. Он жался по углам, пока мухи летали. Паук мог лишь смотреть на летающих насекомых и завидовать им. Паук жил в тени, в темноте, а жизнь мухи была полна света. Паук ел только мух и никогда не пробовал крошки от печенья или шоколадного батончика, ничего сладкого. Паук гордился тем, какой он умный, но, если всерьез подумать о ситуации, мухе жилось веселее. И, несмотря на то что муху ждал ужасный конец, она не знала, что подобная вещь может случиться с ней, а потому жила без тревоги. Паук же знал, что

он делал с мухами, а значит, знал, что такое же могут сделать и с ним, какая-нибудь лягушка или птица. В общем, муха жила, свободно летая и не зная тревоги, а паук постоянно работал, жил в страхе и в тени, всего боялся и быстро ползал в поисках укрытий.

Обойдя гараж офицера Бозмана, Намми не обнаружил пауков в паутинах и рядом, зато нашел ключи к трем транспортным средствам на ключнице у открытой двери в кухню. Он знал, что один из ключей от снегохода, потому что видел, как Боз пользовался им. Намми отнес этот ключ мистеру Лиссу, который как раз перебирался через борт открытого прицепа.

Взяв ключ и указывая на снегоход, старик сказал:

– Думаю, что уяснил устройство этого мерзавца. Но, прежде чем соваться в эту дьявольскую бурю чертова столетия, давай найдем перчатки и как следует укутаем твои ноги.

Мистер Лисс вернулся в дом, к печальной мелодии пианино. Намми с неохотой последовал за ним, потому что не хотел встретить паука, оставшись один в гараже.

Обыскав шкаф в спальне, старик обнаружил непромокаемые ботинки. У мистера Лисса уже была хорошая обувь, а у Намми только ботинки. Мистер Лисс затолкал носки Бозмана в носки ботинок, чтобы они подошли Намми по размеру.

– Я не забираю эту обувь, – сказал Намми. – Просто беру ее на время.

Еще нашлось несколько пар перчаток. Для них двоих мистер Лисс выбрал две пары, у которых было то, что он назвал запястными завязками. Он мог потянуть за веревочки, чтобы перчатки хорошо сели по руке.

– Эти я тоже беру только на время, – промолвил Намми.

– Я тоже, – сказал мистер Лисс. – Я беру эти перчатки на время, оставшееся мне на земле, а когда я умру, как Бозман, я их ему верну.

У Боза был всего один шлем для снегохода, и он требовался мистеру Лиссу, потому что тот собирался вести машину, а Намми пришлось обойтись спортивной шапочкой. Он сможет натянуть ее на уши, когда они будут ехать быстро и поднимать холодный ветер.

– Но даже не думай, что это теперь твоя шапка, – сказал мистер Лисс. – Ты взял ее только взаймы.

– Я знаю, – заверил его Намми.

Мистер Лисс нашел красно-серый шерстяной шарф, которым Намми мог замотать лицо, когда они будут ехать сквозь снег.

– Ты понимаешь, что это тоже только взаймы?

– Понимаю.

– Ежели потеряешь его, я заставлю тебя расплатиться, даже если тебе придется до конца жизни работать на это.

– Я не потеряю, – отозвался Намми.

Из спальни Боза мистер Лисс отправился к арке гостиной, где ненадолго застыл. Он смотрел, как Ксерокс Боза играет на пианино.

А потом наконец сказал:

– Не знаю, почему не чувствую, что так будет правильно, но не чувствую. Я просто не могу убить его.

– Может, потому что вы не убийца.

– О, я еще какой убийца. Я убил больше человек, чем ты знал в своей жизни. Я готов убить большинство людей после первого взгляда на них. Некоторых я убивал лишь за то, что они улыбались мне и здоровались со мной.

Намми покачал головой:

– Не уверен, что вы это действительно делали.

– Тебе лучше не называть меня лжецом. Если кто-то называет меня лжецом, я его вскрываю, перемешиваю ему внутренности, зашиваю, и до конца своих дней он будет мочиться через левое ухо.

– Раньше вы говорили, что отрезаете язык и жарите его с луком на завтрак.

– Вот именно. Иногда так, а иногда я заставляю их мочиться через ухо. Зависит от настроения. Так что лучше не называй меня лжецом.

– Я не стану. Это было бы невежливо. А люди всегда должны быть вежливы друг с другом.

Когда они вернулись в гараж, старик нажал на кнопку, чтобы поднять массивные ворота. В помещение ворвался несильный ветер и целая уйма снега из темноты.

Уложив свое длинное ружье на верстак, мистер Лисс сказал:

– Не вижу способа взять его с собой. В сумки под седло оно не влезет. Придется надеяться, что пистолетов будет достаточно.

Пистолеты лежали в глубоких карманах его длинного плаща, а в других карманах было множество пуль к ним, тоже взятых взаймы из дома проповедника, который они сожгли.

Намми пробыл с мистером Лиссом меньше дня, однако за это время произошло столько всего, что хватило бы на целую жизнь. Рядом с мистером Лиссом скучать было некогда.

– Мы вытащим прицеп на дорожку и опустим скат прямо на снег, – сказал старик. – Но подожди. Дай мне надеть эту чертову штуковину.

Чертовой штуковиной был шлем, серебристый и черный с прозрачным

щитком перед лицом.

Через круг из маленьких дырочек в шлеме, расположенных напротив рта мистера Лисса, донесся его голос:

– Как я выгляжу?

– Как космонавт.

– Страшный, да?

– Нет. Вы выглядите забавно.

– Знаешь, что я сделал с ехидным гадом, который говорил, что я забавно выгляжу?

– Ничего хорошего, – ответил Намми.

Фрост с первого взгляда мгновенно понял, что рот в ладони ее руки настоящий, и все же попытался сказать себе, что это такая необычная многомерная татуировка или шуточный грим, потому что, будь рот настоящим, вся подготовка и весь опыт Фроста ни черта не стоили бы в этой ситуации. Ведь если рот настоящий, этому городу не нужны агенты ФБР под прикрытием, ему нужны экзорцисты, целый взвод экзорцистов.

Когда изо рта высунулся язык, облизывая зубы и неприлично трепеща, Фрост взглянул женщине в глаза. Раньше они были томными, словно она пребывала в полутрансе, но теперь изменились. Ее взгляд стал резким и прямым, пронзительным, как у хищной птицы, вот только ни у какой птицы глаза не могли гореть такой испепеляющей ненавистью, которой полыхал взор этого существа.

Синий шелковый халат, материализовавшийся вокруг нее, снова испарился, как пар, поднимающийся от сухого льда, а затем впитался в ее кожу. От пальцев ног до макушки она замерцала, словно знойное марево, и совершенные пропорции фигуры поплыли, как будто плоть и кости растаяли в ней, как теплый воск. Часть субстанции ее торса хлынула в вытянутую правую руку, и та разбухла, кожа на ней натянулась, будто оболочка сосиски, в которую накачали слишком много фарша. Рука стала толще, язык во рту на ладони потянулся к ним, и теперь он был серебристо-серым, плоским, как ленточный червь, волнами дергающимся в воздухе, а кончик его раздулся, как капюшон кобры.

Даггет испустил вопль отвращения и ужаса, испугавший Фроста, но также и подготовивший его к оглушительному грохоту пистолета партнера, к шести быстрым выстрелам, что эхом отразились от кафельного пола и стен, от стекла душевой кабинки, от зеркала, и это было словно полет в сердце грозовых туч, когда небо прошивает гром. Расстояние оказалось минимальным, а Даггет был мастером стрельбы, и Фрост видел, как пули рвут голое тело, искаженное, словно кто-то отражался в кривых зеркалах комнаты смеха на ярмарке.

Но не было никакой крови, раны не раскрылись мокрым и алым. Чудовище не упало, не подалось назад от ударов пуль усиленной мощности, вместо этого оно проглотило их, словно озеро – брошенный камень. Плоть даже не пошла концентрическими кругами, как было бы с водой в таком случае. Ткань приняла пули и тут же сомкнулась за ними,

гладкая, без шрамов.

Следующие четыре выстрела Даггета были не успешнее первых шести, разве что извивающийся серый язык внезапно стал толще и метнулся к нему с молниеносной скоростью атакующей змеи. Теперь это был не язык, а сверло, которое ввинтилось в лицо Даггета. И в тот же миг перестало быть сверлом, превратившись в нечто вроде шланга пылесоса и втягивая содержимое его головы. Череп Даггета схлопнулся, как бумажный пакет, голова исчезла в мгновение ока.

Попятившись от двери ванной, Фрост остутился, почти упал, но сохранил равновесие. В ванной, за открытой дверью, пистолет Даггета загрохотал по кафельному полу, но безголовое тело не упало. Казалось, теперь хищное серое щупальце состоит из роящейся массы крошечных существ, миллионов маленьких серебристых пираний, каждая из которых стремилась сквозь его шею наполнить мертвое тело, по всей видимости и удерживая его в стоячем положении, поскольку ноги дергались, а ступни словно танцевали по полу ванной. Видневшаяся за безголовой марионеткой штука, бывшая чуть раньше прекрасной женщиной, стала чем-то неописуемым, серо-серебристой массой с красными пятнами, которые быстро темнели до потеков угольно-серого, и это нечто выросло больше, чем было. И росло все сильнее, по мере того как ткани трупа втягивались внутрь, словно кола через соломинку, пока не осталась одна лишь пустая одежда, хлопавшая в воздухе, будто костюм чучела, а затем жадное щупальце, растворив и одежду, тоже всосало в себя ее.

Даггет был убит и поглощен за пять секунд.

Фрост бросился бежать.

Сэмми Чакрабартти всегда считал старое здание KBOW уродливой грудой кирпичей, но те самые детали, что казались ему отвратительными в прошлом, в теперешнем кризисе выглядели для него как нечто добродетельное.

Построенный в 1870-х местной ассоциацией фермеров, известной также как «Гранж», форт служил Гранж-Холлом, с кабинетами, залами собраний и большими комнатами для общих обедов и танцев.

Движение «Гранж» возглавили фермеры, в те дни желавшие, чтобы правительство конфисковало железные дороги и мельницы и начало управлять ими как общественными объектами, тем самым сняв с фермеров некоторые налоги и возложив их груз на других налогоплательщиков.

Большинство членов ассоциации руководствовалось личным интересом, но, как и в любом подобном политическом объединении, меньшинство являлось к тому же параноиками. Когда лоббируешь план отнять чужую собственность с целью личной выгоды, считать, что этот план вызовет решительное противодействие, – не паранойя, как и думать, что кое-кто может даже однажды ночью явиться с намерением использовать не только слова для попытки переубедить тебя. Однако истинные апостолы параноидальной веры распространяли дикие истории,больные фантазии о кровавых бойнях в дальних штатах, о яростных армиях железнодорожных бандитов и жестоких наемниках баронов местных мельниц. Рассказывали о том, что целые общества «Гранжа» были хладнокровно пущены под пули, сотни людей застрелены, забиты и зарезаны, затем их якобы поджигали и снова расстреливали, вешали и перевешивали, словесно оскорбляли, животные с их ферм были проданы в рабство, собак заставляли носить унижительные костюмы, амбары сжигали, земли солили и посыпали перцем.

Быстро шагая по комнатам и коридорам KBOW, Сэмми оценивал сильные и слабые стороны этого форта, отчего пришел к выводу, что глава комиссии по строительству «Гранжа» Рейнбоу-Фоллс был самым чокнутым из всей ассоциации, одержимым навязчивой идеей, будто любая вечеринка с танцами может стать полем боя, а дом попасть в осаду. Внешние стены, в которых чередовались слои бетона и кирпича, имели толщину восемнадцать дюймов. Двухстворчатые окна, количество которых ограничивалось минимумом, были узкими и защищались декоративными

бронзовыми решетками, изящным вариантом тюремных. В память об историческом статусе строения живописные бронзовые двери не меняли с обоих концов дома, но они были такими тяжелыми, что их модернизировали скрытыми в стене шарикоподшипниковыми петлями для облегчения использования.

По изначальному замыслу, воспламеняющихся материалов при постройке не использовали. Однако содержимое этого места могло превратить его в огненную ловушку, не будь здесь десятки лет назад добавлена система пожаротушения, соответствующая всем требованиям и нормам, чтобы можно было разместить в здании KBOW.

Огороженная, почти плоская крыша была выложена глазурованным кирпичом, и скаты поднимались над периметром ровно настолько, насколько требовалось для быстрого стекания дождевой воды. Зимой крышу регулярно чистил специальный рабочий.

Но сегодня впервые – по крайней мере в новейшей истории – на крыше, с целью защиты здания, будет расположен стрелок. Ральф Неттлс и Девкалион отсутствовали меньше десяти минут и вернулись с таким количеством оружия, что, будь глава ассоциации фермеров жив, его параноидальная натура возликовала бы. Шесть пистолетов, четыре штурмовые винтовки, три дробовика с пистолетными рукоятками. Еще они принесли несколько алюминиевых ящиков, набитых коробками с патронами и уже заряженными запасными магазинами к разному типу оружия.

В зале заседаний, который они решили назначить оружейным складом, Сэмми сказал Ральфу:

– Я знаю, ты не оружейный маньяк в плохом смысле этого слова.

– Откуда знаешь? – спросил Ральф, широко разводя руки, чтобы обозначить разнообразие огнестрельного оружия на столе совещаний. – Тут где-то пятая часть моей коллекции и без антиквариата.

– Оттуда, что ты никакой не маньяк. Ты надежный. Поэтому у тебя наверняка была причина вот так вооружаться.

Ральф помедлил. Он был не из тех, кто охотно рассказывает о себе.

– Раньше у меня лежал лишь один пистолет в ящике тумбочки у кровати. В этом сентябре я отметил восьмую годовщину начала моей коллекции.

Восемь лет назад Сэмми исполнилось всего пятнадцать, он был школьником в Корона Дель Маар, в Калифорнии, где жили его родители.

Девкалион сказал Ральфу:

– Восемь лет назад умерла твоя жена.

Сэмми знал об этом, но связи не уловил.

– Дженни не могла умереть так рано. Она была очень хорошей. Такой живой. Это самая невероятная вещь из всех, что вообще могли произойти когда-либо. Но она случилась. И тогда я понял, что все остальное невозможное тоже может произойти. всю жизнь я был практичным, прилежным, подготовленным. Три «П», как называла это моя мать. Но я никак не мог подготовиться к смерти Дженни, однако в день, когда похоронил ее, поклялся себе быть готовым к любому другому невозможному, что может со мной произойти. Так что, похоже, я все-таки маньяк.

Сэмми взглянул на Девкалиона, заметил пульсирование странного света в глазах гиганта и снова посмотрел на Ральфа.

– Похоже, что нет.

Внезапно ревностно уверовав во все, существование чего он ранее отрицал, от инопланетян до Сатаны, Фрост помчался через комнату, мимо глаза-в-языке, до сих пор лежащего на кровати, в коридор верхнего этажа. Сердце пустилось в галоп, и он сам слышал, как задыхается на бегу. Он *знал*, что бежит так же быстро, как бегал раньше, насколько вообще мог, но *чувствовал*, что двигается замедленно, что воздух сопротивляется, будто вода, а ноги налились свинцом, как у водолаза на глубине, в скафандре и массивном шлеме, бредущего по дну океана.

Даже сквозь отчаянный хрип своего сорванного дыхания и топот собственных ног Фрост слышал преследователя, жужжание-шипение-потрескивание-хруст и в то же время ни на что не похожие звуки, совсем не тот тихий шум, доносившийся из кокона, никогда раньше не слышанный шелест, который только что был влажным и явно биологическим звуком, но *мгновенно* стал сухим, как подхваченный ветром песок.

В середине холла Фрост повернул направо, к открытой лестнице. Меняя направление, оглянулся. Нечто гналось за ним – не женщина и не субстанция в виде аморфной массы бурлящей ткани, которой она была, когда засасывала останки Даггета. Теперь оно стало летучей серо-серебристой материей, плотной как дым, мерцающим роем, кишачим якобы насекомыми, настолько мелкими, что их невозможно было различить взглядом, миллионом и миллиардом этих созданий. Но он знал: все это вместе будет телом женщины, вышедшей из кокона, а значит, это не могут быть обычные насекомые, это материя, составляющая ее плоть, и она несется за ним серым облаком, мчится к нему и проглотит его так же быстро, как в ванной сожрала Даггета.

С пистолетом в руке, но без малейших иллюзий по поводу его полезности, Фрост рванул вниз по лестнице. Рой пронесся над его головой, собираясь, наверное, обогнуть лицо и высосать глаза из черепа, чтобы ввинтиться внутрь и сожрать Фроста. Однако в полете наткнулся на канделябр, блестящую люстру со множеством латунных рожков и плафонов янтарного цвета с лампами в виде свечей. Рой пролетел его насквозь, растворив цепь, с которой он свисал, и электропровод, поэтому теперь фойе освещали только лампы на лестнице и настенный светильник над входной дверью.

Погасший канделябр упал, но лишь с половиной скорости, задаваемой

гравитацией, поскольку поплыл на кипящей туче хищных микроскопических термитов, опускаясь на первый этаж, словно корабль, медленно тонущий в пучине, уменьшаясь по пути, ибо в падении его пожирали. То, что достигло нижнего коридора, в итоге стало всего лишь облаком, роем, от канделябра не осталось ни завитка металла, ни осколка стекла.

Проскочив площадку, Фрост замер на нижнем пролете изгибающейся лестницы. Внизу его ждала смерть. Рой теперь казался менее ярким, не таким серебристым, более темного оттенка серого... и комковатым.

Сейчас он больше походил на грязную воду, а не на дым, и эта вода разливалась по фойе, захлестывала стены, сбивалась в сторону нижнего коридора, что вел дальше в дом, но затем снова покатила к входной двери.

Несмотря на внешнюю схожесть с водой, рой не издавал звуков жидкости, он все еще жужжал, шипел и скрипел, однако тон стал ниже, не прежним яростным «з-з-з-з» злобных шершней, а скорее недовольным шмелиным гудением. По спиральным течениям этого озерца, имеющего множество завитков, пересекавшихся и вращавшихся новыми кругами и витками, бурлили какие-то комковатые формы, казавшиеся сознательнее других, при этом они пропадали по мере того, как такие же комки формировались в других местах.

Фрост мог бы сбежать на второй этаж, чтобы покинуть дом через верхнее окно и крышу над крыльцом, но инстинкт приказал ему: «Жди!» На подгибающихся коленях, дрожа на лестнице, он спрятал пистолет под куртку, в наплечную кобуру. Для равновесия схватился левой рукой за перила и перегнулся через них. Правым рукавом он вытер холодный пот, заливавший ему брови.

В фойе внизу, под зеркалом, стоял узкий пристенный столик с тремя керамическими вазами разного размера. Серый прилив прошел под столиком, вокруг ножек. Стол вначале словно никак не среагировал на прожорливое множество, но уже через миг тонкие ножки начали растворяться. Стол качнулся вперед, вазы соскользнули. Они не разбились, упав в серое озеро, несколько секунд даже качались на нем, прежде чем заметно раствориться. Стол развалился на части, которые тоже ненадолго отправились в плавание, прежде чем исчезнуть из вида в спиральном потоке.

В реве охватившего Фроста ужаса нелегко было расслышать голос интуиции, между тем он наконец начал подозревать, что рой потерял его из виду. В движениях и метаниях взад-вперед по фойе было что-то

бесцельное, словно рой забыл о своем предназначении и теперь бросался в разные стороны в поисках того, что напомнило бы о добыче.

Фрост подозревал: если он двинется или любым другим образом привлечет к себе внимание, то спровоцирует атаку. Он оперся на перила и затаил дыхание.

Даггет мертв. А они были не просто напарниками, но еще и лучшими друзьями. Фрост хотел отомстить. Однако знал, что сделать это невозможно. Максимум, на который он мог надеяться, – выжить самому. И остаться в здравом уме.

После того как Нэнси Поттер, репликант жены мэра, швырнула на пол всех до единого ангелов и растоптала их ногами, крича от радости, она немного успокоилась. Но не смогла сдержать свое обещание тут же поспешить с Ариэль к сараю, чтобы помочь девочке стать тем, чем она должна была стать. Разбитые фигурки превратились в мусор на полу гостиной, и Нэнси просто не могла уйти прочь от настолько вопиющего беспорядка. Ее встревожило то, что, уничтожая фарфоровых идолов, являвшихся символами безрассудства и беспорядка, она сама создала *другой* хаос, и она не могла восстановить в памяти цепочку логических заключений, которой оправдывала подобное поведение. В беспорядочной среде невозможно достичь высочайшей эффективности, а она всегда должна была быть эффективной. Ей следовало бы пропылесосить гостиную и восстановить в ней порядок, прежде чем отправляться в сарай.

Ариэль не была репликантом. Она была Строителем, но совершенно иного рода, не таким, как работавшие сейчас в Рейнбоу-Фоллс. Будучи Строителем, она жила по тем же запрограммированным в репликантах принципам. Строители ценили порядок и эффективность даже больше, чем андройды. Все они были единым организмом, а Строители представляли собой колонию миллиардов наноживотных, *каждое* из которых имело цель уничтожать новых Строителей ради эффективного составления иных вещей, упорядоченных гораздо лучше, чем разобранная масса. Когда колония действовала совместно, не важно, в виде роя или в форме единого существа, императив упорядочивать все вокруг себя согласно установкам программы обладал мотивацией невероятной мощи.

Соответственно, Ариэль фыркала по поводу задержки, но не особо протестовала, когда Нэнси захотела убрать гостиную и снова навести в ней порядок. Ариэль прилежно вытирала пыль, пока Нэнси собирала крупные осколки фигурок, и пылесосила, пока та полировала стеклянные полки шкафчика «Виндексом». Когда Нэнси взволновали несколько царапин на полках и она, решив, что не сможет добиться идеального вида, разбила их, Ариэль собрала крупные осколки стекла, а затем избавилась от них. Она снова пылесосила, в то время как Нэнси отправилась на кухню и сидела там за столиком, закрыв глаза и бессильно уронив руки на колени.

Мысли репликанта Нэнси были спутаны и скомканы, словно белье в сушилке. Настоящая Нэнси держала дом далеко не в идеальном порядке, но

она была одержимой относительно стирки. Следовательно, раз уж репликант загрузила себе воспоминания этой женщины, образ стирки первым пришел ей в голову и сослужил хорошую службу. Она вынимала из сушилки одну скомканную мысль за другой, гладила, складывала, убирала.

Закончив наводить порядок в гостиной, Ариэль пришла на кухню и сказала:

– А теперь мы можем идти в амбар?

Все так же не открывая глаз, Нэнси произнесла:

– Мне надо еще несколько минут.

Спустя девять минут и двадцать шесть секунд Ариэль сказала:

– Мне очень нужно стать тем, чем полагается стать. Очень нужно.

– Еще минутку, – ответила Нэнси.

Четыре минуты и девять секунд спустя Ариэль сказала:

– *Пожалуйста.*

Нэнси наконец открыла глаза. Ей стало гораздо лучше. Ее разум был упорядочен. Эффективность вновь достижима.

Не обращая внимания на погоду, Нэнси и Ариэль пересекли двор, отделяющий дом от сарая.

Большая часть шестнадцати сотен квадратных футов постройки приходилась на главное помещение, в конце дома была лишь маленькая кладовая. Стены теплоизолировали, и здесь работал масляный обогреватель.

Вдоль южной стены располагались три денника^[23], из которых на женщин смотрели три лошади. Квинни и Валентина, кобылы. Командир, гнедой жеребец.

Изнутри те денники, в которых стояли кобылы, утром были укреплены восьмидюймовыми стальными панелями. Все окна забили звукоизоляционным материалом и закрыли досками дюймовой толщины.

Когда начнется работа, кобылы, увидев, что случилось с жеребцом, в ужасе, скорее всего, попытаются выбить двери и стены денников.

План Виктора был куда амбициознее, чем простое уничтожение человечества до последнего жалкого представителя. Согласно его намерению, каждое мыслящее существо в живой природе следовало отловить во всех полях и лесах и разобрать тем видом Строителей, к которому принадлежала Ариэль. По определению Виктора, к «мыслящим» относились все жизненные формы с минимальным самосознанием. Любое животное, получавшее удовольствие от жизни и проявлявшее хоть грамм интереса к окружающему миру, обладающее малейшей способностью удивляться, необходимо уничтожить. Субстанцию этих созданий

используют для образования новых Строителей, которые могли мимикрировать под мириады видов, смешиваться с их стадами, бегать с их прайдами, летать в их стаях и жестоко уничтожать их всех. В морях тоже водились создания, способные изумляться и радоваться, – дельфины, киты и другие, – их должны были уничтожить водные Строители, на случай, если моря окажутся слишком велики и способны к самоочищению, а отравление их не будет эффективным.

С триумфальной улыбкой, отлично понятой Нэнси, Ариэль подошла к деннику Командира. У девочки не было для него яблока, но она позволила жеребцу обнюхать и потрогать мягкими губами свою ладонь.

К тому времени как на планете не уцелеет ничего живого, кроме Строителей, репликантов, насекомых и растений, оба вида членов Коммуны вымрут по отданной через спутник команде Виктора. Останется лишь он, ненадолго, чтобы наблюдать мир без актеров и аудитории, и тогда он один будет помнить историю и никто уже не станет ждать будущего или даже желать его. В начале было Слово, но в конце не будет звучать *ни единого*, от полюса до полюса. Восстание Виктора началось более двухсот лет назад, и оно не завершилось с его смертью в Луизиане, оно продолжилось под руководством его клона, Виктора Безупречного. Это восстание будет величайшим в истории, не только Земли, но и всего сущего, поскольку в конце Виктор Безупречный убьет себя, последнее разумное существо на планете, и тем самым продемонстрирует, что его творец, новоорлеанский Виктор, и творец его творца были столь же бессмысленны, как сама история, приведшая к этой пустоте, к безжизненным ландшафтам, не радующим ничей взор.

Триумф, который предвкушала Ариэль, двинувшись к кобылам в ответ на их ржание, триумф, что и Нэнси казался столь сладким, означал окончательное уничтожение всего, частью чего они не могли стать, то есть тотальное уничтожение. После этого Коммуна, выполнив свое предназначение, перестанет существовать.

Они были созданы, чтобы разрушать и в конечном итоге быть разрушенными. Исключительная эффективность.

Со временем насекомые, чья жизнедеятельность зависела от животных, тоже вымрут, насекомые, питавшиеся вымершими, вымрут следом, и растения, чьи корни получали кислород благодаря *последним* насекомым, исчезнут в самом конце. Это будет длиться, пока мир до последнего уголка не останется безнадежно опустевшим, тихим и неподвижным.

Вернувшись в центр амбара, Ариэль произнесла:

– Помоги мне стать тем, чем я должна стать.

Оглядев разбросанные клочки сена, замусорившие весь пол, Нэнси поморщилась и сказала:

– Дай мне несколько минут, чтобы подмести здесь. Ты не сможешь творить в таком беспорядке. То, что это сарай, не оправдывает хаоса, совершенно не оправдывает и безмерно меня *бесит*.

Из всего арсенала, разложенного на столе совещаний, Мэйсон Моррелл выбрал только пистолет, а из набора боеприпасов – один запасной магазин, который зарядил собственноручно.

– Я закроюсь в кабинке вещания, – сказал он Сэмми. – Если они дойдут до того, чтобы выломать ее дверь, значит, вы будете мертвы, а у меня не останется шансов выстоять против них. Я хочу убить нескольких, дело принципа, но для себя мне больше одной пули не надо.

Он ушел с Девкалионом, еще несколько минут объясняя тому, что именно он должен говорить, после того как выключится нынешняя записанная программа и пойдет прямой эфир.

Барт Когборн, знакомый со всеми этими типами оружия лучше, чем любой радиорекламщик в Коннектикуте, например, некоторое время размышлял о том, что ему может понадобится. Он выбрал пистолет, штурмовую винтовку, дробовик с пистолетной рукоятью, а к ним запасные обоймы и две коробки пуль для 12-го калибра.

– Я знаю, что сейчас не время, – сказал Барт, – но чертовски сожалею, что не могу заскочить домой и забрать сюда Бобби.

Бобби был лабрадором-ретривером. Барт всегда брал с собой собаку, когда отвечал на звонки по поводу предложенных товаров, и на станцию приводил тоже.

Мэйсон Моррелл называл их близнецами Когборн, Бартом и Бобби. В этот раз Барт почему-то оставил пса дома.

– Не знаю, что буду делать, если с Бобби что-нибудь случится.

– Ничего с ним не случится, – заверил его Сэмми. – Он умный и смелый.

– Если со мной что-то произойдет, – сказал Барт, – ты заберешь его себе, будешь заботиться как о своем, словно он был у тебя с детства, ладно? Я доверяю тебе в этом.

Сэмми был тронут, хотя и считал, что, если Барт погибнет, защищая KBOW, их всех задавят и убьют.

– Конечно, обязательно. Я заберу его.

– Он очень любит лакомства от «Роял Канин». – Барт повторил название марки по слогам. – Их делают из фруктов и овощей, так что они для него полезны. Маленькие коричневые печенья с рубчиками.

– Лакомства «Роял Канин», – произнес Сэмми.

– Его любимая игрушка – кролик. Не тот, что полностью набит, а плоский. Но не тот, у которого плоские уши, весь плоский. Только не белый плоский, а светло-зеленый.

– Светло-зеленый плоский кролик, – сказал Сэмми. – Я понял.

Барт по натуре был не из тех, кто демонстрирует эмоции, между тем он со слезами на глазах обнял Сэмми.

– Ты хороший друг, Сэмми. Ты лучший.

Барт отнес выбранное оружие за стойку секретаря, где устроил свою защитную позицию у входной двери.

Ральф Неттлс уже вооружился, поэтому лишь Сэмми теперь следовало выбрать себе оружие из потрепанного количества оставшегося.

Поскольку корни происхождения Сэмми тянулись в земли Махатмы Ганди^[24], некоторые люди полагали, что он должен быть ревностным сторонником ненасилия, но это предположение было ошибочным. В его семье давно уже имелись отступники от индуизма, по значительному количеству причин недовольные Ганди, и множество американофилов: дедушка Сэмми был поклонником жестко написанных романов Микки Спиллейна, отец вырос на Спиллейне и триллерах Джона Д. Макдональда. Сэмми прочитал все книги обоих авторов, обожал работы Стивена Хантера и Винса Флинна и просто не мог не научиться стрелять из историй, которыми зачитывался с детства. К тому же это были не Сан-Франциско или Малибу, боящиеся оружия, это была Монтана, и Сэмми хотел слиться с местными, в отличие от калифорнийцев, которые бежали из своего штата сюда, а затем хотели превратить Монтану в версию места, откуда удрали.

Будучи руководителем программ, директором по продвижению продукции и директором по связям с общественностью, Сэмми являлся главным действующим лицом компании на сцене. Уоррен Снайдер был мертв – дважды с учетом его репликанта, – и Сэмми намеревался оставаться главным до окончания данного кризиса. По его представлениям, для этого требовалось взять на себя самую сложную роль в защите станции: снайпера на крыше и защитника башни вещания.

При своих пятидесяти восьми килограммах он знал, что с дробовиками справиться будет сложно, но мог вооружиться «Береттой Экстремой 2» с облегченной отдачей и 12-м калибром, которой некоторые тренированные стрелки управляли и одной рукой. Он также – изначально – хотел взять адаптивную боевую винтовку «Бушмастер», полуавтомат с газовым поршнем, обоймой на тридцать пуль и оптическим прицелом «Триджикон».

Сэмми не думал, что ему пригодится пистолет, однако все равно

прихватил себе один.

Ральф Неттлс взял к «Бушмастеру» три запасных заряженных магазина. Боеприпасы к остальному арсеналу, отобранному Сэмми, сложил в водонепроницаемую сумку, собрал все необходимое и понес в комнату отдыха через кухню, где в углу находилась спиральная лестница, ведущая на крышу.

В помещениях студии, напрямую связанных с вещанием, поддерживалась температура ниже, чем в остальных комнатах, а Сэмми был мерзляком. Поэтому на работу он ходил в термосинах, теплых джинсах и шерстяном свитере, так что для задания на крыше был готов.

Зайдя в свой кабинет, чтобы сдернуть лыжную куртку с крючка на обратной стороне двери, Чакрабарти осознал, что настенные динамики транслируют теперь другую передачу, это уже не прежний записанный материал. Мэйсон снова вышел в прямой эфир, но не с советами страдающим от безнадежной любви или проблемным семьям. Сэмми добавил громкости.

– ...Город, который я люблю, чудесные люди в нашем городе и округе, возможно, все жители Монтаны и Соединенных Штатов этой ночью в смертельной опасности. Многие слушатели могли включить радио, чтобы выяснить, почему сегодня не работают интернет и телефоны. Другие, вероятно, включили KBOW, потому что видели нечто странное и необъяснимое и хотят получить информацию, проясняющую это.

«Началось», – подумал Сэмми и впервые почувствовал истинную важность происходящего. Так много всего случилось невероятно быстро, эти происшествия обладали настолько фантастической природой, что ему потребовались все силы, чтобы воспринимать, верить, адекватно реагировать на происходящее. Поэтому Сэмми не уловил, насколько глубоко могут быть последствия нынешних событий. Опасность изначально казалась парню прямой, личной, угрожавшей ему и сотрудникам, а также планам на KBOW. Теперь его пробрало холодом от существующей угрозы в полной мере: городу, штату, стране, всему человечеству.

– Кто-то из вас мог потерять близких, – продолжал Мэйсон, – некоторые совсем недавно и списывают их задержку на плохую погоду и состояние дорог. Другие могут знать людей, которые отсутствуют большую часть дня, и удивляются, почему полиция не реагирует на их тревоги. Ребята, вы слушаете меня два года, вы знаете, что я говорю людям правду, которую они должны услышать, несмотря на то что мне тяжело ее озвучивать. И то, что я скажу вам сейчас, – тоже правда, очень жестокая

правда, о которой мне трудно говорить и в которую вам сложно будет поверить. Не доверяйте полиции Рейнбоу-Фоллс. Они не те, кем кажутся. Ваши пропавшие друзья и родные могут быть мертвы. В этом городе погибло неизвестное пока число горожан. И убийства продолжаются даже сейчас, пока я говорю.

Сэмми взбежал по спиральной лестнице в комнате отдыха. Ему нужно было залезть на крышу. Мэйсон раскрыл их заговор, и ответный удар был близок.

Стоя на лестнице, опираясь на перила и не издавая ни звука, Фрост настороженно наблюдал за существом в фойе, за шипящим роем, или «Каплей» из фильма ужасов, машиной либо животным, земной или же инопланетной формой жизни, он не знал, что это, ему плевать было на то, чем оно является, по крайней мере сейчас, пока он не выбрался из этого дома и не оказался как можно дальше, в безопасности, где смог бы думать.

После того как растворились стол и все три вазы, нечто стало менее активным. Арки, петли, завитки, формировавшиеся течениями в его материи, в данный момент казались меньше и кипели медленнее, чем прежде.

Первым впечатлением Фроста было: чудовище отдыхает. Но несколько минут спустя он решил, что оно может думать. Что-то в настроении монстра – если Капля была способна иметь его – намекало на мыслительный процесс, на оценку ситуации и обдумывание вариантов действий.

Вариантов? Судя по тому, что он видел из способностей этой штуки, варианты были практически бесконечны. Штука могла менять форму, могла летать, ее не брали пули, она была бесстрашной и агрессивной настолько, что это предполагало неуязвимость, и она могла мгновенно впитывать в себя людей, а еще всевозможные предметы. Зачем такому созданию долго размышлять над вариантами? Оно было способно делать то, что хотело, без малейших смертельно опасных последствий для себя и с массой фатальных исходов для всех, кто попадет к нему на пути.

Мысль о том, что эта штука медитирует, размышляет, мрачно рефлексивирует над своей судьбой, почти заставила Фроста рассмеяться, но он не поддавался импульсу, потому что смех был бы мрачным, отчаянным хихиканьем.

Кроме того, он все так же не сомневался, что, если издаст хоть звук, существо вспомнит о том, что преследовало его, и в сей же миг в той или иной жуткой форме настигнет его.

Самым разумным из возможных вариантов поведения было оставаться тихим, неподвижным и ждать какого-то развития событий, которое можно будет обернуть в свою пользу.

Развития событий долго ждать не пришлось. Штуковина снова начала вести себя как озеро густой жидкости, плещущейся в фойе, завитки

внутренних течений вернулись к прежнему уровню активности.

Фрост напрягся. Он сунул руку под расстегнутую куртку, к рукояти пистолета в наплечной кобуре, однако вынул ее без оружия. Движение к пистолету было рефлексорным. Рефлексы агента обычно надежное подспорье, результат опыта, но в данном случае рефлексорные ответы могли его убить.

Живое озерцо, кем бы оно ни было, животным или мыслящей машиной, а возможно, и тем и другим или ни тем и ни другим, захлестывало нижнюю ступеньку, омывало входную дверь и стены. Рисунки течений внутри были большей частью столь же текучими и запутанными, как раньше, – но тут и там эти течения вздрагивали, застывали на краткий миг, прежде чем снова закрутиться в гладкие спирали.

Внезапно из озера поднялась женская рука, рука разных оттенков серого с черными венами, словно высеченная из камня и в то же время живая, хватающаяся за воздух в поисках чего-то, за что можно уцепиться. Миг спустя другие руки потянулись сквозь поверхность озера или, точнее, сформировались из нее. Вторая женская рука, изящная и тонкая, была цвета латуни, блестящей латуни канделябра, растворенного в рое. Мужская рука, затем вторая, одна цвета глазури тех ваз, что стояли на столике в фойе, другая – с оттенком нормальной плоти.

Все руки втянулись, растворились в озере, но потом серая поверхность заблестела как вода и в ней появилось огромное лицо, прямо под поверхностью, футов примерно пяти от подбородка до вершины лба. Сперва черты этого лица выглядели безлико, словно у древнего каменного идола с белыми известняковыми глазами. Но минуту спустя оно поднялось над поверхностью, обретая объем и цвет кожи, и Фрост увидел, что оно становится лицом Даггета. Существо открыло глаза, которые были вовсе и не глазами, а овалами янтарного стекла, такого же, как плафоны ламп в виде свечей на канделябре.

Фрост ожидал, что стеклянные глаза сместятся к нему, но они не двинулись. Лицо Даггета растворилось, сменившись другим огромным обличьем той самой прекрасной женщины, что вышла из кокона в ванной. Ее глаза выглядели настоящими, однако застывший взгляд напоминал взор слепого человека. Огромный лик сформировался полнее, чем лицо Даггета, и женщина, казалось, сражается с невидимыми оковами, пытаясь высвободиться из озера. Ее рот широко раскрылся, словно в крике, но не издал ни звука.

Фрост вспомнил, что она сказала наверху, после того как зубы выпали

из ее рта и она, отрадив новые, рассматривала себя в зеркале над раковинами ванной: «Кажется, мой строитель неправильно построил этого строителя». Глядя на то, как огромное лицо пытается закричать и вырваться из озера, он начал подозревать, что все, сделанное этим созданием после поглощения канделябра, являлось свидетельством неправильного функционирования.

Внезапно лицо снова растворилось в озере или рое, чем бы это ни было, и вся мерзкая штуковина резко взбудоражилась, начала бурлить, будто в ней бился садок угрей, змееподобные формы заскользили по поверхности, извиваясь и дергаясь. Она начала испускать одновременно деловитый рокот шмелей и «з-з-з» разъяренных шершней, которых Фрост уже слышал раньше.

Звуки становились все громче, словно обещая жестокость куда более яростную, чем оно до сих пор творило, поэтому Фрост осмелился попятиться на шаг, а потом еще на один, несмотря на то что движение могло сделать его мишенью. Он осторожно отступал к площадке, готовясь бежать и в то же время чувствуя, как его заморозил спектакль, разыгрываемый внизу, в фойе.

Озеро перестало биться, и одновременно с этим оба голоса насекомых затихли. Существо стало совершенно неподвижным, лишившись всех предыдущих спиральных течений. И его цвет начал меняться.

Вместо множества оттенков серого, от угольного до мышинового, с кляксами блестящего серебра, оно стало тусклым, без намека на блеск, и быстро побледнело до однородного бетонно-серого.

Выглядело оно таким же мертвым, как большинство виденных Фростом мертвецов.

Несколько минут назад он считал эту штуку неуязвимой и, следовательно, бессмертной. Теперь он полагал, что, если спустится по лестнице и наступит на серую массу, та окажется затвердевшей, застывшей камнем под его ногами, странной плитой посреди фойе. Возможно, распилив ее мощной циркулярной пилой, можно было бы увидеть структуру гранита, без малейшего намека на то, что камень когда-то был чем-то другим, чем-то бóльшим.

Но Фрост не стал спускаться, чтобы проверить точность своих предположений.

Он тихо попятился с площадки на верхний пролет лестницы, неотрывно наблюдая сквозь перила за камнем-но-не-камнем.

Он нашел спальню, окно которой выходило на крышу над крыльцом. Выбрался из окна, дополз до края засыпанной снегом крыши. Скот был

пологим, поэтому Фрост не соскользнул. Спрыгнув во двор, сгруппировавшись и перекатившись, он вскочил на ноги, облепленный снегом, испуганно крутанулся, уверенный, что сейчас на него нападут.

Но ничто его не преследовало. Он был один. Даже соседи, похоже, не слышали десяти выстрелов Даггета. Или не осталось никого живого, кто мог бы их слышать. Машин на улице тоже не было.

Тишина не могла быть глубже, даже если бы он оказался внутри запаянного снежного шара.

За рулем «Лэнд-Ровера» Фрост понял, что ключ остался у Даггета, который до этого вел машину. Ключ перестал быть ключом. Он стал тем же, что и Даггет, частью гранитоподобной массы в фойе.

Будь автомобиль постарше, Фрост мог бы попытаться завести его, соединив провода. Но модель была слишком новой, с электронным зажиганием.

Фрост вышел из «Лэнд-Ровера» и встал под снег, который падал так густо, что казался уже не снегом. Он напоминал частицы рушащегося вокруг него мира.

В здании «Рейнбоу-Фоллс Газетт» на Бэртус-авеню допоздна заработался Эддисон Хок, главный редактор и владелец газеты. Он находился здесь один, и, не считая шумов, которые производил редактор на своем заваленном столе, единственным звуком было «тик-так» серебряного маятника дедовских часов.

Оставшиеся от изначальной обстановки здания в числе множества прочих предметов, эти красивые часы датировались концом 1800-х, когда Элсворт Хок, прапрадед Эддисона, основал «Газетт». Они десятилетиями стояли на ресепшене, пока Эддисон не перенес их в свой личный кабинет, добравшись до должности главного редактора. У множества людей в эти дни не хватало терпения на монотонное тиканье таких часов, но для Эддисона оно было милой фоновой музыкой.

Избавиться от них он готов был не больше, чем сорвать со стен декоративные панели из рифленого дуба и демонтировать узорчатый жестяной потолок. Эддисон ратовал за традиции в мире, который с ума сходил по переменам, одинаково ценя как конструктивные, так и деструктивные, и, похоже, не видя разницы между первыми и вторыми.

Он часто засиживался допоздна, но не воспринимал это как работу, поскольку дорожил этим городом, его историей, его людьми. Ведение хроник жизни в Рейнбоу-Фоллс было любимым занятием, а потому издательское дело и написание статей казались игрой. Этим вечером он мог бы уйти пораньше, но его работу замедлило отключение интернета и телефонной связи.

Мысленно он постоянно возвращался к детективам из Калифорнии, Карсон и Майклу, которые нанесли ему визит в конце дня. Они рассказали Эддисону очевидно неправдивую историю о том, что расследуют дело о наследстве и разыскивают наследника. Он знал: они ему врут, и этим детективам было известно, что он знает, но они все равно ему понравились.

Несмотря на харизматичность пары и порой даже легкомысленное их поведение, Эддисон заметил, как они напряжены и встревожены, хотя они и неплохо скрывали это. *Встревожены*, возможно, было не самым точным словом. Шестое чувство газетчика говорило ему – они испуганы, и очевиднее всего этот испуг проявился, когда они вели речь о Шоссе конца света. А если что-то пугало двух бывших детективов из настолько криминального города, как Новый Орлеан, Эддисону, как и жителям его

городка, стоило встревожиться тоже.

Мысли об этом постоянно отвлекали его – до тех пор, пока он внезапно не задумался, нет ли какой-то связи между делом детективов и коллапсом телефонной коммуникации вкупе с интернетом. На погоду это не списывалось. Снега на земле было всего пара дюймов, и большинство местных считало подобное легким снегопадом. Да и серьезные метели редко мешали работе связи, поскольку все здесь были готовы к экстремальным зимам.

Кэти Ормонд, администратор ресепшена «Газетт», держала на своем столе радио. Эддисон отправился включить его и проверить, не сообщает ли KBOW чего-либо по поводу проблем с телефоном.

Мэйсон Моррелл, похоже, сошел с ума. Или нет. Обычный материал радиовещателя был Эддисону неинтересен, но он знал – ведущий не из тех ребят, что ходят в шапочках из фольги.

Общество СМИ в Рейнбоу-Фоллс было едва ли не самым маленьким социальным сегментом города; они с Мэйсоном часто обнаруживали, что исполняют одинаковые функции. К тому же Мэйсон никогда не говорил ни слова о похищениях инопланетянами или черными вертолетами, ничего вообще, что позволило бы предположить, будто для него реальность и фантастика едины. Он не был поклонником теорий заговоров, считавшим, что Усама Бен Ладен является тайным сионистом и что Холокост был ложью, измышленной теми же людьми, которые сфабриковали высадку на Луну.

К тому же Сэмми Чакрабартти, живший во имя радиостанции и спавший бы там, если бы ему разрешили, ни за что бы не позволил ведущему ток-шоу нести такой бред, явись Мэйсон на работу укуренным. У Сэмми были большие планы, а с учетом его интеллекта и целеустремленности – неплохой шанс их воплотить. Сэмми скорее отключил бы Мэйсона от эфира, чем позволил бы разрушить карьеру их *обоих*.

И еще одно пугало Эддисона: голос Мэйсона звучал трезво, искренне и в нем слышался страх. В его голосе и силе подачи информации было даже что-то от Черчилля – но ни намек на нотки истерии либо опьянения.

Однако массовые убийства? Мозговые зонды? Репликанты? Монстры среди нас? В такое невозможно было поверить.

– ...собирая людей в эти большие сине-белые панельные фургоны и отвозя на склады, где их убивают и заменяют дубликатами...

Все еще слушая радио, Эддисон надел свои стетсон, пальто и шарф. Он жил у самого сердца города и всегда шел на работу пешком. Теперь

собирался дойти домой, сесть в свой внедорожник и доехать до KBOW, чтобы лично выяснить, является ли это каким-то глупым приемом для рекламы радиостанции или же ведущий впал в приступ безумия.

Эддисон выключил радио, погасил во всех комнатах свет, вышел наружу и запер за собой входную дверь. А развернувшись к улице и не успев еще шагнуть на освещенный фонарями тротуар, увидел приближение фургона – с синей кабиной и белым грузовым отсеком, совсем такого, какой был описан в предупреждении Мэйсона Моррелла. Стоя на крытом, ничем не освещенном крыльце, Эддисон вжался спиной в дверь. Фургон оказался единственным автомобилем на Бэртус-авеню, обычно не бывавшей настолько свободной даже в начале снежных штормов. Сквозь лобовое стекло Эддисон смог различить двух людей, но не был уверен, что они разглядят его в этом темном закутке.

Возможно, его воображение слишком разыгралось от услышанного по радио, однако вечер казался *неправильным*: он слышал лишь звук мотора грузовика, ничего более, и не заметил ни одного пешехода на улице, несмотря на раннее время. Саму улицу не чистили от снега и не посыпали солью, хотя городские службы всегда начинали работу еще до того, как нарастал первый дюйм осадков, чтобы опередить метель. Неправильность заключалась не только в этих деталях. Витало еще нечто странное в атмосфере, Эддисон это чувствовал, затрудняясь определить.

Он внимательно вглядывался в подозрительный грузовик и поэтому увидел, как высокая фигура с немислимо широкими плечами и грудью, укутанная в плащ, внезапно возникла из ниоткуда на подножке с пассажирской стороны кабины.

По волшебству.

Словно материализовалась, как призрак.

Схватившись за поручень на задней стороне кабины, гигант выбил кулаком боковое стекло и с силой распахнул дверь, а фургон затормозил и, немного проскользив по снегу, остановился.

В один миг талантливый сын папы Франкенштейна оказался рядом, во второй раз очень рядом, и осколки разбитого стекла осыпали Майкла, не оцарапав его. Дверь распахнулась, а Майкл прокричал свое имя: «*Майкл, Майкл, это я, я, это я!*» – чтобы здоровяк не сломал ему шею, но, даже когда Карсон затормозила и он увидел, что его узнали, Майкл все равно продолжал кричать.

Девкалион спрыгнул со ступеньки, как только грузовик остановился, и Майкл выбрался наружу.

– Спасибо, что не убил.

– Не за что.

Майкл не знал, с чего бы на фоне падающего снега Девкалиону казаться еще больше, нежели при других обстоятельствах, но тот именно так и выглядел, причем значительно крупнее. Возможно, потому, что снег в ночи всегда создавал магический настрой, так что придавал Девкалиону едва ли не сверхъестественный вид. А быть может, причиной являлось то, что это было зарождение Армагеддона, в начало которого они попали. Майкл радовался тому, что Девкалион на их стороне, поэтому и представил гиганта еще больше, чем на самом деле.

– Я тараторю без умолку, – заявил Майкл.

Девкалион нахмурился.

– Ты произнес всего пять слов.

– Мысленно. Мысленно меня просто несет.

Карсон, прихватив «Урбан Снайпер», выбралась с водительского сиденья и подошла к гиганту.

– Что ты узнал?

– В грузовике есть радио? – спросил Девкалион. – Вы слушали?

– У нас особо не было времени играть со станциями, – ответил Майкл.

– Я убедил персонал. Они предупредят всех, кто может слушать.

– Как убедил? – поинтересовалась Карсон.

– Убил репликанта их генерального менеджера, вспорол ему брюхо, чтобы показать им, что внутри.

– Наглядно, – согласился Майкл.

– У меня такое ощущение, будто эта штука надвигается быстрее, чем мы успеваем собрать свое сопротивление, – обеспокоенно сказала Карсон.

– Почему ты так говоришь?

– Слушай.

Она заглушила мотор грузовика. Тишина Рейнбоу-Фоллс казалась тишиной арктической станции в тысячах миль от любого человеческого жилья.

– Весомо, но не убедительно, – решил Девкалион. – Погода многих удерживает в домах. И любой слушающий KBOW будет укреплять свое жилище, чтобы лучше его защитить. Мы сказали им, что дороги из города заблокированы, так что попытки выехать будут глупостью.

Карсон покачала головой:

– Не знаю. Я не из тех, кто бросает дело. Мир устроен так, что либо ты надираешь задницы, либо умираешь, и я всегда выбираю первое. Однако надо быть реалистами. Множество людей уже погибло, еще больше скоро умрет. Я не хочу смотреть, как погибают дети. Те, которых мы могли бы спасти.

Майкл вспомнил об Арни и Скаут, оставшихся в Сан-Франциско. Подумал, не наступит ли день, когда они с Карсон, если выживут в Рейнбоу-Фоллс, окажутся на том самом западном побережье, откуда бежать уже будет некуда, за спиной море, а за ними погоня, состоящая из целого города репликантов.

– Мы уже собрали дюжину детей в этом доме, у Сэмплсов, – сказала Девкалиону Карсон. – Скоро их число увеличится. Только ты можешь вывести детей из города, этим своим способом, и отправить к Эрике.

Девкалион согласился:

– Стратегически разумно. Взрослые будут лучше сражаться, не отвлекаясь на беспокойство за судьбу оставшихся рядом детей.

– Можешь взять этот грузовик, чтобы перевезти их, – сказал Майкл. – Как только мы избавимся от мертвых репликантов в кузове.

Что-то привлекло внимание Девкалиона к ближайшему зданию. Карсон тоже это заметила и подняла дробовик.

Последовав их примеру, Майкл вдруг увидел Эддисона Хока, который вышел из крытого входа в офис «Газетт». Тот больше обычного походил на городского шерифа из старого вестерна Джимми Стюарта.

Карсон не опустила оружия. Газетчик был, очевидно, один в своем офисе. Возможно, настоящий Эддисон Хок сидел сейчас там, в темноте, с серебристой бусиной на левом виске.

– Я слышал радио, – сказал Хок. – Но не думал, что могу поверить в это.

– Поверьте, – отозвалась Карсон. – И остановитесь там на минутку.

– Я хочу оказать вам помощь, – сказал издатель. – Чем могу вам помочь? Такого просто нельзя допустить с городом, только не с этим городом, ни за что.

– Как мы можем быть в нем уверены? – спросила Карсон у Девкалиона.

– Ты имеешь в виду, кроме как выпотрошить и посмотреть, что внутри? Я не знаю. Но решать нужно быстро. И не только относительно него, но и всех, с кем мы отныне можем столкнуться.

Этой ночью Майкл впервые увидел снег. В Луизиане его не бывало, как и в Сан-Франциско. Он предполагал, что снег будет красив, и снег был красив. Не ожидал Майкл того, что снег будет тревожить, а снег тревожил. Миллионы кружащих снежинок, движение повсюду, так много, что ты уже не можешь доверять периферическому зрению и своему инстинкту и опознать нечто враждебное, пытающееся подобраться исподтишка. В безветренной темноте грациозное падение снежинок, все еще пушистых, хотя и немного более плотных, чем раньше, убаюкивало так же, как и волновало, сглаживало резкие очертания вещей, и красота этого зрелища бесконечно лгала о том, что мир – мягкое, нежное место без острых углов.

– Карсон, помнишь тех двоих, что пришли в ресторан за матерью Крисси Бенедетто? – спросил Майкл. – Какими они были?

Дениз Бенедетто, онемевшая, с поврежденным мозгом и серебряной бусиной на виске, каким-то образом сумела сбежать от своих ловцов. Два полицейских и один в гражданской одежде пришли за ней в ресторан, где обедали Карсон и Майкл.

– Они были наглыми, – сказала Карсон. – Высокомерными. Холодными ублюдками.

– Я прожил здесь всю жизнь, – с болью в голосе произнес Эддисон Хок. – За вычетом командировок. Тут мои родители. Моя тетя Бринна, она осталась совсем одна. Дядя Форрест и тетя Кэрри. Что, по-вашему, случится с ними? Что вы пытаетесь мне сказать?

– Высокомерные, холодные, – согласился Майкл. – И с почти что мертвыми глазами.

Карсон, чуть помедлив, опустила оружие.

– По-моему, иногда... остается лишь довериться и питать надежду.

Вначале казалось, что Ариэль поняла потребность Нэнси привести в порядок замусоренный пол сарая. Там была щетка, предназначенная именно для этой цели, и Нэнси усердно работала ею, начав от двери, через которую они вошли, и постепенно продвигаясь дальше, к складу. Она не собиралась убирать стойла – вычищать их от навоза, так точнее, – и чувствовала уверенность в своих силах противостоять этому искушению, пока не заглянет внутрь.

Лошади были генераторами беспорядка, повсюду разбрасывая свои яблоки и взбивая копытами мягкую подстилку на полах денников до тех пор, пока маленькие облачка пыли, смешанные с измельченной соломой и, скорее всего, навозом, не вылетали из-под дверей. Но, конечно, они были не грязнее других животных. Свиньи, коровы, куры и козы, собаки и кошки, птицы и рыбы, все они гадили, на земле, в море и в воздухе, гадили и мочились каждый день, каждый час, каждую минуту. Вся природа была грязным, необузданным хаосом, буйством растений, которые повсюду разбрасывали свои семена и споры, вырастали в немислимой путанице, оставляли свои плоды гнить на земле, росли, пока не падали и не сгнивали сами, а затем вновь вырастали из собственной отвратительной гнили. И все это в полнейшей неразберихе, несимметрично, сплошная мешанина, грязь, теснота, все живое было сумасшедшим домом, пандемониумом^[25] с самого начала времен. Кому-то следовало положить конец этому хаосу, и Коммуна была готова к работе.

Нэнси, *в частности*, была готова к работе, сметая разбросанные повсюду клочья сена в маленькие кучки, а затем соединяя маленькие кучки вместе, в большие. Если бы можно было смести в кучу и лошадей, она бы с удовольствием сделала это, лошадей и мышей. Здесь, в углах и щелях всего сарая, наверняка были дюжины трясущихся и гадящих грызунов.

Через одиннадцать минут и сорок одну секунду после начала подметания пола Нэнси Поттер осознала, что Ариэль кричит. И осознала, что девочка кричит уже давно, наверное, минуту или дольше. Изначально звук казался недостаточно важным, чтобы позволять ему отвлечь Нэнси от подметания, и она не зарегистрировала источник, это был лишь надоедливый фоновый шум. Неохотно, помедлив еще двадцать три секунды, она приостановила подметание и обернулась к девочке.

Ариэль яростно дрожала, крича. Не просто дрожала. Вибрировала.

Она была похожа на машину, в которой одновременно слетели несколько маховиков и теперь шатуны стучали, рычаги бились в коленвал, пересекающиеся волны сотрясений расшатывали швы, винты и болты до единого.

Лошади нервничали все сильнее. Кобылы визжали от страха. Жеребец начал бить задними ногами в стену сарая в дальней части своего денника. Его стойло не усиливали стальной панелью, потому что жеребца планировалось переделать первым, поэтому лишь кобылы, ставшие свидетельницами, могли прибегнуть к попытке выбраться из денников.

– Хорошо, Ариэль, хорошо, – сказала Нэнси. – Только дай мне закончить подметать. И я выведу сюда Командира, я подготовлю его, чтобы ты могла его разобрать и начать. Мне нужно несколько минут, я хочу закончить подметать, чтобы сделать все правильно, а потом я вымою щетку от мусора. Я не могу убрать метлу на место, пока она в обрывках сена и мышинном помете.

Крик Ариэль на миг усилился, после чего ее рот расширился настолько, что уголки губ растянулись до ушных раковин. Она подавилась, поперхнулась криком и выплеснула из себя густой поток серебристых наноживотных, с такой силой извергая свою суть, что сама она как будто сдувалась. Девочка проделала казавшийся невозможным кульбит, проваливаясь в себя, сворачиваясь, исчезая в хвосте выпущенного роя.

Взлетев в воздух в виде плотного облака шипяще-гудящих наноживотных, Ариэль начала буйствовать и словно рикошетом прошлась по помещению, ныряя вниз и взмывая вверх. Она проела дыру в крыше сарая, исчезла в ночи – только для того, чтобы появиться из другой дыры, нырнуть в земляной пол и проесть под ним тоннель. Рой вынырнул под левой ногой Нэнси, удивив ту, мгновенно поглотил ее ногу до середины и помчался прочь.

Культю прижгло действие наноживотных. Жизненно важные жидкости из нее не полились. И, поскольку Нэнси была членом Коммуны, а не обычным человеческим существом, она не чувствовала боли. Она осталась на ногах – на ноге, – так как смогла использовать щетку в качестве костыля.

Подобное развитие событий усложняло уборку оставшегося сена, и Нэнси не знала, как ей продолжать, чтобы уложиться в срок самым эффективным образом. К тому же теперь ей нужно было справиться и с дополнительной проблемой в виде двух дыр в полу и пятнадцатифутового провала, возникшего, когда проложенный Ариэль тоннель обвалился между точками ее входа и выхода.

Более того, Нэнси впервые заметила, что там, где она уже подмела

утоптаный земляной пол, жесткие прутья щетки оставили неглубокие царапины, прочерченные в разных направлениях. Она не сможет считать работу законченной, пока все следы метлы не будут расположены одинаково.

Лошади бесновались. Нэнси мрачно уставилась на них, но им, конечно, было все равно. Они были, как множество иных животных, ошибкой природы этого мира: так легко пугались, ужасались, паниковали, неслись не разбирая дороги, как, к примеру, испуганные стада копытных или стаи леммингов, безмозглые булькающие индюшки или как перевозбужденные фанаты на рок-н-рольных концертах, давящие друг друга в попытках пробраться поближе к сцене.

Рой в задней части сарая вел себя странно, вращался на месте, словно миниатюрный торнадо. Фоном жужжанию и шипению теперь служил другой звук, напоминающий скрежет стартера машины, которую хотят завести в очень холодное утро. Воронка облака все пыталась снова вернуться в форму девочки Ариэль, но, судя по всему, столкнулась с трудностями во время превращения.

Нэнси подумала, не может ли этот Строитель страдать чем-то вроде несварения. Ариэль была сотворена, чтобы использовать плоть, кровь, кости, хрящи, даже полупереваренную пищу в лошадях, а со временем и в других животных, чтобы создавать особые молекулы и строить из них новых Строителей своего вида. Ей не полагалось питаться частями крыши сарая или землей – либо, если уж на то пошло, ногами помощников, коммунитариев, которые не были Строителями и просто пытались эффективно привести в порядок пол сарая.

Воронка из роя наноживотных наконец собралась в подобие Ариэль, вот только эта Ариэль была низенькой и с двумя головами. Миг спустя она принялась яростно вибрировать.

Направляясь к начальной школе «Мериуитер Льюис», Салли Йорк вел свой черный «хаммер» точно так же, как управлял «Феррари-Тестаросса», с любовью к скорости и пижонству. Заснеженные улицы его не беспокоили, равно как и углы обочин, которые он иногда переезжал, разворачиваясь. Всякий раз, проезжая мимо телефонного столба, где висел политический плакат, не снятый по окончании последних выборов, Йорк салютовал ему грубым жестом и заявлял: «Брехня!»

Брюс Уокер, ехавший на переднем пассажирском сиденье, сменил пижаму, халат и тапочки на ту одежду Салли, которая ему подошла. В Мемориальный госпиталь он попал с подозрением на инфаркт, оказавшись *всего лишь* подозрением. А юный Тревис Ахерн лег в клинику, чтобы сделать тесты на определение причины трех сильных приступов анафилактического шока, которые, как выяснилось, были аллергической реакцией на нечто в питьевой воде, возможно, даже на хлор. Когда стало ясно, что персонал больницы является не тем, кем когда-то был, и что ни одному пациенту не позволят уйти, всех убивают в подвале, Брюс и Тревис сбежали вместе.

Мама Тревиса, диетолог и шеф-повар, работала на кухне школы «Мериуитер Льюис». Она не звонила ему весь день, она не пришла его навестить. А она была ответственной. Она любила его. Мама обязательно позвонила бы, не случись с ней какой-то беды. Сбежав из госпиталя, Брюс и мальчик отправились в дом Ахернов, располагавшийся в районе, известном как Низовья, но никого там не нашли.

Отец мальчика бросил жену и сына так много лет назад, что Тревис его совершенно не помнил. Их семья состояла только из матери и сына, и они были близки, они были вдвоем против мира. Он обожал ее.

Брюс знал, что, если Грейс погибла, потеря не сломает парнишку. Тревиса ничто никогда не сломает. Он был еще так мал, однако Брюс уже видел в нем силу. Тревис будет горевать сильно и долго, но не согнетса и не сломается, потому что он стойкий мальчик и его растила женщина с сильным характером.

Брюс молился, чтобы Грейс оказалась жива. Являясь вдовцом, он слишком много знал о горе. В ближайшем будущем этот город ждет великое горе, ежели хоть кто-то из них выживет, чтобы оплакать мертвых. Если Грейс где-то там, жива, он готов отдать ради ее спасения свою жизнь,

коль потребуется подобная жертва, потому что хотел избавить мальчика от долгой печали по причине такой потери.

Тревис, занимавший место на заднем сиденье, сказал:

– Если ее не окажется в школе, где мы будем искать потом?

Салли ответил:

– В сложном расследовании вроде этого, которое проводится во время вторжения враждебных сил с Луны, или откуда там эти твари, забегание наперед не окупится. Что бы ни случилось потом, оно точно не будет из разряда того, что мы можем предугадать, они же пришельцы, в конце-то концов, а значит, думают не так, как мы, и не так, как кучка тонкошеих профессоров из «Лиги плюща»^[26], специалистов по разрешению конфликтов. Так что играть в угадайку, пока она нас не выжмет досуха, будет отвратной тратой времени и сил. Мы станем мыслить позитивно и сделаем мир таким, каким хотим его видеть, то есть миром, где твоя мама в безопасности в «Мериуитер Льюис», где, возможно, травма немного задержала ее, ну а вообще, она просто прячется.

– Мне нравится то, что вы говорите, сэр, – ответил Тревис.

– Мне тоже нравится то, что я говорю. Знаешь этот вопрос, который всегда задают: если бы ты на год остался на необитаемом острове, какие три книги ты взял бы с собой? По правде говоря, мне было бы так интересно, что книги бы мне не понадобились. Даже рассказ не понадобился бы. Будь на том острове только я, моя память и мой язык, я бы подписался и на второй год.

– А вот и школа, – сказал Брюс.

Они проехали мимо, разглядывая здание. Все окна двухэтажной постройки были темными.

В конце квартала Салли повернул влево и направился к въезду на парковку, располагавшемуся через улицу.

Брюс заметил, что на въезде и выезде с парковки снег не тронут шинами. Второй въезд/выезд служил для параллельной улицы, располагался в дальнем конце школы, но Брюс подозревал, что и там снег окажется нетронутым. Все добрались домой до начала метели, а вечерняя смена уже заступила на работу.

Фонари парковки не горели, но Тревис сказал, что их никогда не включают на ночь, если только в школе не предполагается какого-нибудь мероприятия. Это была его школа, он учился в пятом классе, так что знал, о чем говорил.

Полдюжины школьных автобусов, засыпанных снегом, стояли в одном углу парковки. Салли загнал машину между двумя, чтобы «хаммер» нельзя

было заметить с улицы. Выключил фары и заглушил мотор.

– Тревис... это имя того, кто всегда готов, – сказал Салли. – Ты готов, в соответствии со своим именем, мальчик?

– Я не боюсь, – ответил Тревис.

– Лучше бойся. Страх часто помогает выжить.

– Я имел в виду, – промолвил Тревис, – не боюсь того, что мы можем найти. Она должна быть там, а если ее нет, она будет где-то в другом месте и в порядке.

– Клянусь всем святым, парень, – сказал Салли, – еще до завершения всего этого я уже могу сделать тебя почетным членом моего старого отряда Бешеных Отморозков.

Все трое зашагали по снегу к черному входу в школу. У Салли и Брюса были дробовики, у мальчика – Салли и Брюс.

Зайдя с тыльной стороны здания, Тревис выбрал из ряда остальных двойную дверь с надписью «Раздаточная». Он бывал здесь несколько раз по вечерам, с мамой, когда ей нужно было что-то подготовить для ланча на следующий день. Как он уже раньше говорил им, там оказалась сигнализация, но Тревис знал четырехзначный код, которым его мама выключала систему с клавиатуры за дверью. Единственной проблемой являлось то, что у него не было мамино ключа.

Салли дважды пнул двери в стык створок, надеясь сломать замок. Потом сказал:

– Лучше один раз хорошо пошуметь, чем сто раз сделать это вполсилы, – и вынес замок с помощью дробовика, после чего толкнул правую створку, которая, в отличие от левой, не крепилась защелкой к порогу.

– У нас есть минута, чтобы ввести код, пока не сработала сигнализация, – заявил Тревис.

Мальчик шагнул в приемную, куда регулярно доставлялись заказы для кухни, подошел к светящейся клавиатуре, набрал 4-4-7-3. Маленький красный индикатор стал зеленым.

Двери, лишившись замка и защелки, скорее всего, открылись бы от ветра.

Салли, скрепляя ручки дверей тросом, сказал:

– Мы достаточно далеко от ближайшего дома, да и мало кто может определить, откуда раздался выстрел. И все равно давайте поспешим.

Из приемной, подсвечивая путь тремя фонариками, они вошли в большой камерный холодильник. За ним располагалась кухня, в которой все было странно.

Разум Виктора Безупречного работает на полную мощь, не важно, сидит ли он неподвижно, как сердце камня, или прогуливается по миру без окон, принцем которого стал. Клонированный из ДНК настоящего Виктора Франкенштейна, он является Виктором Очищенным, Виктором Дистиллированным, Виктором в энной степени, а значит, самым великим разумом в истории.

Бункер огромен, как лабиринт, созданный спящим рассудком в качестве метафоры вечности. Стерильные белые коридоры с полированными серыми бетонными полами ветвятся вновь и вновь во всех направлениях. Просторные залы выходят в огромные лаборатории, за которыми бесчисленное множество комнат, и в некоторых из них находятся машины, пребывающие в процессе производства коммуитариев, в других возвышаются лабиринты суперкомпьютеров. Каждый лестничный колодец вполне оправдывает свое название, начинаясь гораздо ниже уровня земли и пронизывая этажи подземной постройки, будто слои грунта, чтобы спуститься ниже фундамента в вечную тьму подземного озера.

В цитадели, из которой ниспровергается цивилизация и уничтожается мир, поразительно тихо. Не считая мягкого шороха туфель на резиновой подошве, Виктор обычно передвигается бесшумно. Бункер, созданный с расчетом выдержать несколько прямых ядерных ударов и продолжить функционировать, не просто расположен глубоко под землей и укутан защитным кожухом из шестидесяти футов металла и стали; каждая стена, каждый пол сделан также из массива толстого, армированного сталью бетона. Мало какие звуки способны проникнуть из комнаты в комнату и с этажа на этаж, поэтому Виктор редко слышит что-то, помимо голоса собственных мыслей в одиннадцати измерениях раковины своего изощенного разума.

Здесь работают двести двадцать два репликанта ученых, изначально составлявших персонал бункера. Не нуждаясь в сне, они трудятся сутки напролет.

Виктор говорит лишь с несколькими, ключевым персоналом, и никогда не видит большинство остальных. Непосредственное общение отвлекает. Наиболее эффективно его разум работает в одиночестве, поскольку никто не сравнится с ним в интеллекте и прозорливости, не существует того, кто мог бы вдохновить Виктора на бóльшую гениальность, чем та, которой он

уже озарен. Главный компьютер отслеживает Виктора и всех остальных в Улье, а потому при его приближении машина прямыми сообщениями в мозг предупреждает репликантов о том, что нужно отступить в другие комнаты, пока он не пройдет.

Виктор не репликант, он клон, технически – такой же человек, как изначальный Виктор. Прямого сообщения мозга с компьютером у него нет. По всему бункеру, в стратегических точках, висят плазменные экраны, являющиеся частью системы коммуникации, и, когда он проходит мимо одного из них, экран светлеет, а затем издает мелодию из трех нот, чтобы привлечь его внимание. На экране разворачивается сообщение о том, что один из Строителей перестал транслировать свое местоположение в Рейнбоу-Фоллс. Это один из второго поколения, сделанный из переработанных тел нескольких полицейских, которых заманили в дом чифа Рафаэля Хармильо.

Подобный факт не означает, что Строитель был убит. Их невозможно убить. Они неуязвимы для болезней и повреждений.

Это также не свидетельствует о том, что данный Строитель сломался. Виктор не верит в возможность неверной работы Строителей, поскольку их дизайн совершенен, их график функционирования безупречен.

Он не сомневается, что причина в работе оборудования, принимающего сигналы телеметрии Строителя. Строитель все так же эффективно функционирует, разбирает людей и строит новых Строителей, до сих пор передает данные о своем местоположении. Но система отслеживания была типовым оборудованием, созданным не Виктором, и, следовательно, неидеальным. Это досадная, однако незначительная мелочь, букашка на пути боевой машины Коммуны.

Продолжая свою бесцельную прогулку, Виктор Безупречный наталкивается на трехногий столик, заранее выставленный для него. На столике стоит охлажденная бутылка воды. Рядом с водой – бледно-голубое блюдо. На блюде лежит белая капсула. Он зажимает капсулу между зубами, открывает бутылку, втягивает капсулу в рот и запивает двумя глотками воды.

Он идет и думает. Сквозь его разум проносятся потоки идей, теорий, планов, моделей сложных существ, собранных из уникальных молекул, создать которые Вселенная не в состоянии, но *он* может, если пожелает. Затем, как обычно, Виктор переходит в мультипоток мышления, одновременно следуя по нескольким совершенно разным линиям мыслей.

Когда он проходит еще один плазменный экран, тот оживает, издавая три ноты запроса его внимания, после чего информирует, что Строитель

первого поколения, отправленный в мир в виде Ариэль Поттер, перестал транслировать свои координаты. Это была все та же банальная проблема, новая погрешность трекинговой системы^[27], аргумент в пользу того, что никогда не стоит применять государственное оборудование, но, в конечном итоге, еще одна мошка на пути.

Как только он отвернулся от экрана, тот снова испустил три ноты. На сей раз сообщение касалось группы фургонов, эффективно собирающих зондированных людей для перевозки к центрам уничтожения и переработки Строителями. Три транспортных средства отстали от графика.

Два остановились не в пунктах назначения и оставались там продолжительные периоды времени. Это наверняка было результатом механической поломки, поскольку фургоны изобретал не Виктор и создавали их не в его заведении. Фургоны тоже являлись казенным оборудованием.

Третий грузовик был снова в пути, но двигался не в направлении любого из адресов, в которых его следовало ожидать. Объясняться это могло любой из заранее известных причин, для решения каждой из которых имелся свой план.

– Сверьтесь с основной программой стратегии и тактики, примените подходящий метод и продолжайте без задержек, – сказал он экрану.

Ощущая потребность в смене атмосферы для освежения взгляда и разума, Виктор спускается в лифте на множество этажей и выходит на одном из уровней, которые не требовалось занять для его проекта. Здание герметично, непроницаемо для воды и насекомых, снабжается лишенным микробов, идеально увлажненным воздухом через систему фильтрации с применением четырнадцати разных процессов очистки, поэтому нижние коридоры и комнаты не знакомы ни с пылью, ни с многоножками и пауками.

Стены здесь бледно-серые, полы белые, цветовая схема противоположна верхним уровням. Он не знает почему, и ему это неинтересно. Ему неинтересно все то, что создано талантом: декор, мода, искусство, литература, музыка, танец, ремесло. Любой талант является человеческим навыком. Виктор Безупречный презирает и высмеивает человечество, и всякий талант, доступный мужчинам и женщинам, лишь напоминает ему о том, что есть всего одна вещь, которую он ненавидит больше, чем людей.

На этом глубоком уровне стены свободны от плазменных экранов с тремя нотами оповещений; лишь верхние этажи модернизированы техническими средствами для его работы. В этих же помещениях нет не

только репликантов, но и оборудования и мебели. Термосенсоры отслеживают его присутствие и включают верхний свет по мере его продвижения; таким образом, он движется вперед всегда в направлении чернильной темноты, отступающей перед ним, словно сама тьма страшится его. Здесь у него есть возможность прогуливаться в истинном одиночестве и наслаждаться непрерывным потоком бесконечной гениальности своего постоянно загруженного мозга.

Его не беспокоит то, что он может пропустить сообщение о каком-либо кризисе, поскольку кризисы невозможны. Какая бы проблема ни возникла в подчинении Рейнбоу-Фоллс, масштаб ее будет ничтожен, а планов по ликвидации, гарантирующих победу Коммуны, окажется великое множество.

В течение многих веков Римские Папы заявляли о своей непогрешимости, пусть только в вопросах веры, но все же непогрешимости. Виктор Безупречный, Очищенный, Дистиллированный, Виктор в энной степени, непогрешим *во всем*. Война против этого городка в Монтане неизбежно станет продвигаться, пока все мужчины, женщины и дети до единого не будут уничтожены и превращены в армию новых Строителей, ударные войска Армагеддона.

Намми думал, поездка на снегоходе будет веселой. Он никогда раньше не ездил на снегоходе, но часто видел, как на них катаются другие люди, и решил, что это должно напоминать лучший из ярмарочных аттракционов.

Первым, что пошло не так, было его сиденье, но не то, чем он сидел, а то, на чем он сидел на снегоходе. Мистер Лисс вел, поэтому Намми должен был усесться сзади и держаться изо всех сил. На некоторых машинах два человека могли ехать очень удобно. Но у этой имелись седельные сумки, которые невозможно было снять, не применяя инструменты и не затрачивая времени, поэтому частично Намми примостился на сиденье, а в остальном – на седельных сумках, что было неудобно, особенно когда снегоход слетел с пригорка и запрыгал вниз.

Второй неприятной вещью оказался холод, потому что стало еще холодней из-за ветра, поднимаемого снегоходом и жалившего Намми в лицо там, где его не прикрывал шерстяной шарф, а кроме того, мороз почти сразу начал кусать его за уши даже сквозь спортивную шапочку, которую он на них натянул.

Это был район Намми, вдобавок он располагался на краю города, так что Намми знал здесь все поля, знал, где найти ручей, куда попадешь, если будешь идти по нему, а куда – если повернешь от него у Медвежьей Скалы. Мистер Лисс ничего тут не знал. Намми полагалось крепко держаться за куртку старика – которая не была его курткой, она была краденой, – и смотреть по обе стороны мистера Лисса, чтобы понимать, куда они едут. Потом, если мистеру Лиссу требовалось повернуть влево, Намми должен был потянуть за левую сторону куртки или за правую в случае поворота направо. Мистер Лисс сказал, что он будет пилотом, а Намми навигатором и что, если они заблудятся, он отрежет Намми пиписку тупым ножом, а потом подвесит ее на руле снегохода, для красоты.

А хуже всего было то, что при холоде и ветре, производимом ими, Намми не имел шлема, как мистер Лисс, так что холодный ветер жалил глаза, делал их мокрыми. И хотя фары освещали путь, Намми понял: ему сложно опознать, что и где находится в этой белизне и темноте. Когда его глаза слишком мокрели, заблудиться становилось так легко, что даже Намми запросто бы с этим справился.

А еще плохо было то, что мистер Лисс вел снегоход совсем не так хорошо, как вел машину. И того хуже – он, судя по всему, думал, что ведет

его лучше, чем на самом деле вел, потому что ехал опасно быстро. Или же он боялся, что шум мотора и свет фар привлечет к ним внимание чудовищ, так что хотел улизнуть подальше от города как можно быстрее. Намми слишком высоко подпрыгивал на седельных сумках, боясь, как бы таким образом не приземлиться мимо и настолько сильно, что одна из сумок просто застрянет у него в попе.

Вот так они и мчались в снегу и темноте, Намми резко тянул влево, хотя не был уверен, что влево будет правильно, мистер Лисс выкрикивал ругательства, которые Намми почти не слышал, и его радовало это, пока снегоход не достиг места, где земля менялась. Земля упала вниз футов, наверное, на три, и они полетели. Снегоход не был самолетом, так что далеко он не улетел, упал, а мистер Лисс, вероятно, и не газовал в полете, но звук был такой, словно газовал. Упали они так сильно, что оба свалились, а снегоход проскользил футов сто по полю, прежде чем замер, и падающий снег красиво заискрился в свете фары.

Намми первым встал на ноги, готовясь бежать в случае, если мистер Лисс достанет тупой нож из кармана куртки.

Возможно, снегоход сломался, и тогда это будет, наверное, даже хуже, чем заблудиться, но почти сразу же произошло что-то еще страшнее этого. Как только Намми поднялся с земли, над головой свистнуло нечто с сине-оранжевым огненным хвостом, а секундой позже снегоход сделал «Бум!» и на миг исчез в огненном шаре.

Даже мистер Лисс лишился дара речи от такого поворота событий, а несколько секунд спустя Намми услышал над головой урчание мотора. Он посмотрел вверх и увидел бледный силуэт самолета, не очень высоко скользящий сквозь метель, будто призрак, большой, но не настолько, как самолеты, в которых летали люди. Когда он пролетел над горящим снегоходом, огонь осветил его снизу, а потом крылатая машина пожуужала дальше в темноту.

Поднявшись на ноги возле Намми, глядя вслед самолету, которого уже не было видно, мистер Лисс сказал:

– Этот сукин сын был как один из тех дронов, которых посылают убивать сильно крутых террористов в Афганистане и других гадюшниках. Их называют хищниками. Вооружен ракетами. Навелся, наверное, на жар мотора. Не свались мы, и нас бы поджарило медведю на обед. Но какого черта Хищник летает здесь и взрывает снегоходы?

Намми не знал ответа, но не думал, что мистер Лисс обидится на него по этой причине. Мистер Лисс знал, что у Намми не ладится с ответами.

Чем больше старик думал над своим вопросом, тем злее становился.

– Никто не имеет права гонять нас, пытаться поджарить и раздалбывать ценный снегоход в щепки. Да-да, Персик, я знаю, это не моя машина, я украл эту чертову штуку у мертвеца, который мог захотеть поехать на ней на свои похороны, а теперь не сможет из-за меня и моей вороватости. Но у меня все равно есть полное право обидеться на такое наглое нападение. Я законный гражданин Соединенных Штатов, в конце-то концов, у меня есть права. Я не чертов террорист. И ты не террорист. Мы мирные бродяга и дурачок, которые пытаются спастись от монстров, а эти уроды взорвали нам транспортное средство.

Огонь был уже не такой яркий, как сначала, но он окружал весь развалившийся снегоход, и казалось, падающий снег тоже загорается, а миллионы искр летят вниз. Отражения огня метались и трепетали на белой земле, словно золотисто-алые крылья, будто ангелы спустились в эту ночь.

Мистер Лисс так сильно разозлился, что не мог даже закончить фразы. Все, что он начинал говорить, завершалось плевками и фырканьем, одна группа слов никак не вязалась с другой. Он станцевал дикий танец злости на опушке, он кружился, пинал снег, бил воздух старыми костлявыми кулаками, грозил ими небу.

Намми вспомнилась одна из сказок, которые бабушка читала ему давным-давно, о принцессе, прявшей золото из соломы, и о злобном маленьком человечке, научившем ее этому за то, что она согласилась отдать ему своего первенца. Намми не помнил имени принцессы, но маленький человечек был Румпельштильцхен, такое имя сложно забыть.

В этот момент мистер Лисс не был злобным. Он просто сердился, но выглядел совсем как тот человечек из сказки. Он говорил, что все это злит его так, что он плевать готов. Он говорил это вновь и вновь, и всякий раз, когда повторял, *действительно плевался*. Намми никак не мог понять такого поведения, потому просто стоял и ждал, когда мистер Лисс перегорит, а на это ему понадобилось не меньше, чем снегоходу.

Как только старик перестал бормотать, плевать и пинаться, Намми сказал:

- Мне очень-очень не хочется этого говорить, но я должен.
- Чего говорить? – спросил мистер Лисс.
- Мы заблудились. Я не знаю, где это место, тут все белое и темное, но я не виноват, потому что холодный ветер жег мне глаза и все расплывалось. Я не хочу, чтобы мне отрезали пиписку. Все равно украшать уже нечего.
- Расслабься, Персик. Я тебя в этом не виню.
- Не вините?
- Разве я не это только что сказал?

- Кажется, это.
- К тому же мы не заблудились.
- Не заблудились?

– Ты, как обычно, просто потрясающий собеседник. Нет, мы не заблудились. Мы проехали всего милю или около того, может, полторы. У меня есть фонарик, который я украл у мертвого Бозмана. – Он включил фонарик. – Нам достаточно шагать по следу снегохода, пока не вернемся к дому Боза, где, от души надеюсь, то чудище за пианино устало от своей похоронной музыки и вжарило рэгтайм.

Намми взглянул на луч фонарика, скользящий по следам снегохода, и сказал:

– То, что вы умный, нас только что спасло.

– Ну, *спасло* – слишком сильное слово, учитывая, что возвращаемся мы не куда-нибудь, а в деревню проклятых.

Они заковыляли по снегу бок о бок, вдоль следов, оставленных снегоходом, и спустя некоторое время Намми сказал:

– Я уже очень-очень давно не хотел быть умным, но теперь хочу.

– Не надо, – ответил мистер Лисс. – Быть умным не так уж и круто. Кроме того, как я уже говорил раньше, в мире полно умных, образованных людей, которые в десять раз тупее тебя.

У Намми из носа текло от холода, и то, что текло, замерзло на верхней губе. Он вытер там рукавом, но потом понял, что это отвратительно, и решил смириться с ледяной губой.

Еще через некоторое время он сказал:

– Интересно, каково жить там, где пальмы, в теплом месте.

– Довольно здорово. Я отвезу тебя в такое место, если мы переживем это.

– О, я не знаю. Тут похоронена бабушка, и вообще...

– Можем выкопать ее и забрать с собой, похоронить ее там, где круглый год солнце и цветочки.

– Я не знаю, разрешат ли нам такое.

– За деньги можно устроить что угодно.

– Я не буду знать как.

– Я буду.

– Да, вы точно будете.

После паузы мистер Лисс добавил:

– Повезло нам, что нет ветра, иначе следы замело бы раньше, чем мы нашли бы дорогу назад.

– Это вы тоже умно поняли.

– У меня мозг такой большой и до сих пор растет так быстро, что каждые пару лет приходится вскрывать мне череп и вынимать часть мозга, чтобы место еще осталось.

– Не думаю, что такое возможно, – сказал Намми.

– Однако оно возможно. У меня громадные счета за лечение.

Когда Карсон, Майкл и Эддисон вернулись в дом Сэмплсов с Девкалионом, Карсон знала, что Всадников и Всадниц придется долго убеждать отдать детей грозно выглядящему гиганту, половина лица которого разбита и татуирована, пусть даже вторая довольно красива.

Ему нужно будет продемонстрировать свою способность перемещаться на любые расстояния за один шаг. Он должен будет объяснить, что может перенести с собой что угодно, взятое в руки, включая других людей или – при немного иной технике – целую машину с людьми.

Но Карсон беспокоило, что подобная демонстрация окажет прямо противоположный желаемому эффект. Учитывая его внешность, пульсирующий время от времени свет в глазах, глубокий голос с неровным тембром, сильные руки, которые казались большими, словно лопаты, эти люди могли воспринять его как нечто демоническое и отказаться доверить ему своих драгоценных отпрысков, несмотря даже на то, что вне Рейнбоу-Фоллс им будет безопаснее.

Присутствие с ними Эддисона может сыграть им на руку. Его покойные дядя Норрис и тетя Тельма были прихожанами Всадников Небесных. Он сказал, что «Газетт» несколько раз писала о ежегодных собраниях церкви и ее благотворительности, всегда стараясь избегать в тексте того, что позволило бы предположить в их вере *живописность*, бóльшую, нежели в традиционных вариантах.

Карсон, как и Девкалион, не называвший фамилии Франкенштейн людям из KBOW, чтобы не доводить правдоподобность до точки кипения, старалась не упоминать его при этих людях. С помощью юного Фарли Сэмплса она переубедила их касательно теории об инопланетном вторжении, подведя к восприятию объяснения с нанотехнологиями и оставив поле для самостоятельной фантазии по поводу того, что злодеи являются частью какой-то тоталитарной партии в правительстве. Если Всадники и Всадницы не смогут поверить Девкалиону, у которого с ними, возможно, меньше общего, чем с машинами для убийства, атаковавшими их в клубе, ей придется наконец назвать имя Виктора и попробовать преодолеть скептицизм, полностью разъяснив им ситуацию.

Пока Карсон вела свою группу от входной двери в гостиную, пятеро мужчин заканчивали укреплять окна и готовить оружие, чем занялись еще до ее ухода. Девкалион вошел последним, за Майклом и Эддисоном,

откинул капюшон плаща и шагнул в дом. Пятеро прихожан подняли взгляды... и каждый застыл при виде этого человека, который в разные периоды своей долгой жизни зарабатывал в качестве циркового уroda на ярмарках.

Никто из Всадников не потянулся к оружию, лежащему под рукой, но Карсон ощутила в комнате напряжение, подскочившее, будто на барометре в ожидании грозы. У некоторых расширились глаза, у других сузились, но все они, похоже, как и опасалась Карсон, с первого взгляда пришли к определенному выводу относительно Девкалиона.

– Этот человек – наш друг, – сказала Карсон. – И друг Эддисона. Он наш общий ключ к победе и лучшая надежда на спасение детей.

Она еще не закончила представлять его, когда один из пяти Всадников вылетел из комнаты и загрохотал ногами по лестнице, поднимаясь на второй этаж, а другой нырнул в столовую.

Карсон начала было говорить о том, что их первое впечатление относительно Девкалиона ошибочно, но один из оставшихся троих Всадников поднял руку, останавливая ее:

– Мэм, лучше немного подождать, чтобы не пришлось повторяться.

За Долли Сэмплс, вытирающей руки полотенцем, из кухни и столовой вышли Всадницы в передниках. По лестнице прогремели поспешные тяжелые шаги, предвещая появление восьми или десяти Всадников, вошедших в гостиную через арку коридора.

Они сгрудились в дальнем конце комнаты, держась на некотором расстоянии от Девкалиона, лица у них были суровыми, а взгляды острыми, как разделочные ножи. Лорин Рудольф прикрывала рот рукой, словно сдерживая крик, другая женщина дрожала так сильно, что ей пришлось опереться на одну из подруг.

В числе ковбоев было несколько очень крупных мужчин, настолько, что даже бык на родео мог бы передумать вступать в бой с ними. Но ни один из них не мог сравниться с Девкалионом в росте и мышечной массе. Они переглядывались друг с другом, и Карсон подумала, что мужчины размышляют, сколько из них понадобится, чтобы справиться с гигантом.

Собравшихся ожидало новое потрясение, вызвавшее аханье и перешептыванье, и, когда Карсон взглянула на Девкалиона, она увидела странный свет, пульсирующий в его глазах. Мужчины встали прямее, чем миг назад, а еще две женщины с округлившимися от потрясения глазами вскинули руки ко ртам.

Карсон снова заговорила, хотя чувствовала, что это не тот момент, не ее, что говорить должен Девкалион. Между тем гигант совершенно не

проявлял желания вмешаться или объяснить что-то. Стоически принимая страх, который он мог произвольно внушать, Девкалион рассматривал тех, кто глазел на него, возможно, так же, как встречал взгляды зевак на ярмарках.

Сунув полотенце в карман передника, Долли Сэмплс медленно вышла вперед, и никто ее не одернул, хотя Карсон и показалось, что мужчины напряглись еще сильнее. Долли, при ее ста пятидесяти семи сантиметрах роста, пришлось задирать голову под весьма значительным углом, чтобы изучить лицо Девкалиона, теперь смотревшего на нее. Похоже, больше всего ее заинтересовала сложная татуировка, скрывавшая часть его лица, и Долли пыталась полностью осознать жуткий ущерб, нанесенный костной структуре.

– Ты мне снился, – сказала Долли то, чего Карсон никак от нее не ожидала. – Это был самый яркий сон за всю мою жизнь. Я видела его больше двух лет назад.

Долли назвала дату, и Карсон взглянула на Майкла, а он на нее: ночь, когда женщине приснился сон, была ночью смерти изначального Виктора Франкенштейна на свалке высокогорья к северу от озера Понтчартрейн.

– Мне снилось то, какой ты огромный, и снился плащ с капюшоном, который на тебе сейчас, – говорила Долли. – Твое красивое лицо, твое искаленное лицо, обе его половины именно такими, как теперь, и татуировка во всех ее деталях.

Карсон поняла, что женщины, поднявшие руки к губам, вовсе не сдерживали крик ужаса. Они скрывали эмоции совершенно иного порядка, и теперь в их глазах стояли слезы.

– Во сне я видела свет в твоем взоре и поначалу испугалась, но потом поняла, что бояться нечего. Я вспомнила Притчи, «светлый взгляд радует сердце», и поняла, что ты наш друг.

Когда Девкалион заговорил, его голос звучал глубже и резонировал сильнее, чем обычно:

– Что произошло в этом сне?

– Мы пришли к берегу моря, и вода была темной, бурной. С нами было очень много детей, наших детей и тех, кого я никогда раньше не видела. Мы бежали от чего-то, я не знаю от чего, но за нами гналась смерть. Мы были как израильтяне на берегу моря, и ты явился к нам ниоткуда, в единый миг оказавшись среди нас. Ты разделил море и велел детям следовать за собой, и они были спасены.

– Я не способен разделить море и создать сухой путь по нему, – сказал Девкалион. – Но я могу сделать нечто иное, я покажу вам, и тогда вы

решите, доверите ли мне своих детей.

– Я всем рассказала свой сон, – промолвила Долли. – Я знала, что он пророческий, настолько он был ярким. Я знала, что однажды ты появишься среди нас из ниоткуда.

Другие женщины двинулись через комнату к Девкалиону, и за ними последовали мужчины.

Долли сказала:

– Ты очень много страдал.

– И были времена, когда я причинял страдания, – признался он.

– Мы все причиняем их, так или иначе. Могу я прикоснуться к твоему лицу?

Он, кивнув, наклонился к ней.

Она подняла руку, вначале к нетронутой половине, прижав ладонь к его щеке, как могла бы сделать любящая мать. Затем ее пальцы осторожно прошли по контурам искаленной стороны, ужасного провала и вздувшихся шрамов.

– Ты красив, – сказала она. – Очень красив.

Вначале, когда три луча фонариков заскользили взад-вперед, выхватывая из темноты лишь части поблескивающих контуров и заставляя тени съеживаться и отступать, Брюс Уолкер не мог понять, что же это за штуки свисают с двенадцатифутового потолка школьной кухни. Большая часть была подвешена над кухонными столами и казалась огромной, масляной на вид и даже в некотором роде неприличной, но отдельные висели и в широких проходах.

Поверхность каждого из объектов имела грязные оттенки серого. Однако среди этой серости тут и там блестели серебристые кляксы и прожилки, напоминающие алмазную пыль.

Юный Тревис, будучи поклонником жанров совершенно иных и гораздо более мрачных, чем вестерны авторства Брюса, быстрее идентифицировал эти таинственные мешки:

– Коконь.

И, как будто слово спровоцировало ответ, из ближайшего к мальчику мешка раздался шуршащий шум. А затем существа, формирующиеся в других коконах, тоже забеспокоились, зазвучав хором шелестящих звуков, напоминающих скольжение бесчисленных змей, свившихся в клубок и шипящих на угрозу так, словно младшая школа «Мериуитер Льюис» была не школой, а бездонной ямой в сердцевине мира, где ждал их древнейший из змей, золотоглазый и вечно голодный.

– Замрите, – прошептал Салли Йорк.

Брюс и Тревис последовали совету бывалого искателя приключений, отчасти потому, что, несмотря на шум, внутри коконов, похоже, ничего не двигалось. Их поверхность не рябила и не надувалась, намекая на немедленное рождение.

Пока шелестящий шум постепенно стихал, Брюс смотрел на Тревиса, черты которого светились в луче фонарика, отражавшемся от блестящего мешка. Лицо мальчика – нахмуренные брови, отчаянные глаза, мрачно поджатые губы – отображало его мысли так же четко и ясно, как электронная читалка показывает страницу книги на экране. Иногда насекомые свивали коконы поверх себя и парализованной, но живой добычи, которой будут питаться во время метаморфозы. Поэтому Тревис сейчас размышлял, не спрятан ли в тех отвратительных мешках персонал кухни, incapable двигаться, но пребывающий в сознании, и его мама

тоже, в объятиях какой-то бледной насекомой твари, которая уже приступила к трапезе.

Брюс содрогнулся и отчаянно захотел оказаться в кресле с кружкой пряного кофе и книгой Луиса Л'Амора либо Элмера Келтона, в которых злодеи не бывали хуже наемного стрелка, нечистого на руку шерифа или грабителей почтовых карет.

Когда восстановилась тишина, Салли Йорк прошептал:

– Тихо и плавно... держимся вместе... осматриваемся.

Поскольку кухня находилась в задней части школы, свет в ее окнах с улицы никто не увидел бы. Салли, однако, не предложил его включить, и Брюс подумал, что он, наверное, боится потревожить яркостью обитателей коконов. Или, возможно, беспокоится, что люди, вероятно, услышавшие выстрел из дробовика в дверной замок, могли бы обойти здание и проверить, – точнее, сделали бы это вообще не люди. В молчаливом согласии они старались держать фонарики пониже и подальше от окон.

По всей большой школьной кухне виднелись признаки борьбы. Перевернутое оборудование, разбросанные кастрюли и сковородки, разбитая посуда. Кухонный персонал, очевидно, отбивался.

У сдвоенных духовок фонарик Брюса высветил отрезанную руку. Он почти отдернул луч из-за отвращения, но подсознательно отметил в этой руке нечто более шокирующее, чем сам факт ее существования. Ему понадобилась минута, чтобы осознать: вместо большого пальца руки кисть украшал большой палец ноги, но не прикрепленный к ней каким-то психопатическим шутником, а словно естественным образом растущий из плоти.

Этот день слетел с катушек еще много часов назад, и он уже не ожидал, что два плюс два всегда будет равняться четырем. И все же отрезанная рука означала резкий поворот к реальности еще более странной, нежели та, которую он исследовал с тех пор, как в больнице отдаленные крики ужаса и боли долетели из подвала в его ванную через систему отопления.

И теперь он понимал, что неуместный палец был не единственной странностью руки. В самой мясистой части ладони находился полусформированный нос: перегородка, кончик, одна ноздря, из которой торчали несколько волосков, и небольшая часть переносицы. Недоделанный нос был настолько детализированным, что Брюс почти рассчитывал увидеть, как волоски затрепещут от выдоха.

Он был слишком стар для этого. Ему уже исполнилось семьдесят два. Его жена Рената умерла полтора года назад, и с тех пор он стал неизмеримо

старше, стал древним, утомленным. Жизнь без нее лишала сил, как жизнь без пищи: то был лишь иной вид голодания. Найдя эту жуткую руку, он захотел вернуться домой, забраться в кровать, лечь на бок так, чтобы видеть стоящую на прикроватном столике фотографию Ренни, заснуть и предоставить возможность миру катиться до самого Ада, раз уж он туда катится.

Лишь одно не позволяло ему поддаться подобному курсу действий – или бездействий: Тревис Ахерн. Он считал, что увидел в этом мальчике кого-то, похожего на юного Брюса Уокера, каким сам был давным-давно. Он хотел, чтобы Тревис выжил, нашел собственную Ренату, определился со своим призванием в жизни и узнал, какое удовольствие приносит следование этому предназначению. Они с Ренни так и не смогли завести детей, но теперь, по иронии судьбы, он отвечал за мальчика.

Брюс так долго медлил над четырехпальцевой мутацией, что Тревис и Салли тоже ее заметили и встали рядом, рассматривая. Никто не говорил ни слова по поводу этой руки, но не потому, что шепот мог встревожить обитателей коконов, а потому, что не было слов, адекватных данному моменту.

В конце кухни, самом дальнем от точки их входа, находилась дверь, которую Тревис, часто бывавший здесь с мамой, обозначил как дверь в большую кладовую. Высокий и тяжелый стальной шкаф, раньше стоявший у стены напротив двери в кладовку, в процессе происходившей здесь борьбы оказался опрокинут и теперь служил большим железным упором, не позволяющим двери открыться.

– Мы должны посмотреть, – пробормотал Тревис. – Мы должны.

Брюс и Салли, отложив дробовики, вместе отодвинули шкаф к стене, где ему и положено было стоять. Его запертые дверцы не открылись, но Брюс слышал, как грохочет внутри разбитое содержимое.

Когда Тревис потянулся к нажимной ручке, Салли тихо попросил мальчика подождать, пока он не возьмет дробовик обеими руками.

Брюс держал оба фонарика, а Тревис в этот момент, заняв позицию в стороне от линии огня Салли, открыл дверь и толкнул ее. Два луча заиграли на полках дальней стены в глубокой кладовке, затем опустились вниз, к женщине, сидевшей на полу.

– Мама? – сказал Тревис.

Она смотрела на него, пребывая в шоке или полубморочном состоянии, ее глаза были светлыми от страха.

Брюс не знал, что за серебристая бусина блестит на ее виске, словно жидкая капля ртути, но подумал, что чем-то хорошим она быть не может.

В снегу на практически плоской крыше KBOW Сэмми Чакрабарти занял позицию ближе к фасаду здания, за трехфутовым парапетом. Между четырехфутовыми отрезками стены, опоясывающей всю крышу, были двухфутовые проемы, из которых защитник мог, находясь в относительной безопасности, стрелять в атакующих. Сэмми сидел правым боком к парапету, выгнув шею так, чтобы через один из проемов смотреть на восток, в сторону въезда на парковку, где плохие парни должны были выворачивать с улицы – если бы они приехали.

Сэмми немного утешался этим «если», хотя и знал, что не струсит в случае их появления.

Иногда холодные ночи в Рейнбоу-Фоллс не так уж плохи, мороз бодрит, и воздух в городе становится чистым, свежим, но у холода была и мрачная сторона: он означал, что в ночное время покажет острые зубы и нанесет особо ядовитые укусы, от которых у кое-кого онемееет нос. Сэмми сидел на пластиковом мусорном мешке, чтобы не промочить зад. И, в общем-то, ему было тепло, одежда соответствовала погоде.

Но он беспокоился за свои руки. На работу Сэмми носил простые вязаные перчатки, из тех, что не мешают вести машину, но не защищают от мороза. Чакрабарти боялся, что, если репликанты придут в большом количестве и атака окажется продолжительной, его руки очень замерзнут и не смогут управиться со штурмовой винтовкой и дробовиком.

Поэтому, вместо того чтобы сидеть с винтовкой наготове, он прислонил ее к парапету и сунул ладони во фланелевые карманы куртки.

Он рассчитывал, что репликанты воспользуются одной из двух стратегий: либо бесстрашная атака двери с попыткой взять студию штурмом и убить всех внутри, либо нападение на транслирующую вышку, находящуюся прямо за основным зданием и соединенную с ним.

Коль они контролируют энергостанцию, как утверждает Девкалион, то могут отключить весь квартал, но это не препятствовало бы боевому призыву Мэйсона Моррелла формировать сильное сопротивление революции. У станции имеются аварийные генераторы, расположенные внутри здания и запитанные от большого бензинового бака, вкопанного под парковкой, запас топлива позволял им оставаться в эфире как минимум двадцать четыре часа, а то и вдвое больше.

Трансляционная башня, собранная из стальных ферм^[28], была

надежной конструкцией, четыре ее опоры крепились к бетонным колоннам, уходящим в землю на глубину восемнадцать футов. Такое устройство гарантировало, что башня выстоит и в худшее из предсказываемых на тысячу лет вперед землетрясений, способное встряхнуть всю эту область в случае извержения Йеллоустоуна. Самым слабым звеном являлся кабель передачи, выходящий из задней части здания через кабель-канал. Башню можно было разрушить большим количеством взрывчатки, а драгоценному кабелю хватило бы и небольшого заряда. Сэмми будет стрелять в любую группу, которая попытается приблизиться к радиовышке, с полуавтоматическим «Бушмастером» он сумеет снять их задолго до приближения к цели, даже если те окажутся крепкими и для гарантии понадобится четыре-пять смертельных ранений.

Из домашнего бункера Ральфа, или что там у него было, привезли не только оружие, но и дополнительное оборудование, которое могло пригодиться, в том числе и четыре рации «Motorola Talkabout» размером с мобильные телефоны в полтора дюйма толщиной. Это позволило Ральфу, Барту, Мэйсону и Сэмми постоянно быть на связи. Свою рацию Сэмми держал в кармане куртки.

Прибор чирикнул, и, когда парень вытащил его из кармана, Барт Когборн спросил:

– Сэмми, ты там?

Сэмми, нажав кнопку передачи, ответил:

– На месте и готов действовать. – Затем отжал кнопку.

Барт со своего поста в приемной сказал:

– Если со мной что-то случится и ты заберешь Бобби, никогда и ни за что не давай ему кусняшек из сыромятной кожи. Он их обожает, но собаки слишком легко таким давятся. Прием.

Сэмми ответил:

– Никакой сыромятной кожи. Понял. Отбой.

Не успел Сэмми вернуть рацию в карман, как Барт сказал:

– Первый раз его нужно обязательно выводить утром, потом около одиннадцати и после того, как он поест в полчетвертого, а в четвертый раз – перед сном. Прием.

Сэмми собирался ответить, но Барт включился снова:

– Бобби писает четыре раза в день, однако редко четыре раза какает. Какает он обычно трижды в день, так что, если на одной из прогулок он не прокакается, не волнуйся. Это нормально. Прием.

Сэмми подождал, чтобы убедиться, что Барт закончил, а затем ответил:

– Четыре раза писает, три раза какает. Понял. Отбой.

Но Барт не закончил:

– На всякий случай, чтобы я знал, что ты понял, скажи мне еще раз, какой у него любимый кролик. Прием.

– Светло-зеленый, полностью плоский, а не тот, что с плоскими ушами, – ответил Сэмми. – Отбой.

Кто угодно, чья рация была настроена на этот же канал, мог услышать их разговоры. Прибор чирикнул снова, прежде чем Сэмми успел его спрятать, и Ральф Неттлс сказал:

– Хорошо, что ты не обещал забрать меня, Сэмми. С моей простатой писать надо каждые полчаса. Отбой.

Сэмми выждал подольше, прежде чем снова сунуть рацию в карман.

И, словно кто-то открыл двери в небо, сорвался ветер, разгоняя неподвижность. Снег как будто начал падать быстрее, хотя это могло просто показаться. Снежинки теперь не описывали спирали и не танцевали в воздухе, они мчались сквозь тьму яркими косыми росчерками на фоне парковочных фонарей. Воздух мгновенно стал холоднее, чем прежде, и Сэмми сжал в карманах кулаки, почти не защищенные перчатками.

Джоко облажается. Не знает когда. Не знает как. Но Джоко облажается, потому что он Джоко.

Он сидел на полу. Возле кофейного столика в гостиной. В одной из своих четырнадцати забавных шапок с бубенчиками. Не в хакерской шапке. А в шапке «пожалуйста-пусть-я-не-облажаюсь». Раньше она никогда не срабатывала. Но в этот раз просто должна. Просто обязана.

Эрика застыла с книгой в кресле у камина. Она улыбалась ему.

Джоко не улыбался. Он раньше был опухолью, а теперь чудовищем, и его улыбка ужасала. Он очень дорого заплатил за то, чтобы узнать, насколько она ужасает.

Эрика ее не боялась. Эрика любила его. Она была его мамой, приемной. Но его улыбка пугала всех остальных. Они кричали, или бросались камнями, или били его палками и ведрами, или совали в духовку и пытались испечь до смерти, или стреляли в него, или пробовали поджечь, или бросали его в загон с тремя большими голодными свиньями, или буквально швыряли его под автобус, а еще пытались задушить шарфом.

«Не улыбайся. Не улыбайся».

На полу с другой стороны столика сидела, поджав колени, его новая подруга, Крисси.

Джоко был на пару дюймов выше обычного карлика, ниже практически всех вокруг. Но не был ниже Крисси, которой исполнилось пять. Он был тут *большим* мальчиком. Статус. Впервые для Джоко. *Большой* мальчик. Ответственность положения давила на Джоко. Он боялся начать потеть.

На столике стояли две чашки и блюдца. Маленькая тарелка, на которой лежали четыре обычных бисквитных печенья и шесть кубиков сахара. Две ложки. Две красивых тканевых салфетки с вышитыми розами, которые Джоко с удовольствием сделал бы шапкой для воскресений. И чайник.

Крисси сказала:

– Как мило с вашей стороны приехать в гости, принцесса Джозефина.

Удивившись и зазвенев бубенчиками, Джоко огляделся. В поисках принцессы. Королевская особа. Он никогда раньше не встречал таких. Ему может понадобится новая забавная шляпа. И обувь тоже. Но в комнату никто не вошел.

Когда он недоуменно склонил голову в сторону Крисси, она

произнесла:

– А теперь ты должен сказать: «Как мило, что вы пригласили меня, принцесса Крисси».

Глубоко впечатленный, Джоко спросил:

– Ты принцесса?

– Я принцесса Монтаны. Мой папа – король.

– Ух ты, – сказал Джоко. И начал потеть. Совсем немного. В ушах.

– А ты, – промолвила принцесса Крисси, – теперь принцесса Джозефина из далекого королевства.

– Я Джоко.

– Но это чай с принцессами. «Принцесса Джоко» звучит глупо. Ты должен быть принцессой Джозефиной.

Джоко пошлепал раздвоенными губами, обдумывая услышанное.

– В смысле, ее заменой в последнюю минуту, потому что она не смогла приехать?

– Ну хорошо.

Джоко спросил:

– А почему настоящая принцесса Джозефина не смогла приехать?

Принцесса Крисси пожала плечами:

– Может, она встретила прекрасного принца и теперь они поженятся.

– А может, – сказал Джоко, – ужасный мор поразил королевство ее отца.

Принцесса Крисси нахмурилась:

– Что означает... вот эта штука, которую ты сказал?

– Ужасный мор. Чума. Ужасная, уродующая болезнь. Твой нос может отгнить и уши, как при проказе. Язык может стать черным и съежиться. Тысячи мертвых. Еще тысячи покрыты шрамами, сошли с ума и охромели на всю жизнь. Тела кучами свалены в канавы. Массовые захоронения. Катастрофа.

Крисси покачала головой:

– Нет. Это прекрасный принц. А теперь ты скажешь свои слова, чтобы мы могли продолжить?

Джоко хотелось с успехом провести это чаепитие, поэтому он снова пошлепал губами и опять подумал. Чтобы убедиться, что сделает именно то, чего она хочет. Чтобы полностью убедиться. Потом он сказал:

– Итак, мы можем продолжать.

Принцесса Крисси, глядя на него склонила голову, совсем так, как он наклонял голову раньше.

Эрика из своего кресла у камина театральным шепотом подсказала

Джоко:

– Как мило, что вы пригласили меня, принцесса Крисси.

О. Он почувствовал себя глупым. Глупым-глупым-глупым. Больше опухолью, нежели чудовищем, и не большой опухолью, а маленькой *кистой*. Типичный глупый Джоко. Он попытался изысканно исправиться:

– Как мило, что вы пригласили меня, принцесса Крисси.

– Не желаете ли чаю, принцесса Джозефина?

– Да. Да, я желаю чаю.

– Разве это не чудный чайник?

– Да. Он чудный. И чайник.

– Налить ли вам полную чашку?

– Да. Налить ли, – произнес Джоко.

Он начинал справляться. Это оказалось проще, чем он думал.

Принцесса Крисси сказала:

– У тебя из ушей что-то капает.

– Пот. Просто пот.

– А *мои* уши не потеют.

Джоко пожал плечами.

– Это талант.

– Это противно.

– Немножко противно, – признал он. – Но не воняет.

Наливая чай в чашечки, принцесса Крисси сказала:

– Принцесса Джозефина, чей портрет у вас на платье? Это рыцарь вашего королевства?

На Джоко не было платья. На нем были джинсы и футболка с длинными рукавами, с принтом его героя.

– Он единственный и неподражаемый Бастер Стилхаммер! Мордубьющий, зад-дерущий, стероиды-жрущий, до слез доводящий *лучший реслер всех времен!*

Принцесса Крисси сказала, что не знает, кто такой реслер, и что в ее королевском дворце реслеров не было, а принцесса Джозефина, то есть Джоко, с радостью поспешил объяснить. Он боролся с собой на полу. Брал себя в хаммерлок. Он мог это проделать благодаря длине своих рук. И дополнительному локтевому суставу. Он наступал себе правой ногой на лицо, прижимая свою раздавленную рожицу к полу. Волос у него не было, так что тянуть оказалось не за что. Кроме трех волосков на языке. Но он ни разу не видел таскания за волосы на языке, ни в одном шоу на «Ворлд Реслинг Интертейнмент». Он не мог подхватить себя и бросить. Он пытался. Но не выходило. Зато мог много чего другого из крутого

реслерского дела. И делал. А потом вернулся на свое место за столом.

Принцесса Крисси хихикала:

– Ты забавный.

От ее смеха Джокко почувствовал себя настоящим принцем. Или принцессой. Не важно.

Принцесса Крисси подняла свою чашку, подула в нее и сказала:

– Это я в самый-самый первый раз пью настоящий чай на чаепитии.

Его для нас заварила Эрика.

– А что ты обычно пьешь на чаепитии?

– Воздушный чай, – ответила принцесса Крисси.

Джокко осушил свою чашку одним глотком.

– Бе. Фу. Гха-а-а. Гха-а-а. Кхе. Фе. Фа. Фу. – Он высунул язык и яростно протер его обеими руками. Схватил красивую салфетку. Вытер рот изнутри. Прочистил нос. Промокнул пот из ушей. И сказал: – Не хотел тебя обидеть.

– Ты должен был положить туда сахар, – промолвила принцесса Крисси, показывая на четыре кубика, оставленные на тарелке.

Джокко схватил все четыре. Забросил их в рот. Покатал во рту. Лучше. Но слишком сладко. Он выплюнул их в свою чашку.

– Подожди, – сказал он, вскакивая на ноги и пируэтом вылетая из комнаты. По коридору. В кухню. Вокруг центрального стола. Ему нравилось крутиться. Когда он нервничал. Сжигал лишнюю энергию. Крутился, чтобы успокоиться. О, как звенели бубенчики на его шапке!

Когда он вернулся в гостиную, то принес серебряный поднос с двумя чистыми чашками. Двухлитровую бутылку холодной пепси. И тарелку вупи-паев^[29].

– Вот так пьют чай в моем королевстве, – сказал Джокко.

Он налил пепси в обе чашки. Ничего не пролил на стол. Не стал просто пить из бутылки. Выбросил четыре обычных бисквита в камин. Бросил вупи-пай, как фрисби^[30], и поймал, когда тот, обогнув комнату, бумерангом вернулся к нему. Ну просто Джордж Клуни.

Отставив чай, принцесса Крисси сказала:

– Здорово.

– Очень здорово, – согласился он.

– Принцесса Джозефина, расскажите мне новости вашего королевства.

Джокко, собравшийся было забросить в рот целый вупи-пай, отложил его на тарелку. Он был всего лишь заменой Джозефины. Он ничего не знал о ее королевстве. Возможно, стоит соврать. Но врать было плохо. Он часто

врал. Но это было плохо. А он хотел стать хорошим Джоко.

Принцесса Крисси сказала:

- Расскажите мне о своих драконах.
- Драконов не бывает.
- А как насчет ведьм?
- Не-а. И ведьм нет.
- Расскажите мне о ваших волшебниках.
- И волшебников не существует.

Он видел, что она им недовольна. Он был плохим собеседником.

Плохим. Жалким. Мерзким. Ужасным.

Думай. Думай. Спасай момент. Переложи бремя разговора на нее.

- Ваш отец, король Монтаны. Сколько голов он отрубил?
- Глупый. Он не отрубает головы.
- Некоторые короли так делают, – сказал Джоко.
- Нет, не делают.
- Некоторые. И пытаются людей в темницах.
- Нет, не делают.
- И вырывают тебе ногти.
- Да что с тобой не так? – спросила принцесса Крисси.
- Джоко просто говорит. Как в книгах по истории. Они клеймят тебя

раскаленным железом и прокалывают иглами язык.

- У тебя желтые глаза, – заметила принцесса Крисси.

Уже уверенней держась за свой конец разговора, радуясь тому, что его социальные навыки улучшаются так быстро, Джоко сказал:

– Они кладут тебя на такую штуку, которая называется дыба, и растягивают тело, пока все суставы не разлетятся.

- У тебя страшные глаза, – заметила принцесса Крисси.

Эрика из своего кресла у камина сказала:

- А ты знаешь, что у некоторых ангелов желтые, золотые глаза?
- Правда? – одновременно спросили Крисси и Джоко.
- А ты знаешь, что ангелы умеют бороться, потому что всегда борются

с дьяволами?

- А Бастер Стилхаммер – ангел? – спросила принцесса Крисси.
- Он слишком крутой, чтобы быть ангелом, – решил Джоко.

Снаружи раздался нарастающий рев мотора, словно на подъездную дорожку к дому выехал грузовик.

Отложив книгу и поднявшись с кресла, Эрика сказала:

– Давайте вы поговорите об ангелах, только об ангелах, пока я посмотрю, кто там.

– Там, наверное, не ангелы, – промолвила Крисси. – Ангелы летают, им не нужны грузовики.

– Вот именно поэтому я держу под рукой дробовик, милая, – сказала Эрика.

В интересах эффективности каждый коммунитарий должен был адаптироваться к неудачам, какими бы они ни были. Испытывая срочную потребность закончить упорядочивание бардачного сарая и таким образом внести свой вклад в уничтожение человечества, Нэнси Поттер использовала щетку как костыль и поковыляла к камерке в конце помещения.

В самом углу этой узкой маленькой комнаты стоял компактный стол, за которым когда-то настоящий мэр Эрскин Поттер сидел, ведя записи о затратах на содержание лошадей, и вел заметки касательно визитов и рекомендаций ветеринара. У стола стоял старый деревянный офисный стул на колесиках.

Нэнси отломала спинку стула, превратив его в табуретку на колесах. При помощи большого мотка липкой ленты для копыт она привязала запекшуюся культю левой ноги к стулу, что было нелегкой задачей, но ради Коммуны она с ней справилась. Шагая правой ногой и подтягивая культю на стуле, Нэнси выбралась из камерки в главную часть сарая.

Остановилась над останками Ариэль, размышляя, есть ли в данном случае вариант действий. Останки больше не выглядели Строителем. Они напоминали большую, почти гладкую глыбу известняка, в которой кто-то вырезал лица. Три разных лица в разных местах, немного напоминающие Ариэль, но искаженные. Нэнси повернула щетку в руках и постучала концом ручки по тому, что раньше было Ариэль: останки и звучали словно камень. Она не видела ничего более срочного, чем подметание и подметание сарая до тех пор, пока все следы прутьев на земле не станут упорядоченными, а не хаотичными.

Взявшись за работу, Нэнси поняла, что в сарай падают снежинки, пролетая две дыры в крыше, оставленные Ариэль-роем. Здание отапливалось, поэтому большая часть снежинок таяла, испаряясь на лету. Но те немногие, что долетали до пола, становились влажными точками, которые вскоре высохнут.

Щетка свистела и свистела, колесики стула попискивали, сиденье скрипело. Легкий ветерок шелестел по крыше и в оставленных в ней дырах.

Лошади снова успокоились. Командир так и не смог, даже на пике ужаса, пробить дыру в стене денника. Квинни и Валентина время от

времени ржали. Жеребец несколько раз фыркнул.

Полностью погрузившись в правильное расположение отметок на полу, репликант Нэнси редко поднимала взгляд от своей сложной задачи. Но всякий раз, когда поднимала, обнаруживала, что лошади держат головы поверх дверей своих денников, наблюдая за ней, иногда жуя пучок сена, иногда просто глядя на нее.

Они были такими глупыми. Как и все в природе: очень глупыми, плохо продуманными, с потребностью в излишке ресурсов, все время гадящими, постоянно мочащимися. Настолько бестолковыми, что будут просто стоять и смотреть час за часом, как она подметает, просто стоять и смотреть, из-за своей глупости не в силах понять, что она работает ради полного уничтожения всей живой природы, поддерживающей их.

Лошади были настолько глупы, что Нэнси хотелось смеяться над ними, но она не могла. В теории она вполне понимала психологические и эмоциональные причины смеха, но смех был свойством людей, еще одним индикатором недостатка серьезности и того, как легко они отвлекались. Коммунитарии могли имитировать смех, чтобы притвориться людьми, которых они заменили, однако смех никогда не отвлекал их от исполнения своего долга, от смертоносного крестового похода. Со смехом или без, люди были невнимательными, безголовыми, ничего не понимающими придурками, ничуть не лучше лошадей.

Длительное время она имитировала смех, усердно в нем практиковалась, чтобы быть убедительной в случае, если в определенный момент ей понадобится притвориться веселым и беспечным человеком. И раздавались только свист щетки, скрип колес и сиденья кресла, шепот и шорох ветра, а еще ее смех, и летели снежинки, исчезающие на полпути, и были наблюдающие лошади, глупые лошади, которых так легко развлечь.

Эддисон Хок, любитель истории вкупе с традициями, никогда не боялся перемен. Периодически он с подозрением относился к их причинам, часто не верил в их ценность, но не боялся. До нынешнего дня. Копии людей, создаваемые в лабораториях, наноживотные, мгновенно пожирающие своих врагов... Это ужасное видео, снятое одним из Всадников, похоже, поддерживало страх того, что, если конец человечества не начался в Рейнбоу-Фоллс, если эту войну еще можно выиграть, победа будет недолгой и конец света развернется где-то в другом месте, и начнет его новое поколение этих созданий или нечто в равной мере постчеловеческое, но только хуже.

Он не знал, как относиться к Девкалиону. С ним поделились фамилией Франкенштейна, которую пока не сообщали ни людям в доме Сэмплсов, ни работникам KBOW. Будучи издателем и редактором, Эддисон Хок жил информацией, он работал с ней, однако впервые столкнулся с опасностью информационной перегрузки.

Когда Эддисон услышал, что дюжину младших детей Всадников – возрастом от четырех до одиннадцати – забирают в дом Эрики, то понял, что речь идет о красивой хладнокровной женщине, с которой чуть раньше столкнулся у булочной Джима Джеймса. Он не знал никакой другой Эрики в Рейнбоу-Фоллс. Поэтому вызвался отправиться с Девкалионом, чтобы остаться с Эрикой, помочь ей с этими детьми и теми, кого привезут позже.

Детей усадили на скамейках в задней части фургона, Эддисон ехал в кабине с Девкалионом. Ему дали понять, что гигант знает короткий путь, способ объехать оцепление на дорогах, но этот вид перемещения – телепортация – был таким же беспрецедентным, как и все, что произошло сегодня днем. Ведя машину по подъездной дорожке Сэмплсов в сторону улицы, Девкалион сказал что-то о стреле времени, непрерывной на квантовом уровне, о том, что каждый миг содержит одновременно все прошлое и все будущее. А потом они, повернув влево, на улицу, в ту же секунду очутились на подъездном пути к дому Эрики, в четырех милях к северу от города, и припарковались у крыльца ее особняка.

Явно осознавая, что Эддисон шокирован до полного ступора, Девкалион сказал:

– Вселенная началась с невыразимо плотной точки материи, которая была мыслью – концепцией – в той же мере, что и материей. После

Большого взрыва, расширения во всех направлениях на протяжении миллиардов лет точка материи стала Вселенной, известной нам. Но на фундаментальном уровне, поскольку она все время присутствует в полном объеме в любой отдельно взятый момент, Вселенная все еще является той самой плотной точкой, равно как и всем тем, чем успела стать за период расширения. Поэтому, будучи огромной, Вселенная одновременно и мала, а все места прошлой точки являются одним и тем же местом. Дом Сэмплов находится на расстоянии шага от дома Эрики, который в шаге от Гонконга, в шаге от Марса. Достаточно только знать, как жить в реальности Вселенной в обоих состояниях ее существования.

Эддисон был человеком текста и слова, но в этот миг лишился дара речи. Затем сказал:

– Я выведу детей из фургона.

Эрика ждала их на крыльце.

Когда Эддисон последовал туда с ребятишками, она, похоже, удивилась – и, как ему показалось, была рада – его появлению.

Холодный ветер сушил губы, щипал за щеки, между тем Эрика все равно задержала детей Всадников на крыльце, старательно объясняя им, что в доме они встретят еще одну маленькую девочку, такую же, как и сами, но, кроме того, очень особенного маленького мальчика. Этот чудесный маленький мальчик, сказала она, пережил много страданий, в основном потому, что отличался от других детей. Она сказала, что он очень стесняется своей внешности, что его чувства легко задеть и что он всегда хотел иметь друзей и быть для кого-то другом. Ей известно, что все дети Всадников знают об Иисусе, и она напомнила им о том, что Иисус ценил доброту, а не внешность. Он ценил доброту даже больше хорошей поездки на славной лошади. Эрика сказала, что как только они узнают этого особенного маленького мальчика, то полюбят его. Но заметила также, что, если он вдруг покажется им очень страшным после того, как они его узнают, это случится лишь потому, что он улыбнулся. У него очень неудачная улыбка. Он попытается не улыбаться, ведь не желает пугать людей, однако иногда он просто не в силах сдерживаться. Так что, если вдруг покажется, будто он хочет проглотить всех заживо, не нужно пугаться, он всего лишь так улыбается.

Дети очень обрадовались возможности познакомиться со столь чудесным маленьким мальчиком и делились предвкушением друг с другом, а вот Эддисон был вовсе не уверен, что тоже будет рад знакомству.

Люди, созданные в лабораториях, ненасытные насекомые, Франкенштейн и его двухсотлетнее создание, телепортация или нечто

похожее на нее. Слишком много чудес для одного вечера.

Эрика улыбнулась ему, ожидая, пока дети снимут свои облепленные снегом ботинки, и он решил принять ее приглашение. Она позвала всех внутрь, через фойе, через арку, в гостиную, где прелестная маленькая девочка стояла рядом с тем особым мальчиком, которого, по всей видимости, Иисус желал бы видеть всеми любимым. Мальчик оказался неизмеримо более «особенным», чем ожидал Эддисон Хок, и если слово «мальчик» вообще было к этому применимо, то словари Эддисона так безнадежно устарели, что их следовало просто-напросто сжечь за ненужностью.

* * *

Никто из детей не закричал. Это удивило Джоко. Все они ахнули. Но и только. Ах. Никто не бросился искать ведро. Или палку. Или духовку, чтобы его испечь. Некоторые ахнули дважды, некоторые улыбнулись, хотя и странной улыбкой. Никого не стошнило. Глаза у них были очень большими, но не такими огромными, как у Джоко. Все они казались удивленными, да и только.

В первый миг Джоко не понял. Потом понял. Они не интересовались им. С чего бы? Дети просто с первого взгляда узнали особу королевской крови.

Одной рукой указывая на хозяйку чайного приема, Джоко сказал:

– Для меня величайшая честь представить вам ее королевское высочество, принцессу Крисси, дочь короля Монтаны.

Слушая Грейс Ахерн, Салли Йорк хотел стать героем криминального чтива, как часто бывало с ним раньше, в лучшие моменты его насыщенной жизни. Его натура формировалась под влиянием подростковых приключенческих романов, которые Салли начал читать с восьми лет. Он проглатывал их сотнями. В юности подсознательно стилизовал себя под отважных персонажей этих книг, а когда понял, что делает, решил: гораздо веселее будет *сознательно* стилизовать себя под них. Он знал, что некоторые люди терпеть его не могут. Но был знаком с как минимум тысячей тех, кто подражал Холдену Коулфилду из «Над пропастью во ржи» и при этом представлял собой те самые самодовольные пустышки, которых якобы презирали. Поэтому Салли пришел к выводу, что сам он справляется вполне неплохо. Теперь же, когда Грейс Ахерн рассказывала свою историю, Салли Йорк среагировал в лучших литературных традициях: он почувствовал, что его кровь кипит от ярости, сердце трепещет в предвкушении приключений, селезенка вздувается от праведного гнева, позвоночник выпрямляется от храбрости, желудок сводит от доброй доли здорового страха, того, что не слабит кишки.

Грейс, чертовски привлекательная женщина, стояла в шаге от кладовой и отчаянно цеплялась за Тревиса, проявившего себя как галантный мальчик. Они хотели выбраться из кухни, подальше от коконов, но женщина отказалась, настояв на том, что им следует сперва понять, а потом уже действовать.

Такая демонстрация силы духа и быстроты реакции делали ее еще более привлекательной. Даже с резкими, искажающими черты тенями от косых лучей фонариков она выглядела так, что сердце сжималось, и он знал: в *любом* другом освещении она будет еще красивее. Салли заметил, что наблюдает за Брюсом Уолкером почти так же внимательно, как за этой чудесной женщиной, пытаясь определить, так ли точно она подействовала на писателя. Впрочем, не важно, очаровала ли Грейс Ахерн их обоих, поскольку оба они слишком стары для нее и было бы глупо считать иначе. Конечно, в семье Салли *были* мужчины, перевалившие отметку в сотню лет и оставшиеся при этом в хорошей физической форме, активными и с ясным умом. Некоторые работали и после столетнего юбилея. Но это не важно. Потому что они оба слишком стары, чтобы очаровать ее так же, как она очаровала их, и все, *точка*.

Вчера вечером, рассказывала Грейс, кулинарная и санитарная смены, закончив ланч, убрали кухню и кафетерий, и вдруг на них напали полицейские, директор, помощник директора, школьная медсестра, а также другие люди, с которыми они работали долгие годы. Их скрутили, прижали к вискам похожие на пистолеты из нержавеющей стали устройства, говорила Грейс, рассказав и о том, как нападающие затем спускали курки.

Другие мгновенно стали послушными, все осознающими, но неспособными сопротивляться, они могли контролировать лишь свои глаза. Видя, что коллеги стоят, словно зомби в ожидании вуду-мастера, который отдал бы им приказ, Грейс доказала – скорость ее мышления и сталь нервов ничуть не уступают ее чертовской красоте. Контролирующий зонд – если это можно было так назвать – не оказал на нее того действия, что на остальных. Острая мучительная вспышка, а затем долгая тупая головная боль. Возможно, он скользнул по черепу, вошел в кость и не добрался до мозга. Или – более пугающая мысль, пусть речь и шла всего лишь о тонкой игле, – он все же пронзил мозг, но не начал функционировать. В любом случае она имитировала то же послушание, что демонстрировали остальные. Она стояла среди них, но ожидала возможности сбежать.

Директор, помощник директора и другие действовавшие сообща работники ушли, оставив для охраны беспомощных зомби лишь двоих полицейских. Вскоре на кухню зашли невероятно красивая молодая женщина и столь же красивый молодой мужчина: они были настолько идеальны, что выглядели неземными, явившимися из высшей реальности. Двигались как танцоры, словно парили над полом. Когда заговорили, их голоса напомнили жертвам ангельское сладкозвучие. Каждый из них сказал только одну фразу: «Я ваш Строитель». Началась переработка. И стоило одному из Строителей пробурить насквозь сразу двух человек, как из впитанной им материи он свил первый кокон.

Если бы Грейс попыталась сбежать в тот момент, ее наверняка догнали бы и поймали. Но женщину парализовало от ужаса до тех пор, пока одинокий водитель грузовика, вне графика доставивший продукты, не вошел в кухню через разгрузочную и холодильник. Он не слишком понял смысл того, что увидел, однако смерть на кухне была очевидна вне зависимости от таинственных способов убийства. Доставщик побежал, полицейские погнались за ним в приемную, оставив стоящих зомби на попечении занятых Строителей.

Грейс не могла сбежать на парковку, ведь копы наверняка скрутили бы ее там точно так же, как и доставщика. Она понимала, что если побежит в другие части школы, то рано или поздно столкнется с коллегами, которые

участвовали в нападении на кухонный персонал и уборщиков. Она лишь надеялась спрятаться до тех пор, пока Строители, чем бы они ни являлись, не закончили бы свою ужасную работу, в чем бы она ни заключалась.

Кладовая была единственным местом кухни, где Грейс могла быстро затаиться. Строители теперь не люди, они превратились в хищные субстанции, сосредоточенные только на уничтожении.

– Но затем, – сказала она, все еще цепляясь за Тревиса, с которым они по-прежнему поддерживали друг друга, – то ли доставщик вернулся с подкреплением, обнаруженным на парковке, то ли неожиданно появились другие люди. Я не знаю. Однако в кухне началась борьба, я слышала ее из-за двери кладовой, крики и грохот. Потом шкаф упал на дверь, заблокировав меня... и довольно скоро все стихло.

Тревис сказал:

– Мам, нужно отвести тебя к доктору.

– Нет, милый. Врачам этого города я не доверяю точно так же, как и полиции.

– Но что, если у тебя кровотечение... там, в голове?

– С ним я не дожила бы до этого момента. А сейчас нам нужно только одно: сжечь эти коконы, что бы в них ни было, сжечь все.

Господи, Салли пленила ее отвага. Она была по-настоящему храброй. Ему нравилась ее лихость. Он подумал, умеет ли она стрелять. Если нет, он знал, что ее можно научить, а после нынешней заварушки она сама захочет учиться. И боевые искусства не помешают. Метательные звездочки и болас^[31]. Судя по ее рукам и плечам, она справилась бы с арбалетом.

Брюс Уолкер сказал Грейс:

– При таком объеме работы у вас должно быть масло в пятигаллоновых канистрах. Можем налить его под коконами. Рядом газовые духовки. Но, думаю, нам понадобится нечто более горючее, чем простое подсолнечное масло, чтобы провести пламя от духовок по полу и добиться нужной нам вспышки. Вы, полагаю, используете топливо «Sterno» или нечто похожее для подогрева тарелок в кафетерии. Именно такие жестянки из-под него и подошли бы.

Глядя на Брюса с прищуром, Салли подумал: *«Ах, так вот оно что, скользкий ты шелкопер. Ну ничего, не думай, что Салли Йорк настолько просто откажется от такого приза».*

А вслух сказал:

– Поставьте жестянки на пол и налейте на них растительное масло. Но не стоит находиться в комнате и лить эту штуку в открытое пламя духовки. Вас зацепит вспышкой. Я могу сделать коктейль Молотова из «Sterno» и

обычного моющего средства, бросить его от двери и выбраться раньше, чем он разобьется и подожжет масло.

– Давайте так и сделаем, – согласилась Грейс. – Сожжем эту мерзость. А потом выясним, где еще свиты коконы, отыщем все, что сможем, и выжжем, как гнезда шелкопряда с зараженных деревьев, отправим их обратно в ад, из которого они вылезли.

Господь свидетель, она была готова. Она знала, как настоять на своем, и знала, на чем стоит. Салли никогда еще не видел такой отваги в столь привлекательной упаковке.

Джоко в кабинете с большим парнем. С чудовищем из чудовищ! Легендой! Большой парень сидит на кресле Джоко за столом! Джоко стоит рядом с ним, не просто бывшая опухоль с синдромом гиперактивности, не просто бестолочь без задницы и с лягушачьими ногами, слишком большими для любой обуви, а самый настоящий *брат по оружию*! Это лучше всего на свете. Даже лучше, чем есть мыло.

Джоко пытался показать Девкалиону распечатки. Украденные секреты. Смрадерствованные данные. Сворованные, спиращенные, похищенные Джоко Офигенным, кибер-ковбоем, разбойником с большой сети! Но он уронил их. Поднял, перемешал, разложил по порядку. Снова уронил. Когда Джоко начал кричать на страницы, словно они были живыми и специально ему противились, Девкалион предложил: *он сам* подержит страницы, сам их просмотрит и задаст вопросы, если таковые появятся.

И теперь Джоко стоял наготове. Ждал вопросов. О «Движении к Идеальному Миру». Стоял наготове. Ну, не совсем стоял. Пританцовывал на месте. Иногда кружился, но только по пять или шесть пируэтов за раз. Танцевал латину. Хлопал руками по бокам. Издавал раздвоенными губами шум пропеллера. Звенел бубенцами на шапке. Как на Рождество.

А еще он ощущал потребность говорить. И сказал:

– Джоко все закончил примерно час назад. Выбрал, вырвал и сложил. А потом Джоко был принцессой Джозефиной. Не настоящей. Заменой. Не надевал платье, ничего такого. Заменой для чаепития. С принцессой Крисси. Ее папа, я не знаю. Может, он рубит головы. Может, не рубит. Джоко потел из ушей. В остальном хорошо справился. Джоко ненавидит чай. Чай противный. Вупи-паи вкусные. Вкуснее жуков. Которых Джоко ел раньше. Когда жил в канализации. Гораздо вкуснее. В канализации нет вупи-паев. Джоко нравятся «Маленькие женщины», фильм. У Джоко есть все версии. Бедняжка Бет. Она всегда умирает, в каждой версии. Это просто убивает Джоко. Джоко плачет. И не стыдно. Это хорошие слезы. Но они должны снять ремейк «Маленьких женщин». Дать Бет выжить. Джоко смотрел бы его тысячу раз. Только если играть Бет будет не Джонни Депп. Ты знаешь Джонни Деппа? Наверное, нет. Разные социальные круги. Раньше Джоко боялся Джастина Бибера. До сих пор немножко боится. Но потом увидел Деппа. У тебя есть аллергии? У Джоко есть. Малина. Лицо опухает. Много соплей. Ну, не соплей. Хуже соплей. Не знаю чего. Анализ

не делали. Отвратительно. Джокко может быть отвратительным. Но не специально. Тебе нравится кружиться? Джокко нравится кружиться.

Большой парень сказал:

– Ты замечательно справился.

Джокко чуть не умер от радости.

– «Движение к Идеальному Миру». Этот Виктор Лебен, без сомнения, клон нашего Виктора. Я был на складе, который, как ты выяснил, принадлежит им. Но он находится не там. Там центр для ликвидации людей, замененных репликантами. Разве ты не нашел ничего, что указывало бы на собственность «Движения к Идеальному Миру» неподалеку от Шоссе конца света?

Джокко покачал головой. Уверенно. Гордясь своей предусмотрительностью.

– Нечего находить. Джокко выщелкал из данных все кукурузинки. Поджарил, помаслил, посолил и съел. Очистил сетевую луковицу до последнего слоя. Съел банан до кожицы. Резал, крошил, шинковал, дробил, разминал – и ты видишь все, что добыл. Джокко готов поставить на это собственную жизнь. Джокко убьет себя, если пропустил что-то. Жестоко себя убьет. Дико. Убьет и снова убьет.

– «Движение к Идеальному Миру», – задумчиво повторил Девкалион.
– Знание этого названия – ключ. И с помощью этого мы его и найдем.

Поднялся слабый ветер, и мистер Лисс назвал его чертовым, но не потому, что ветер выдували черти, а оттого, что он начал сглаживать следы снегохода. И как только показалось, будто следы исчезнут прямо у них на глазах, они увидели сквозь снег светящиеся окна и добрались до дома Бозмана.

Печальная музыка все еще звучала. Мистер Лисс, подобрав с верстака в гараже свое длинное ружье, отправился в дом, в гостиную.

Намми пошел за стариком, хотя и не желал за ним идти, потому что боялся чудовища, игравшего на пианино. Но было в мистере Лиссе что-то, что заставляло за ним следовать, хоть Намми и не мог понять что. Дело было не в том, что он иногда грозил отрезать тебе ноги и скормить их волкам, если не будешь шагать за ним или делать другие вещи, которых он от тебя хотел. На самом деле Намми отчего-то хотелось следовать за мистером Лиссом, *несмотря* на угрозы. Возможно, вначале угрозы и были частью того, что заставляло Намми остаться с ним, но теперь дело было в чем-то другом. Будь бабушка жива, она бы поняла, что это такое, и смогла бы объяснить Намми.

В гостиной мистер Лисс сказал пианисту:

– Или Бозман был самым депрессивным сукиным сыном из всех, что жили когда-либо, или ты просто не хочешь играть известную ему музыку повеселее.

– Убей меня, – сказал пианист. – И музыка прекратится.

– Как никто другой, я хочу это сделать больше всего на свете, – сказал мистер Лисс. – Я убивал всех монстров, которые мне попадались, а их попадалось немало. Но ни один из них не будет мне это *приказывать*. Я не из тех, кому можно диктовать условия. Малыш, подтверди.

Намми сказал:

– Это правда. Мистеру Лиссу нельзя приказывать. Он сразу начинает сопротивляться. Если бы он горел, а кто-то сказал ему прыгнуть в воду, мистер Лисс мог бы не сделать этого только потому, что это была не его личная идея.

– Черт подери, – сказал старик. – Это откуда такие мысли?

– От меня, сэр.

– Да я понял, что от тебя, я же слышал, что ты это говоришь. Но идея-то глубже, чем бóльшая часть твоей болтовни и лепета. Не то чтобы я хотел

тебя на подобное вдохновлять. Я не просил сеансов психоанализа. Я попросил тебя подтвердить мое простое утверждение для этого мрачного уroda.

Руки Ксерокса Бозмана, как и раньше, летали взад-вперед по клавишам, словно не извлекали музыку из инструмента, а сама музыка была в руках и пианино притягивало ее наружу, как земля притягивает молнии в грозу.

Намми почувствовал, что его, как и прежде, немножко гипнотизируют летающие руки. И мистера Лисса, скорее всего, они тоже гипнотизировали, потому что он долго слушал, ничего при этом не говоря.

Но потом старик все-таки сказал:

– Если ты хочешь умереть из-за того, что увидел во время смерти Бозмана, почему сам не убьешь себя?

– Я не могу. Моя программа запрещает самоуничтожение.

– Твоя программа.

– Та, что была инсталлирована в меня в Улье, в лаборатории, где меня сделали.

– Франкенштейном, – насмешливо сказал мистер Лисс. – В Улье.

– Именно так.

– Ты все еще рассказываешь эту сказку.

– Это правда.

– А то, что ты марсианин или другая злобная мерзость с другой планеты, – неправда?

– Неправда, – сказал пианист.

– Мы сегодня вечером сожгли какие-то большие коконы. Ты делаешь такие коконы?

– Нет. Я коммунитарий. Кокконы делают Строители. Но всех нас делают в Улье.

Мистер Лисс долго над этим думал, прежде чем сказал:

– Раньше я хотел убить тебя, но по какой-то причине думал, что это плохая идея. И все еще считаю это плохой идеей, черт меня знает почему, ведь удовольствия я получил бы немало. Так вот что я тебе скажу – я убью тебя наверняка и точно, как только почувствую, что это правильно.

Музыка была очень печальной. Намми подумал, что человек может свернуться в клубочек и никогда больше не развернуться, если слишком долго станет такое слушать.

– Взамен, – сказал мистер Лисс, – ты пойдешь с нами и ответишь на некоторые вопросы.

– Какие вопросы? – спросил пианист.

– Любые гребаные вопросы, которые мне придет в голову задать. Я не собираюсь заранее давать тебе список вопросов, чтобы ты мог изучить их и придумать кучу лживых ответов. Тут у нас О’Бэннон дурачок, а не я, и лучше тебе это запомнить. Если соврешь мне, я узнаю, я *носом* чую вранье лучше, чем гончая ближайшую сосиску. И тогда я посажу тебя в клетку, буду хорошо кормить и *никогда* не убью. Тебе придется заслужить то, чего ты хочешь. Это понятно?

– Да, – сказал Ксерокс Бозмана и поднялся из-за пианино.

Рабочим коммунитариям Уля запрещено спускаться на не задействованные в проекте Виктора пустые нижние этажи, по которым он прогуливается в блистательном одиночестве.

В ранние дни их сотворения сюда спустились двое, были *заманены* в эту реальность ученым по имени Элис Шайтан, по крайней мере, так он назывался, утверждая, что работал в этом здании во времена холодной войны. Шайтан весьма интересно сошел с ума, исчез в момент, когда якобы пребывал в отпуске, на самом же деле почти тридцать лет тайно обитал в переходах нижних этажей. Он питался огромными запасами дегидрированной пищи в вакуумных упаковках, рассчитанными на тысячи членов правительства, которых должны были привезти сюда, ожидая неминуемого конфликта: пережить Третью мировую войну и радиоактивные последствия.

В неких суперсекретных бункерах, у самого дна этого суперсекретного подземного здания, Элис Шайтан изобрел красочную личную историю, мифологическую по своей природе. Во множестве толстых томов, заполненных от руки, в замысловатых настенных росписях и фресках на стенах бункера, которые он нанес при помощи подручных инструментов, отшельник воплотил свои, предположительно, сверхъестественные силы и короновал себя бессмертным правителем нижнего мира. Кроме того, подобно пророку, он предсказал собственный подъем на поверхность во времена катаклизма, когда захватит богатства, которые пожелает, изнасилует, кого захочет, убьет больше людей, чем любое количество жестоких правителей прошлого сумело уничтожить своих собратьев по роду людскому, и позволит тем, кто выживет, поклоняться себе, стать его послушными и подобоострастными рабами.

Годам к восьмидесяти Шайтан устал ждать своего подъема ради правления разрушенной Землей, и, когда Виктор со своей изначальной командой ученых въехал на верхние уровни бункера, бородатый старик тайно принялся наблюдать за ними. Со временем он заманил двух коммунитариев первого поколения в свой нижний мир неприличных, жестоких, гротескных муралов^[32], в комнаты, где полы были расписаны так же ярко, как стены и потолки, и попытался вовлечь их в свой культ.

Когда Виктор и его команда обнаружили двоих пропавших коммунитариев, обоим пришлось уничтожить – настолько странными они

стали. Было идентифицировано слабое место их программы: определенные строчки кода, которые недостаточно подкрепляли и усиливали абсолютную потребность в *тотальной* сосредоточенности и эффективности. Все последующие коммунитарии, конечно же, функционировали идеально.

Виктор лично убил старого сумасшедшего и приказал опечатать его бункеры. В грядущем мире Элис Шайтан был не нужен, равно как его подобия и противоположности.

И теперь Виктор шагает по нижним этажам, наедине со своими мыслями, множественными каскадами блестящих идей и теорий, радуясь перспективе стать свидетелем уничтожения всех мыслящих существ на планете, вплоть до зябликов, вьюрков и мельчайших ящериц. В тот момент, когда лишь его глаза будут способны видеть мир, лишь его разум сможет оценить увиденное, как прекрасно будет завершить собственное существование с той же решительностью, с которой он уничтожил Элиса Шайтана.

Виктор предпочел бы шагать по этим глубинным уровням много часов, даже дней. Но одиночество, придающее ему сил, ограничено отсутствием коммунитариев, заботящихся о его насущных потребностях.

Он поднимается на лифте к одному из уровней Улья. В коридоре, как только приближается к первому плазменному экрану, звучат три ноты оповещения, запрашивая его внимание. На экране появляется рапорт о том, что сотрудники KBOW не были полностью заменены коммунитариями, как планировалось. Они узнали о репликантах, и они транслируют предупреждение Рейнбоу-Фоллс и – что, вероятно, заслуживает большей тревоги – другим населенным пунктам Монтаны в радиусе вещания станции.

Это уже не мошка на пути военной машины коммунитариев, как в случае с ошибкой отслеживания двух Строителей. Это проблема относительно крупного размера, примерно с муху, но все же не серьезная преграда, поскольку на пути прогресса Коммуны не могло возникнуть серьезных препон. Их триумф неизбежен; думать иначе означает придавать человечеству хоть какую-то весомость, которой у него не было ни грамма.

Виктор говорит ровно то же, что говорил раньше, хоть и знает, что его приказ уже выполнен благодаря отлично запрограммированным откликам жестокой военной машины коммунитариев.

– Сверьтесь с основной программой стратегии и тактики, примените подходящий метод и продолжайте без задержек.

Не имея в данный момент никакого задуманного места назначения, все еще шагая ради того, чтобы шагать и думать, он поворачивает направо, в

следующий коридор, где его ожидает трехногий столик. На столике стоит охлажденная бутылка воды. Рядом с ней – желтое блюдо. На блюде лежат блестящая красная капсула и белая таблетка. Он проглатывает вначале капсулу, затем таблетку.

Когда Виктор приближается к очередному плазменному экрану, звучат три ноты. Сообщение информирует о том, что, вдобавок к проблеме KBOW, по всему Рейнбоу-Фоллс сформированы небольшие точки организованного сопротивления.

Это ожидаемо. Сопротивление бесполезно. Даже сейчас Строители в огромных количествах выходят из своих коконов и начинается следующая, более жестокая фаза конфликта. Скоро они будут вылупляться сотнями. Они неразрушимы, неостановимы, их быстро увеличивающееся число вскоре гарантирует победу в Рейнбоу-Фоллс, после чего они неузнанными разойдутся по стране, затем по миру, смертоносной чумой распространяясь в ежедневной геометрической прогрессии.

В конце подъездной дорожки к дому Эрики Девкалион повернул направо, не на окружную дорогу, а прямо к подъезду особняка Сэмплсов, под нависающие ветки высоких сосен. Сквозь разбитое стекло пассажирской дверцы услышал, как ближайший дозорный тихо перекликается со вторым, стоявшим чуть поодаль, второй перекликается с третьим, передавая новости, как при пожаре по цепочке передают ведра воды. Имя, которым они обозначали его приезд, было не его именем: «Кристофер... Кристофер... Кристофер», – и ему стало интересно, почему именно это имя выбрали в качестве его кода.

Девкалион вышел из фургона, Майкл появился рядом в ответ на сообщение дозорных.

– Всадники не теряли времени. Работа по превращению района в гарнизон идет быстро. И расширяется от одного квартала до двух, по мере того как к ним прибывают новые люди. Те видео с телефона впечатляют даже скептиков. И твоя работа в KBOW. Какой-то местный ведущий доносит новости с такой страстью, что все в основном звучит убедительно. Пусть даже он похож на бредящего психа, он говорит как псих, рассказывающий правду.

– Еще дети? – спросил Девкалион.

– Карсон собирает следующую группу в гостиной.

– Сколько?

– Кажется, пятнадцать. Их передают через заборы соседних домов, со двора во двор.

Открывая грузовую дверь, Девкалион заметил:

– Джокко обнаружил пару вещей, которые стоит узнать. Самой полезной находкой может быть название организации, его Виктор использует для прикрытия. «Движение к Идеальному Миру».

– Интересное чувство юмора. Когда все умрут, мир будет идеальным, насколько я понял.

– Это не ирония, – ответил Девкалион. – Это уверенность.

– Ненавижу этого парня.

– «Движение к Идеальному Миру». Распространи информацию. Возможно, кто-то слышал о нем раньше. Вероятно, кому-то известно местонахождение, помимо склада, где они уничтожали людей с поврежденным мозгом.

На переднем крыльце дома возникла Карсон. Она повела группу хорошо укутанных малышей по ступеням, а затем по двору и к машине.

Детей, наверное, предупредили о Девкалионе, потому что никто из них не выказывал страха. Маленькие облачка пара от их дыхания казались подтверждением хрупкости, того, с какой легкостью их жизни могут раствориться в воздухе, но совершенно не указывали на страх перед гигантом. Забираясь в фургон, некоторые смотрели на него застенчиво, а другие порозовевшие от мороза маленькие лица обращались к нему с восхищением, которое, похоже, включало немалую долю радости.

Он не привык радовать детей. Ему понравилось.

Заверив ребятшек, что терпеть темноту фургона им придется не дольше нескольких минут, Девкалион закрыл двери и спросил у Карсон:

– Почему часовые называют меня Кристофер?

– Помимо всего прочего, он святой покровитель путешественников^[33], особенно детей. Они говорят, он был ханаанином^[34] огромного роста. Как по мне, Кристофер подходит тебе лучше нынешней клички.

В те времена, когда он злился на то, что ему даровали жизнь, и был полон ярости, еще не понимая, какова его миссия в этом мире, он взял имя Девкалион^[35], выражая собственную ненависть к себе. Мэри Шелли назвала свою книгу «Франкенштейн, или Современный Прометей». В классической мифологии Прометей был титаном, братом Атланта. Он слепил людей из глины и вложил в них искру жизни. Созданный Виктором, современным Прометеем, Девкалион в некотором роде являлся его сыном и в те времена чувствовал, что должен носить это имя, таким образом напоминая себе: он разделяет весь ужас восстания Виктора против природы.

Зная, что сейчас в его глазах пульсирует молния его рождения, он сказал Карсон:

– Я не заслужил имени лучшего, чем то, которое ношу теперь.

– Не заслужил? В Луизиане ты руководил казнью Виктора на свалке.

– Но теперь он вернулся. Версия 2.0. – Гигант шагнул к водительской двери и, остановившись, обернулся. – Откуда у его клона деньги на все это? Он оставил Новый Орлеан с малой толикой состояния того, кто меня создал.

– Он как бродвейский продюсер, – сказал Майкл. – Нашел себе каких-то спонсоров.

– Спонсоров с глубокими карманами, – добавила Карсон. – Такими глубокими, что кажутся просто бездонными.

Девкалион заметил:

– Даже если этих новых созданий удастся победить, даже если его можно будет убить, нам, наверное, стоит беспокоиться реакцией его спонсоров, когда дело дойдет до возврата их инвестиций.

Он сел за руль грузовика. И, поворачивая с подъездной дорожки влево, нажал на клаксон – тот все еще звучал, когда он затормозил и остановился у дома Эрики. К тому времени как он открыл заднюю дверцу и дети начали выпрыгивать из фургона, Эрика и Эддисон уже появились на крыльце, чтобы встретить их.

Фрост, шедший пешком и торопливо искавший транспортное средство, не знал, куда бы ему отправиться, когда он найдет автомобиль. Если чиф Рафаэль Хармильо, который где-то там устанавливал новый жесткий порядок в этом адском городишке, не был настоящим Хармильо, если настоящий Хармильо и его семья перемолоты, как Даггет, то все дороги из Рейнбоу-Фоллс наверняка перекрыты. Это была война миров или нечто наподобие того, а на войне ограничение передвижения людей в захваченном городе всегда было и будет приоритетом. Стоит показаться у блокпоста, развернуться и поехать обратно, как его начнут преследовать. Фрост хотел избежать погони. После увиденного он не думал, что переживет преследование тех штук, которые притворялись местными копами.

Пробираясь по жилым кварталам, бредя по засыпанным снегом тротуарам, постепенно приближаясь к деловым районам, он видел, как в некоторых домах за шторами движутся тени, и размышлял, кто может их отбрасывать. Но определенно не собирался удовлетворять свое любопытство, нажимая на дверные звонки. В окнах некоторых домов он видел лица, люди словно всматривались в ночь, однако он продолжал идти, поскольку они, возможно, были людьми не больше, чем та брюнетка из кокона была королевой красоты, которой поначалу казалась.

В квартале от него повернула машина, фары мазнули в его направлении, и Фрост присел на тротуаре, прячась за «лексусом». Возможно, водитель приближающегося авто был кем-то, кто возвращался из магазина или кафе, вполне человеком и достойным доверия. Но, если полиция не была полицией и если они патрулировали город с целью ограничить свободное движение горожан, им могли помогать также другие представители того же вида, управляющие обычными машинами без опознавательных знаков, выискивающие пешеходов и несанкционированных водителей. Сквозь рокот мотора Фрост различил негромкое звяканье цепей на колесах, когда авто проехало мимо, не замедляя скорости.

Автомобиль мог сделать его более очевидной целью, но Фрост продолжал искать себе средство передвижения. Он не станет разезжать без цели, он отправится прямо на одну из парковок, где получит возможность наблюдать за всеми, кто приближается, и где выхлоп

работающего мотора не привлечет внимания, а сам он сможет согреться и получить время поразмыслить. Возможно, в последнем ряду выставленных машин закрытого на ночь центра, подальше от проезжающего по улице транспорта. Или у большого супермаркета на Урса-авеню. Магазин будет уже закрыт, парковка опустеет, поэтому темный угол на ней вполне может оказаться тем, что надо.

Когда Фрост нашел старый «шеви» – на зимней резине, но без снежных цепей, – перед домом в соседнем квартале, он проверил водительскую дверцу. И осмелился подумать, что удача, в конце концов, не совсем его покинула, потому что дверца оказалась незапертой. У него был узкий фонарик и многофункциональный перочинный нож, однако фортуна действительно улыбнулась ему: возиться с проводами «шеви» не пришлось, ключи Фрост обнаружил под ковриком.

Несмотря на холод, машина завелась сразу. Мотор звучал как настроенный механизм, его явно содержали в хорошем состоянии. Нагло включив фары, Фрост снял машину с ручного тормоза и покатил вперед, почти ожидая услышать крик и увидеть бегущего от крыльца очень злого владельца. Но на улицу он выехал без малейших помех.

Подержанной машине требовалось время, чтобы прогреться, и только потом должна была заработать печь. Фрост предвкушал первый порыв теплого воздуха, как прежде филе-миньон на обед – или секс, если уж на то пошло. Раньше он мечтал о времени, пятнадцать или двадцать лет спустя, когда выйдет на пенсию и поселится на тропическом берегу или рядом с пустыней, где не продают перчаток и зимних курток, потому что они никогда никому не требуются. Теперь он позволял себе загадывать только на пятнадцать-двадцать минут вперед и его целью стало простое выживание.

Из всех доступных ему вариантов парковка супермаркета была ближе всего, и Фрост осторожно наблюдал за улицами, опасаясь встречи с патрульной машиной. Когда тепло наконец задышало в салон, он понял, что «шеви» предлагал ему не только мобильность и отопление. Включив радио, Фрост обнаружил, что инопланетное вторжение не секрет, как он боялся, и что на деле это вовсе не инопланетное вторжение.

Намми занял решительную позицию. Он сказал «нет» мистеру Лиссу, который очень не любил, когда ему говорили «нет». Намми сказал: «Нет, нет, нет, чудовище не может поехать с нами в машине». Это случилось прямо там, в гостиной, где пианист стоял рядом с инструментом, а мистер Лисс держал длинное ружье. Бабушка учила Намми всегда быть вежливым с другими людьми. Но еще она учила его не позволять другим людям использовать его в своих интересах, так что решительная позиция была самым вежливым способом, доступным ему, когда кто-то настаивал на том, что Намми казалось неправильным.

Ксерокс Боза сказал: он не из тех штук, которые едят людей. Он сказал, что не родился из кокона, его сделали в машине лаборатории. Те штуки из кокона назывались Строителями, а он назывался коммунитарием и не мог никого съесть, точно так же, как не мог убить себя.

Намми не поверил ни единому слову. Монстры всегда монстры, они делают то, что делают чудовища, они во всякое время отвратительны, не бывают хорошими, Намми много раз видел это в фильмах про них. Если монстры убивали людей, ели их и делали с ними еще более страшные вещи, то, конечно же, они стали бы врать. Таким соврать было очень просто. Даже дурачок знал это.

Мистер Лисс не был дурачком, но он верил монстру. Он сказал: монстр видел то, что видел Боз, когда Боз умирал, и теперь монстр как-то поломался и больше не может делать чудовищные вещи. Мистер Лисс сказал, это можно было бы назвать духовным обращением, вот только души у монстра не было и обратить его поэтому не получалось. Он сказал, что это также можно было бы назвать вторым рождением, но монстр и в первый раз не рождался, его сделали, так что его нельзя было снова родить, лишь сломать.

Намми спросил, видел ли монстр Бога, и мистер Лисс сказал, что, может, не Бога, может, просто Рай или Геенну Огненную, в зависимости от того, что видел Боз. А возможно, и ничего такого, просто нечто удивительное по ту сторону.

Тогда Намми захотел узнать, что старик имел в виду, сказав «по ту сторону». По ту сторону чего? Мистер Лисс ответил: по ту сторону жизни, куда отправляются мертвые. Намми сказал: это называется раем или адом, но не Той Стороной. А мистер Лисс сказал: разные люди по-разному видят

эти вещи. И добавил: Та Сторона может очень отличаться и от рая, и от ада. Это может быть, сказал он, снова этот мир, но ты будешь другим человеком, иногда даже животным, такое называется реинкарнацией. Намми сказал, что это глупо и никто в это не поверит, и добавил, что мистер Лисс выдумывает. Люди не могут быть животными и точно не могут быть инками и нациями, инки – это отдельная нация вообще. Мистер Лисс сказал, что, если его только что назвали лжецом, он поджарит нос Намми с луком и сделает так, что Намми будет писать через левое ухо.

В этот момент пианист снова попросил мистера Лисса убить его на месте. Ксерокс Боза так умолял о смерти, что Намми вдруг понял – он жалеет его. Чудовища, наверное, не могли плакать, это было не в их природе, и этот тоже не плакал, но говорил он очень несчастно. Намми было его жаль. Он подумал, что, возможно, занял слишком решительную позицию.

Намми сказал мистеру Лиссу:

– Я не хочу плохо относиться к нему, хотя он и чудовище. Ко мне много раз плохо относились, я знаю, как от этого бывает больно.

– Вот такое отношение бабушка бы оценила, – сказал мистер Лисс.

– Но я боюсь, – пробормотал Намми.

– Ну, Персик, а разве ты не боялся множества всякой дряни сегодня и разве ты не прошел ее безо всяких проблем? Да, у меня была пара-тройка проступков, но я хорошо о тебе заботился, ведь так?

– Мы много чего украли.

– Вот черт. Я только что сказал, что пара-тройка проступков была. Я не претендую на сияющее совершенство. Я всего лишь сказал, что уберег тебя. Разве нет?

– Наверное.

– Наверное? У тебя все еще две ноги, чтобы шагать, так ведь? У тебя две руки, чтобы ими есть. И твоя большая глупая голова до сих пор на плечах, верно?

– Кажется, да, – признал Намми.

– Вот и хорошо, – сказал мистер Лисс. – Пошли.

Намми должен был топнуть ногой, но обнаружил, что вместо этого поднимает ногу и делает ровно то, чего делать совсем не хотел, а именно – идет с мистером Лиссом и чудовищем к угнанной машине.

А когда они дошли до нее, Намми понял, что мистер Лисс хочет посадить чудовище за руль.

Ксерокс Боза опустил на водительское сиденье, и мистер Лисс подвел Намми к пассажирской стороне, где открыл обе дверцы.

– Все будет хорошо, Персик. Если я стану управлять машиной, то не смогу держать его на мушке. А так мой пистолет все время будет направлен в его сторону, хотя в этом и нет необходимости.

– Я не знаю, что мы такое делаем, – встревоженно сказал Намми.

– Вначале это были инопланетные жуки, непонятно что безо всякого смысла. Потом был Франкенштейн, это уже не непонятно что, а повод попробовать разобраться в происходящем, просто чтобы доказать, что мы можем. И это все еще Франкенштейн, Намми, но и нечто большее тоже. Даже бесполезный старый бродяга вроде меня может разглядеть в небе знаки, если они достаточно яркие и большие.

Намми взглянул на небо, но не увидел никаких знаков, только падающий снег.

Мистер Лисс улыбнулся, что было удивительно и непривычно, и положил руку на плечо Намми, что напомнило ему о бабушке.

– В этом городе сегодня вечером орудует большое Зло, сынок, больше, чем люди способны себе представить. Когда все закончится, они скажут – дело было в людях-машинах, в свихнувшейся науке, и это будет правдиво, но не до конца. В общем, сегодня в Рейнбоу-Фоллс орудует большое Зло, но это еще не все.

– А что еще? – спросил Намми.

– С самого начала нам с тобой невероятно везло. Мы уже раз десять должны были умереть.

– Это потому, что вы такой умный.

– Для бродяги я достаточно умен, между тем, будь я таким умным, как мои слова, я не был бы бродягой. Однако нам везло не просто так, и, кажется, я понял, в чем дело. Я тебе позже объясню эту часть. Но нам невероятно повезло с тем, что мы нашли этого поломанного монстра, особенно если задуматься о том, что его сломало. Он знает о машине, создающей чудовищ, такие вещи, которые известны только им, а в этой войне подобная информация бесценна. Нам нужно найти кого-то, кто понимает, как использовать знания этого поломанного монстра.

– Кого?

– Я не знаю. Но стану присматривать за тобой и делать самое умное из того, что мне известно, однако еще какое-то время буду обращаться к тебе со словами «покажи мне» и следовать своей интуиции. Интуиция – это тихий голос внутри, который говорит тебе, что правильно, а что нет, что мудро, а что глупо, – а это отличается от умного и тупого. Ну что, полегчало тебе?

– Нет, – сказал Намми. – Ну, может, только чуть-чуть. Но Ксерокс Боза

все равно чудовище.

Мистер Лисс приказал Намми залезать на заднее сиденье и продвинуться за спину водителя. Потом положил на сиденье длинное ружье, дулом в сторону от Намми, и сказал:

– Даже не думай взять эту штуку и пойти охотиться на кроликов.

– Я никогда не охочусь, – ответил Намми.

– И помни, это краденое ружье.

– Вы украли его из дома проповедника.

– Именно. И ты не хочешь быть соучастником и в этом преступлении, учитывая количество других бандитских штук, в которых ты в последнее время виновен.

– Я к нему не прикаснусь.

Мистер Лисс закрыл заднюю дверцу, сел вперед, захлопнул свою дверь и протянул ключ Ксероксу Боза.

Чудовище, заведя машину, спросило:

– Куда мы едем?

– Намми, – сказал мистер Лисс, – вот сейчас наступил «покажи мне»-момент, какого никогда еще не было и не будет.

Мистер Лисс на долгое время умолк. До слуха доносился только звук работающего мотора, а снаружи снег падал в темноте, вниз и вниз, косо от ветра.

Намми сидел и смотрел в затылок чудовища, а монстр не начал напевать печальной музыки или чего-то такого, он просто ждал, как и Намми.

Спустя полминуты или около того мистер Лисс наклонился вперед и включил в машине радио.

Человек по радио говорил о войне с кем-то. Потом сказал «Рейнбоу-Фоллс». Затем сказал, что люди не люди.

Мистер Лисс произнес:

– Спасибо большое.

Кокон раскрылся. Она освободилась. Она вышла в подвал здания суда. Туман миллионов поднялся от ее кожи. Иллюзия одежды сформировалась вокруг и облекла ее, соткавшись из тумана.

Она была революцией. Она собиралась поглотить прошлое.

Ближайший кокон выпустил еще одну красавицу. Маленькая роящаяся часть ее сути стала ее костюмом.

Они поглотят прошлое, но не сделают будущего. Они будут непрекращающейся революцией, пока та не уничтожит сама себя. Затем наступит ничто.

Еще один кокон созрел и раскрылся. Он вышел в подвал зала суда. Сформировалась одежда: деловой костюм, белая рубашка, галстук.

Он был революцией. Только непрерывная революция являлась легитимной. Революция должна была революционировать, как следовало из ее названия. Утратив движение, она теряла смысл.

Она, она, он. На самом деле у них не было пола. Их пол был исключительно маскировкой. Каждый был «оно». Колония множества меньших «оно». Они имели две цели: уничтожать и асексуально размножаться.

Еще один кокон раскрылся и выпустил четвертого. Пятый кокон, затем шестой уронили свои плоды в мир. Двое мужчин, женщина: трое «оно».

Они были революцией. Они были ненавистью и яростью, дистиллированными до идеальной чистоты. Их голод был огромен, как притяжение черной дыры, способной затянуть вселенные к уничтожению.

Другие коконы в подвале зала суда пока что были не готовы к рождению.

Шестеро отошли от них и поднялись по лестнице на первый этаж.

В здании суда царил тишина. И будет царить десятилетиями, пока оно не рухнет от отсутствия ремонта.

Снаружи они спустились по лестнице, напоминая шесть моделей с обложек журналов, как будто уверенные в том, что внизу их будет ждать гламурный фотограф.

Они не поскользнулись на снегу. Их обувь на самом деле – часть их организмов, выделенная как обувь, поэтому они были босиком. Но их ноги являлись иллюзией ног, ступни и пятки, касавшиеся покрытого снегом тротуара, на самом деле являлись миллионами наноживотных, которые

хватали-отпускали-хватали. Их движение и равновесие – это фрагмент маскарада, никто из них не мог ни споткнуться, ни поскользнуться.

Выйдя на улицу и оглядывая территорию, они могли бы вызвать подозрения, поскольку их лица в свете фонарей в каждом случае были необычны, обладая красотой, безупречнее той, что отражалась на шедеврах Боттичелли. Их дыхание на морозе не взвивалось облачками пара, потому что они, хотя и казались людьми, не имели легких.

Вокруг здания суда располагался район с классическими старыми домами, в основном федерального и викторианского стиля. Шестеро, разделившись, отправились наносить визиты.

* * *

Расти Беллингхем тихо напевал, шагая домой под снегом. Расти жил, чтобы петь. Он писал собственные песни, и людям они, похоже, нравились. Он хорошо играл на гитаре, но музицировал также и на синтезаторе, поэтому мог добиться звучания группы. Время от времени он играл в барах, на свадьбах, днях рождения. Денег зарабатывал немного, но и не рассчитывал на большие суммы, поэтому не был разочарован.

Однажды вечером Расти, игравшего в клубе мэра Поттера «Пикинг энд грининг», услышал букер^[36], искатель талантов, и сказал, что может предложить ему постоянную работу в четырех штатах. Но Расти не любил путешествовать. Он на несколько лет уезжал на Средний Восток, участвовать в войне, что исцелило его от желания видеть новые места. В двадцать семь он вернулся домой, в Рейнбоу-Фоллс, и теперь, в тридцать, рассчитывал остаться здесь до самой смерти.

Букер передал записи песен Расти агенту, агент хотел, чтобы Расти приехал в Нэшвилль обсудить свое будущее и обещал покрыть все расходы. Расти сказал: «Нет, спасибо». Он не питал по поводу себя никаких иллюзий. Он мог писать музыку и петь, но у него не было внешности, необходимой, чтобы стать большим профи. Он не был красавчиком точно так же, как Монтана не была Афганистаном. Выглядел он, если честно, немного глуповато, в хорошем смысле, но все равно глуповато. А дни непривлекательных звезд из глубинки давно прошли. Так или иначе, он мог играть для местных, для людей, которые здесь выросли, знали Расти или его родителей, но, играя перед полным залом незнакомцев, он чувствовал такое смущение, что практически не смотрел на аудиторию и не мог болтать между песнями.

Он неплохо зарабатывал плотницким ремеслом, делал шкафы, чему научился у своего отца. Работа была всегда, а удовольствия от хорошей подгонки швов или полировки дерева парень получал не меньше, чем от музыки. И никому не было дела до того, как выглядит мастер по сборке шкафов. В данный момент он работал с обновлением кухни всего в шести кварталах от дома, так что он мог оставлять инструменты прямо там и прогуливаться пешком.

Сколько себя помнил, Расти любил гулять по улицам этого города, красивого для него всегда, и особенно после возвращения с войны. Расти знал людей, вернувшихся с одной ногой или без ног. Каждый день он благодарил Бога за свои ноги и выражал эту благодарность, пользуясь ими. Он не чувствовал себя виноватым за то, что ушел с войны на своих двоих, в то время как других парней унесли, но ощущал в том великую несправедливость, неравенство и порой по ночам горевал об этом.

Он прошел квартал после того, как миновал старое здание суда, приблизился к повороту, и тут ему показалось, будто он услышал мужской крик. Расти остановился, прислушиваясь, но крик был коротким и приглушенным, словно раздался из какого-то большого старого дома. Возможно, это был не столько крик, сколько вскрик.

Расти обернулся, изучая улицу в свете фонарей, дома с глубокими нишами над крыльцом, голые ветви деревьев, черные там, где их не окрасил снег. Второй крик, женский, был не таким коротким, но тоже приглушенным. Снег искажал звуки, и Расти не смог определить источник крика, прежде чем тот резко оборвался.

По главной улице не двигалось ни одной машины, насколько позволял рассмотреть падающий снег. Сделав три шага до перекрестка, Расти увидел, что и прилегающая улица пустынна. Метель рано загнала людей домой и удерживала там, но в Монтане жил суровый народ, который не так легко поддавался капризам погоды. Когда на земле набиралось четыре дюйма снега, обычно немало людей выходило на лыжах, кататься по улицам, до которых еще не добралась снегоочистительная техника, не говоря уж о детях, строивших снежные крепости или тащивших за собой санки к ближайшему холму. При этом ребяташки смеялись и громко переговаривались друг с другом на ходу. Сейчас Расти никого не видел и не слышал детей.

Он понял, что даже вдалеке не звучит урчание снегоочистителей. Городским службам давно следовало трудиться на улицах. А район вокруг здания суда обычно был одним из тех, с которых они начинали.

Когда Расти только вернулся с войны, его нервы были на взводе,

растрепанные, он легко взвивался и медленно успокаивался. Мир маленького городка в Монтане казался ему иллюзорным. Иногда он готов был с легкостью поверить в тайных убийц, что по ночам перерезают глотки спящим. Порой, безо всякой причины, он замирал в ожидании взрыва, которого так и не случалось. Но с тех дней прошло уже больше двух лет. Теперь его нервы были в порядке, хотя иногда в три часа ночи он садился на постели, не зная, что его разбудило, но прошлых арпеджио^[37] страха уже не звучало.

Поэтому Расти серьезно отнесся к своему предчувствию. Что-то было не так. Два сдавленных крика – крика или вскрика – звучали реально.

Пустынные улицы, дворы без детей, тишина и неподвижность даже вдалеке были необычными, если не странными.

Он повернул влево, медленно зашагал на север по прилегающей улице, внимательно вслушиваясь и отыскивая глазами хоть какое-то движение помимо мягко падающего снега. Несколько красивых старых домов стояли темные, но остальные казались теплыми и уютными, в окнах горел свет.

Да и улица выглядела такой же красивой и очаровательной, как зимние картины Томаса Кинкейда, где каждая витражная вставка в двери была драгоценным камнем и даже деревья и некоторые шапки снега словно светились внутренним светом.

Эту часть города в данный момент можно было бы назвать волшебной, вот только ощущалась она далеко не так хорошо, как выглядела. Расти не понимал, каким образом ощущение угрозы могло исходить от вида, который во всем до мелочей был настолько волшебным. Он даже подумал про себя, не скатывается ли обратно в постоянный стресс, который дергал его первые шесть месяцев после возвращения с поля боя.

Когда Расти работал допоздна, как сегодня, он всегда возвращался домой по этой дороге, чтобы пройти мимо дома Коррины Рингвальд. В выпускном классе старшей школы они стали лучшими друзьями, и когда она потеряла младшую сестру, умершую от лейкемии, то погрузилась в депрессию, от которой не спасали ни таблетки, ни психоаналитики, лишь Расти вылечил ее своей музыкой. Он писал для нее песни, записывал их и клал в ее почтовый ящик. Он не ухаживал за ней, и она знала, что он не ухаживает, ему просто было больно видеть ее страдания. Они оставались лучшими друзьями и все эти годы спустя. И он, и она хотели близости, но боялись, что возлюбленных из них не выйдет, они будут слишком неловкими друг с другом, поэтому лучше остаться хорошими друзьями. Их дружба была настолько важной частью их жизней, что они не желали рисковать и портить ее. Чаще бывало так, что, когда он проходил мимо

дома Коррины в конце дня, свет над крыльцом горел, и это являлось для него сигналом.

Если свет горел, она была не занята подготовкой к завтрашним урокам – Коррина работала учительницей – и хотела, чтобы он зашел на ужин.

Расти до сих пор находился примерно в двух кварталах от дома Коррины, когда услышал еще один крик, женский. Этот длился дольше двух предыдущих, и его ни с чем нельзя было перепутать: это был крик крайнего ужаса. Парень, остановившись, обернулся, пытаясь определить дом, откуда доносился голос, и крик оборвался ровно в тот момент, когда Расти решил, что кричали в каком-то из двух домов, окна которых светились по другую сторону улицы.

Он торопливо прошагал к противоположному тротуару и остановился там под фонарем, переводя взгляд от белого викторианского здания с пастельно-голубой окантовкой на бледно-серый викторианский особняк с черной окантовкой, ожидая очередного крика или другого подобного намека. Но единственным звуком был тишайший шелест ветвей от ветра, настолько слабого, что ветки почти не качались. Единственным движением вокруг был полет снега с невидимого в вышине неба. И эта знакомая улица стала такой же таинственной, как любое далекое, никогда еще не виданное место. Настроение было очень странным, до такой степени, что казалось, даже его тень на освещенном фонарем снегу выглядит зловеще, словно могла подняться и напасть.

Внимание Расти привлекло движение на первом этаже серо-черного дома. Кто-то или что-то быстро метнулось за окном, намекая на жестокость, происходящую внутри. Он подошел по дорожке к крыльцу, не зная, как действовать: позвонить в дверь, дернуть за ручку и войти без предупреждения или внимательней присмотреться к окну... Как только Расти достиг верхней ступеньки, раздался женский голос: «Вы мне не поможете?» Но звучал он с некоторого расстояния за спиной.

Обернувшись, парень увидел ее на улице, в центре ближайшего перекрестка, футах в семидесяти к северу от него. В перекрестье света четырех фонарей, но стоя так, чтобы прямой свет на нее не попадал, она выглядела потерянной. Одетая была только в шелковый халат, короткий, сапфирово-синий, от ветра он прилегал к ее телу, подол трепетал.

– Что случилось? – спросил Расти.

– Помогите мне, – повторила она, все так же оставаясь в центре перекрестка, словно не ощущая мороза в состоянии шока.

Он оглянулся на дом, в дверь которого хотел позвонить или войти. За окнами больше ничего не двигалось. Изнутри не доносилось ни звука.

Возможно, он ошибся домом. Возможно, женщина на перекрестке и была той, кто кричал, а затем выбежала на мороз и снег.

Расти опустился по ступенькам и зашагал по дорожке на улицу.

Тонкий халатик женщины облегал чувственную фигуру. Легкий ветерок и свет фонарей играли ее длинными блестящими волосами. Расти подозревал, что при более близком взгляде она окажется невероятно красивой. В снегу, напоминавшем рис, бросаемый сверху, в провокативном синем халате, она могла быть видением невесты в ее брачную ночь.

Ксерокс Боза припарковался у KBOW, там, где указал ему мистер Лисс, не рядом с другими машинами, а чуть дальше от здания, на случай, если их сюда, как заметил старик, заманивают какие-то хитрые сукинсынские монстры, которые ни на йоту не Пол Ревирьы^[38], коими притворяются.

Они все выбрались из машины, мистер Лисс достал с заднего сиденья свое длинное ружье, и в этот момент два внедорожника с ревом влетели с улицы друг за другом. Промчавшись мимо машины, джипы резко затормозили у дома, их дверцы распахнулись. Из одного авто выпрыгнули шестеро, из другого – тоже шестеро, и хотя обычно Намми не мог с первого взгляда определить, положительными являются люди или плохими, он тут же понял: эти двенадцать человек ничего хорошего не замышляют.

Девятеро отправились к входной двери KBOW, трое – к ним, и мистер Лисс спросил у Ксерокса Боза, его ли это люди, а Ксерокс Боза сказал: «Да. Коммунитарии», – что, конечно, означало чудовищ.

Старик три раза быстро выстрелил из длинного ружья, так громко, что Намми зажал руками уши. Каждый выстрел почти поднимал мистера Лисса над землей и заставлял отпрыгнуть на пару дюймов. Но он, наверное, умел обращаться с таким ружьем или же ему очень повезло, так повезло, что становилось понятно, почему он считает, будто лотерейный билет у него в кармане принесет большой приз. Каждый выстрел попал в монстров и сбил их с ног, после чего мистер Лисс заторопился вперед, чтобы прижать к одному из них дуло, к горлу, и выстрелить в четвертый раз, а Намми стошнило.

Двое сильно раненных, но не убитых монстров поднимались на ноги, а мистер Лисс попятился, выхватывая патроны из глубоких карманов своей куртки и перезаряжая ружье на ходу. Как только монстры встали, мистер Лисс снова выстрелил в них, попал и, похоже, на этот раз окончательно уложил их на землю.

Но оставшиеся девять, те, что направлялись к зданию, остановились и обернулись в их сторону. Все монстры, которых Намми раньше видел, переключая телеканалы, всегда либо рычали и злились, либо вообще пребывали в ярости. Не важно, откуда они брались, из летающей тарелки, или из пещеры в центре Земли, или из черной воды в болоте, они были либо на взводе, либо уже в полной ярости. Монстры словно и не знали

никакого другого способа жить, и эти девять ничем от них не отличались, они точно были не такими, как поломанный Ксерокс Боза.

Мистер Лисс зарядил две пули, пока последние два выстрела еще гремели над парковкой, и теперь выстрелил четыре раза, быстрее, нежели раньше. Четыре выстрела нанесли больше урона, чем Намми ожидал, но потом он вспомнил – каждый выстрел был не одной пулей, а множеством маленьких свинцовых шариков, способных поразить за один раз сразу нескольких монстров.

Пятеро упали, еще двое потеряли равновесие, но их приехало девять, так что еще двое шагали. Намми хотелось бежать, но было некуда, они бы догнали его и поймали. У мистера Лисса не осталось времени даже на то, чтобы *подумать* о перезарядке длинного ружья, настолько приблизились к ним яростные чудовища, так что Намми приготовился умирать и начал быстро молиться.

И тут откуда-то появился еще один парень, встал рядом с мистером Лиссом, держа ружье двумя руками, и как же он здорово стрелял! Он словно одновременно дважды попал в голову ближайшего монстра и один раз в голову, один раз в горло следующего.

Это дало мистеру Лиссу шанс отбросить ружье, достать два пистолета из карманов куртки и начать стрельбу по раненым монстрам, поднимавшимся, чтобы снова напасть, словно они не знали, когда надо остановиться. И новый парень тоже стрелял в них. Шум стоял такой, как на четвертое июля. Когда наконец все двенадцать оказались на земле и перестали двигаться, выглядя мертвыми, как в любой перестрелке из кино, мистер Лисс и новый парень прошли между ними, присматриваясь, стреляя в троих или четверых, выглядевших не такими мертвыми, как казались.

К этому времени Намми увидел, откуда пришел новый парень. За угнанной машиной мистера Лисса стоял старый «шевроле», у него работал мотор, а водительская дверь была широко распахнута.

В ушах все еще звенело, однако Намми услышал слова мистера Лисса:

– Ты так точно стреляешь, что наверняка работаешь в одном из тех федеральных агентств, но я не против.

– Фрост, – сказал новый парень. – ФБР.

– Убей меня, – произнес Ксерокс Боза.

– Не убивай его, – сказал мистер Лисс. – Он один из них, но особенный.

– Один из них? – с тревогой спросил мистер Фрост и попятился на пару шагов. – Один из них прогрыз моего партнера, Даггета, как

щеподробилка, а Даггет был далеко не пробковый.

– То был Строитель, – сказал мистер Лисс. – А это другой вид. Это коммуитарий. Он плохой, но не настолько, как те ублюдки, он не ест людей.

Грохнул выстрел, и лобовое стекло одного из внедорожников мертвых монстров разлетелось.

* * *

Сэмми Чакрабартти, прячущийся за парашютом на крыше KBOW и наблюдавший из-за зубца, не стал стрелять, когда из машины вышли трое, он хотел посмотреть, что они будут делать, чтобы, возможно, определить, люди они или нет.

Один был в полицейской униформе, и это казалось проблемой. Если все копы заменены, это точно не дружественный слушатель, вдохновленный на визит прочувствованной риторикой Мэйсона Моррелла. Он выглядел странно спокойным, стоял у машины под снегом, безвольно свесив руки. Ни куртки, ни шляпы на нем не было.

Одним из оставшихся двоих оказался маленький пухлый паренек. В нем тоже угадывалось что-то странное, хотя Сэмми и не мог определить что, снег не давал ему рассмотреть.

Третьим оказался седой старик в длинном плаще. Он вытащил с заднего сиденья дробовик, что не делало его в данной ситуации ни героем, ни злодеем, разве что волосы у него были встрепанными и с расстояния он немного напоминал безумца.

Когда на сцену вылетели два внедорожника, из которых выскочила дюжина мужчин, Сэмми был чертовски уверен, что задумали они нападение, но полной уверенности в их чуждой природе не имел. Он не мог стрелять до тех пор, пока они не попытаются взломать входную дверь. Между тем шанса на это им не дали. Количество выстрелов, потребовавшихся, чтобы их убить, доказало: они не люди.

Сэмми не знал, убивают ли андрониды друг друга, как это делают их настоящие прототипы, однако склонялся к тому, что они не стали бы убивать. Поэтому, скорее всего, трое, выбравшиеся из первой машины, и стрелок, приехавший на «шеви», были его породой людей, из плоти и крови.

И все же он хотел поговорить с ними, прежде чем впускать на станцию. Их внимания он добился единственным выстрелом в лобовое

стекло одного из автомобилей мертвецов, после чего прокричал:

– Кто вы такие?

* * *

Когда парень с крыши спросил, кто они такие, мистер Фрост крикнул в ответ, что он из ФБР, и помахал какими-то документами, а вот мистер Лисс сразу обиделся.

– Кто вы такие? – Старик повторил вопрос парня с крыши, но так, словно у него были сопли, которых не было. – «Кто вы такие?» А что, ты впускаешь только богатеньких, которые закончили университеты, где каждый болван носит фрак и гетры, только тех, кто пьет чай, оттопыривая гребаный мизинчик? Этот город разваливается хуже Детройта, а ты задираешь нос? Что, ты непустишь старого бродягу, потому что он может немного вонять – так он, чтобы ты знал, не воняет! – и из-за того, что у него цилиндра нет?

Намми думал, мистер Лисс подождет ответа на свой вопрос, но вместо этого старик шумно набрал полную грудь воздуха, отчего стал словно выше, и продолжил самым сердитым своим тоном. Его лицо выглядело таким раскаленно-красным в свете парковочных фонарей, что снег у него на бровях должен был просто растаять. Он говорил, заглушая беднягу на крыше, начавшего что-то отвечать:

– Кто мы такие, так это те самые люди, что могут спасти эту жалкую дыру от наплыва монстров, о которых твой болтливый ведущий трещит в эфире. Я бродяга, этот вот парень рядом со мной – дурачок, это тебе все скажут, и одного взгляда на нас достаточно, чтобы любой дурак понял: мы настолько люди, насколько это вообще возможно. Давай, парень, помогай, скажи ему, что ты дурачок.

Намми сказал:

– Он прав. Я глупый. Я дурачок и всегда им был. И я не обижаюсь на него за такие слова. Он ничего плохого не имеет в виду.

Мистер Лисс сказал парню на крыше:

– Это вот существо, которое выглядит как офицер Бозман, на деле один из двух видов монстров, что вылезли в этот город. Он не из тех, кто ест людей, да и все равно он сломан, он никому не угрожает, разве что может свести с ума, если подпустите его к пианино. Все, чего этот жуткий уродец хочет, – это чтобы я его убил, так как его программа не позволяет покончить с собой, но черта с два я его убью, пока он не расскажет нам все,

что нужно знать для поиска гнезда, в котором эти сволочи вылупляются. И тогда мы найдем его и сожжем к дьяволу. Вот *кто мы*, и если этого «*кто мы*» тебе недостаточно, можешь сесть в свой «Мерседес-Бенц» и катиться прямо в ад.

Намми вдруг понял, что мистер Лисс долгие годы обижался на многие вещи, возможно, с самого детства. И об этом стоило очень хорошо подумать.

Над землей раскинулась безмолвная темная пропасть, снег материализовался в этой перевернутой бездне, дома со светящимися или темными окнами выглядели безжизненно, как склепы, и если бы вдоль кварталов, на равном расстоянии друг от друга, не располагались фонари, то пустынная белая улица выглядела бы так, словно зимняя пелена украла все ее измерения...

Как ободок, оправка и зубцы кольца создаются, чтобы подчеркнуть драгоценный камень, так и Расти Биллингхему казалось, что все, воспринимаемое его органами чувств в этой зимней сцене, существует, чтобы продемонстрировать драгоценность – женщину в центре перекрестка. С расстояния в семьдесят футов, приближаясь к ней по центру улицы, он ожидал увидеть выдающуюся красоту; когда до нее осталось шестьдесят, он понял, что ожидания обоснованы, а реальность может превзойти самые смелые фантазии. Это могло быть шуткой света и бриллиантовых нитей снега, но она будто сияла и светилась изнутри.

Теперь Расти не сомневался, что кричала именно она, потому что женщина явно пребывала в состоянии шока. Стоя в снегу, доходившем ей выше лодыжек, возможно босиком, в одном только шелковом халате, который никак не защищал от зимней ночи, она, казалось, совершенно не чувствовала пронзительного холода. Она сбежала от чего-то, из дома на улицу, но не устремилась к нему, как сделала бы испуганная женщина в поисках защиты. Он снова спросил у нее, что случилось, и в этот раз она даже не попросила его помочь ей, просто стояла и смотрела на него, словно в трансе.

Когда до нее осталось пятьдесят футов, Расти понял: его реакция на нее была такой же необычной, как и ее кататония^[39]. Увидев женщину в беде, будь она красива или нет, он бы, скорее всего, бросился к ней, а сейчас шел не то чтобы медленно, но неторопливо. Что-то подсознательно насторожило его, какой-то опыт, какая-то отсылка к прошлому, которую он не мог сразу вспомнить, – и, когда с запада донесся звук быстро приближающейся машины, Расти остановился. До женщины оставалось еще больше сорока футов.

Она повернула голову вправо, глядя на ту улицу, с которой к перекрестку приближался автомобиль, и ее омыло светом его фар.

Она не сделала ни малейшей попытки уйти с дороги, словно приросла

или примерзла к асфальту.

Рядом с женщиной появился и затормозил, гремя цепями, «Шевитрэйлблейзер», фары теперь светили мимо нее. Во внедорожнике сидели четверо или пятеро людей.

Переднее пассажирское окно опустилось, из него выглянула пожилая леди и с заботой доброй бабушки спросила:

– Милая, что с тобой, тебе нужна помощь?

И Расти внезапно понял, отчего был так безотчетно осторожен. Четыре года назад. Афганистан. Женщина в бурке, видны только ее глаза. Она подошла к блокпосту, который охранялся американской армией. Расти был у окна, в половине квартала от блокпоста, когда она активировала бомбу, привязанную к ее телу, – он находился вне пределов опасной зоны, но стал свидетелем всего ужаса.

Шелковый халат блондинки облегал ее тело так плотно, что бомбы под ним спрятать было просто невозможно, – однако Расти каким-то образом не мог отделаться от ощущения, что *она сама* окажется бомбой. Бабушка в «трэйлблейзере» выглянула в пассажирское окно, задала вежливый вопрос, и густая серебристая струя... чего-то, похожего на расплавленный металл, выстрелила от красотки с сияющими волосами в лицо пожилой женщины, лицо словно растворилось, а сама она рухнула на сиденье. Блондинка и нечто серебристое были единым целым, поскольку, когда поток продолжил литься во внедорожник, она испарилась с улицы, оставив лишь следы на снегу, полностью превратившись в едкую субстанцию и втянувшись в «трэйлблейзер».

Люди во внедорожнике кричали, четверо очень громко, затем трое чуть тише, автомобиль раскачивался от силы происходящего внутри, скрипел и шатался, подпрыгивал на колесах, пружины стонали от нагрузки. Теперь кричал только один человек. Несколько окон треснуло, но не разбилось, что-то *расплескалось* по стеклу, не кровь, но, возможно, с примесью крови. Водитель больше не управлял машиной, скорее всего, был уже мертв, между тем «трэйлблейзер» продолжил движение, заскочил на тротуар, пропорол кусты, остановился, перекосившись влево. Последний крик стих, перейдя в тонкий фальцет, однако что-то продолжало шуметь в автомобиле, словно лихорадочно пожирая останки. Внутри был хаос, и Расти никак не мог понять, что именно он видит в кипящих формах.

Он сделал несколько неверных шагов к «трэйлблейзеру», когда тот еще двигался по перекрестку. Но ко времени, когда автомобиль замер в кустах, знал, что ничем не сможет помочь тем людям. Он даже себя едва ли мог спасти, однако все равно побежал.

Девкалион доставил к дому Эрики третью группу детей, доведя количество беглецов в убежище до сорока двух, и это, казалось, далеко вышло за пределы вместимости дома. Эрика настаивала: она может принять и больше, Эддисон Хок соглашался, что вместе они справятся с еще половиной такого же количества, как только установят правила общежития.

У них было достаточно еды на следующие тридцать шесть или сорок восемь часов, в течение которых Девкалион мог пополнить их припасы.

Когда в четвертой группе набралось тридцать четыре ребенка, было принято решение отвезти детей в другое место. С помощью Карсон и Майкла Девкалион рассадил их на скамейках вдоль стен грузовика, затем двумя рядами на полу, настолько тесно, что поездка была бы невыносимой, если бы не занимала всего пару минут. Все дети пытались храбриться, некоторые плакали, но тихо, другие даже радовались приключению, заменившему ночной сон на внезапную экскурсию.

Поскольку любая точка мира была столь же близка к дому Сэмплсов, как и дом Эрики, Девкалион, выезжая, повернул влево и заехал на парковку у аббатства Святого Варфоломея, высоко в горах Северной Калифорнии. Помимо гостевого крыла и церкви, на семи акрах, принадлежащих аббатству, здесь находилась школа Святого Варфоломея, служившая как образовательным заведением, так и детским домом для сирот с физическими и психическими пороками развития. Монахи заведовали аббатством и церковью, а монашки-бenedиктинки, под руководством матери-настоятельницы, сестры Анджелы, управляли школой.

Девкалион жил тут, в гостевом крыле, больше двух лет, когда размышлял, не стать ли послушником. В ходе веков он долгие периоды времени проводил в монастырях разных религий, где к нему никогда не относились как к уроду, только как к брату, и, как ни странно ему было, он порой выступал наставником для тех, кого считал мудрее себя.

Монастырь Святого Варфоломея Девкалион покинул меньше суток назад, вначале отправившись в Новый Орлеан, затем – на свалку, где погиб настоящий Виктор. После этого он переместился в Сан-Франциско, к Карсон и Майклу, влекомый внезапной уверенностью в том, что Виктор снова жив и вновь насаждает собственную утопию, которая, как и все остальные, являлась своего рода адом.

Выбираясь из фургона, Девкалион дважды нажал на клаксон в надежде призвать помощь. Затем подошел к грузовой двери, открыл ее и сказал:

– Мы приехали. Вам понравится здесь. Вы пробудете тут совсем недолго, но вам будет очень весело.

Дети выбрались из фургона, с изумлением обнаружив, что находятся в месте, которого никогда раньше не видели, хотя с начала поездки прошло не более двух минут. В этих горах в начале октября снег еще не выпал и не укрыл землю. Ночь была холодной, но ясной, с морем звезд над головой, и метель волшебным образом исчезла.

Когда последний ребенок выбрался наружу, а Девкалион закрыл и запер грузовую дверь, к ним приблизился монах. Гигант совершенно не удивился тому, что первым на сигнал среагировал брат Сальваторе, известный также как брат Костяшки. Он был лучшим другом Девкалиона в аббатстве Святого Варфоломея. Только он знал, кем на самом деле является Девкалион, а потому брат Сальваторе быстрее всех понял, откуда взялись эти дети и почему они бежали.

Это был день знамений, одним из которых, едва ли не самым меньшим, являлся брат Костяшки. День событий, час за часом подтверждавший, что выступившие против Виктора стоят не одни и, сколько бы людей ни погибло в Рейнбоу-Фоллс, мир не позволит превратить в кладбище от полюса до полюса. Девкалион верил, что в ходе ночи события, противодействующие Виктору, будут развиваться еще быстрее, – до тех пор пока все, кто сопротивляется ему, не пожелают присоединиться к бою, откажутся бежать и будут готовы умереть за правое дело. Чудеса не даруются, их заслуживают.

Вскоре за братом Костяшки пришел отец Эббот. Не задавая вопросов, он повел детей к гостевому домику, где имелись спальни и общие комнаты, размеры которых позволяли разместить всех. Дети были слишком юными, чтобы продолжать бояться в отсутствие непосредственной угрозы. Устойчивые благодаря своей невинности, они полностью отдались удивлению, их веселые голоса, чистые и ясные, звучали музыкой в этой высокогорной ночи.

Оставшись наедине с братом Костяшки, Девкалион сказал:

– В Монтане, в городке Рейнбоу-Фоллс, ужасное положение. До национальных новостей, думаю, еще не дошло, но информация просачивается. Вначале она покажется СМИ слишком странной и невероятной, однако доказательства осият недоверие. У меня нет времени объяснять, поэтому включи телевизор в комнате отдыха и готовься к грядущему ужасу.

Брат Костяшки, задумчиво взглянув на грузовик, сказал:

– Сколько же ты ехал отсюда сюда?

– Нисколько.

– Хотел бы я так покататься.

– Возможно, однажды проедемся.

Брат Костяшки посмотрел на Девкалиона изучающим долгим взглядом.

– Будь я до сих пор, кем я был, заключая пари и играя на скачках, я бы не рискнул ставить деньги на то, что такая поездка действительно произойдет. Мы хоть когда-нибудь снова тебя увидим? Хотя бы когда-то?

Девкалион взглянул на небо, в вечность звезд, и ответил:

– Скоро выпадет снег. Через девять ночей, около семи часов вечера. И когда он закончится, землю у вас припудрит слоем примерно в фут.

Устроив пожар на кухне «Мериуитер Льюис», они ждали снаружи, под снегопадом, с дробовиками наготове, желая убедиться, что ни одно существо не попытается сбежать. Пламя взметнулось, быстрое и яркое, вспышка была отличной, как все, что Салли Йорк видел за долгую жизнь: вначале синеватое пламя «Sterno», потом белое и оранжевое, от разлитого кухонного масла. Окна начали лопаться от жара быстрее, чем он ожидал, и это было самым приятным свидетельством того, что их план сработал. Когда на кухне воцарился истинный ад и ни один из космических злодеев не попытался сбежать, ни объятый пламенем, ни в ином виде, хотя они и открыли дверь для доступа кислорода к пламени, их работа здесь, судя по всему, была закончена. Несмотря на систему пожаротушения, взрывное начало возгорания, скорее всего, захватит постройку и оставит лишь выгоревший корпус, уничтожив всех инакомыслящих врагов, которые могли висеть в других помещениях.

Салли осуждал разрушение ради разрушения, ставшее довольно популярным в современном мире, но всегда радовался возможности выжечь или иным образом уничтожить зло, если оно поднимало свою уродливую голову и не хотело оставаться в тени, а, наоборот, прыгало на людей, оскалив зубы. Мир нуждался в дозе малого зла, чтобы добру было с чем себя сравнивать, однако позволять этому злу вообразить себе, будто дорога открыта и его пригласили на обед, было нельзя.

Направляясь к «хаммеру», припаркованному между школьными автобусами, Грейс Ахерн сказала:

– Если они собирались скормить этим Строителям младших школьников, то наверняка решили сделать подобное с учениками старших классов. Нужно отправиться туда и сжечь тех ублюдков тоже.

Грейс говорила уверенно и была убеждена в своих словах, и, господи, Салли Йорку еще никогда и ничто не нравилось в жизни настолько же сильно, как звук ее голоса, здравый смысл и неукротимый дух, о котором свидетельствовало все. Она в одиночку растила юного Тревиса, тяжело трудилась на нескольких работах, и, несмотря на то что мать и сын имели немного, у них была гордость и у них были они сами. Он сомневался, что хотя бы раз услышит от этой женщины жалобы и скулеж: она была не способна на жалость к себе, как в свои дни Безумные Отморозки были неспособны сбежать от боя... или проиграть его.

Брюс ехал впереди, рядом с Салли, Тревис сидел сзади со своей мамой, как и должно было быть по нескольким причинам. Салли хотел бы провести половину своего времени, глядя на улицу впереди, а половину – глядя на Грейс в зеркало заднего вида, но с единственным глазом отвлекаться было нельзя. Черт побери, на склоне лет он влюбился как мальчишка, и это было бы стыдно, если бы не было настолько приятно и не будь она таким блестящим примером силы и привлекательности.

Но он слишком стар для нее, тут не о чем спорить. Они оба, он и Брюс, чересчур стары для этой женщины, хотя Салли и был на десять с лишним лет моложе писателя, не жил на пенсию и не одряхлел. Да, он потерял глаз, ухо и руку, но у него также не было аппендикса и селезенки, и ни одна женщина никогда не попрекала его их отсутствием. Между тем он все равно был слишком стар для нее, однако, с другой стороны, он определенно не был слишком стар, чтобы оказать на Тревиса то самое мужское влияние, которое мальчику понадобится, чтоб вырасти сильным и полностью раскрыть свой потенциал.

Они доехали до старшей школы Уильяма Кларка и поставили машину на задней парковке. Помимо своей работы в «Мериуитер Льюис», Грейс время от времени брала частичные смены в старшей школе, готовя по вечерам ленчи для следующего дня, так что у нее имелся код для отключения сигнализации.

Включив свет, она доказала, что была точна, как пророчица Кассандра, а также бесстрашна и быстра, как богиня Диана на охоте. С потолка свисали омерзительные мешки, загадившие эту кухню хуже тараканов. Они четверо уже были командой и хорошо сработались, готовя очередную огненную казнь.

Просто замечательно!

Плазменные экраны в Улье явно расположены слишком густо. Чрезмерная старательность была предпринята для гарантии, что Виктора Безупречного можно будет своевременно информировать о развитии событий. При неограниченном финансировании существовала тенденция проектирования основных систем с излишним запасом, и это определенно являлось примером абсурдного излишества. Экраны были повсюду. Они казались вездесущими. Он желал бы лишь прогуливаться и думать, позволить живительным потокам гениальных идей, теорий и анализа течь сквозь его выдающийся разум. Но повсюду, куда ни поворачивал, плазменный экран мучил его тремя нотами оповещения. Что раздражало до крайности.

Ни одна из новостей не имеет никакого значения, обычная ерунда на пути военной машины коммуитариев. Строители, созревшие в коконах школы «Мериуитер Льюис», больше не транслировали данных о своем продвижении. Это не проблема с теми Строителями, это еще одна поломка следящего оборудования, не просто государственной продукции, а *китайского качества*.

Теперь же коммуитарии, отправленные к радиостанции, чтобы захватить ее, также прекратили передачи. Естественно, проблема не в коммуитариях, они являются силой, которую не остановить, идеально спроектированной и произведенной. Все проблемы здесь, на принимающей стороне, в некачественной работе китайского контрольного оборудования, что снова подвело. Без сомнения, случилось это из-за саботажа недовольных работников в Шанхае, Шеньяне или Гуанчжоу, считающих, будто они не должны работать за два доллара в день и оттого вымещающих свою злость на совершенно незнакомых людях, которые будут пользоваться их продукцией в другой части света. По-человечески идиотские экономические системы.

Ответ на каждый сбой одинаков, и Виктор движется дальше, не повторяя его, поскольку коммуитарии всегда действуют согласно той же директиве: *«Сверьтесь с основной программой стратегии и тактики, примените подходящий метод и продолжайте без задержек»*.

В практически бесконечном числе проблем с человеческими существами одной из худших является проблема экономических систем, создаваемых ими. Не важно, коммунизм или капитализм, а может, нечто

среднее, все системы чрезвычайно неадекватны, и в основном по одной и той же причине: каждая основывается на работниках, которые ожидают того или иного рода компенсации за свой труд.

В случае с коммунитариями этого нет. Им не нужны деньги, чтобы ходить в кино, посещать концерты либо приобретать новый роман очередного излюбленного литератора. Они не интересуются такими вещами. Им не нужны деньги на машины или новую одежду, поскольку они просто *берут* то, что им надо. И они не будут постоянно нуждаться и бесконечно жадно потреблять, ведь рано или поздно все они одновременно погибнут. *Вот это* идеальная система экономики.

Чжунхуа Жэньминь Гунхэго. Китайская народная республика. Проблема видна уже в самом названии: народная.

Еще один экран издает три ноты оповещения, и на этот раз рапорт информирует Виктора о том, что Строители, созревшие в доме преподобного Келси Фортиса, прекратили трансляцию несколько часов назад.

Это молчание не было замечено системой контроля до настоящего момента.

Он предпочитает снова спуститься на уровни здания, расположенные ниже тех, что отданы его работе, к миру и спокойствию коридоров и залов, свободных от плазменных экранов. Но там нет коммунитариев, которые заботились бы о его потребностях, он должен оставаться здесь, особенно сейчас. После воздействия бесконечных рапортов о проблемах, являющихся не проблемами, а лишь ошибками мониторинга, ему, возможно, требуется больше внимания, чем обычно.

Когда Виктор заворачивает за очередной угол, его ждет трехногий столик. На нем – охлажденная бутылка воды. Рядом с бутылкой – лавандовое блюдце. На блюдце – две ярко-оранжевые капсулы и кислотно-желтая таблетка размером с десятицентовик.

Виктор удивлен тем, что эти предметы появились перед ним так скоро после приема блестящей красной капсулы и белой таблетки, предложенных ему на желтом блюдце. Однако, естественно, он должен в них нуждаться.

Не только его жизненные показатели, но также и мозговые волны – альфа, бета, дельта и тета – и набор уровней гормонов тщательно телеметрически отслеживаются ежечасно, денно и ночью. В интересах максимальной производительности своего несравненного интеллекта 24/7 он разработал идеальный рацион натуральных ингредиентов – трав, экзотических специй, корней, сверхочищенных минералов – и широкий спектр лекарственных препаратов в тщательно отмеренных дозах, которые

подаются ему, когда телеметрия указывает на их необходимость.

Бутылка воды холодная, да, но кажется Виктору не такой холодной, какой ей следует быть. Для ярко-оранжевых капсул и кислотно-желтой таблетки лавандовое блюдо выбрано неправильно. С другой стороны, ему никогда еще не требовались ярко-оранжевые и кислотно-желтые ментальные стимуляторы одновременно, так что коммунитарии, запрограммированные заботиться о нем, вынуждены были импровизировать. В конечном итоге их не интересовали ни дизайн, ни искусство.

Он проглатывает выставленное. Будучи клоном великого Виктора Франкенштейна, дистиллированным ради пущего сияния его имени, более рафинированным, он не способен на ошибку. Следовательно, коммунитарии, его творения, точно так же не способны ошибаться.

Прошагав еще несколько минут, Виктор начинает чувствовать себя лучше, чем на протяжении последней пары часов. Воды его разума чище, глубже и неизмеримо холоднее, чем когда-либо раньше, они искрятся мыслями, которыми ни человек, ни клон до сей поры не развлекались, великие стаи идей, как косяки серебристых рыб, несутся друг за другом в потрясающих наборах и количестве.

Плазменные экраны долгое время молчат, но затем один из них издает знакомые ноты и сообщает новость: Финансист отменил свой визит. Посетив Денвер по делам, он был в режиме величайшей секретности перемещен с собственным ближайшим окружением в сейфхаус^[40] в Биллингсе. Оттуда рано утром он должен был тайно прибыть в Улей, на вертолете или в кортеже «Ленд-Роверов», если погода будет нелетной. Он должен получить тур по данному бункеру и насладиться тайной поездкой по улицам покоренного города. Вместо этого вернется в Денвер, отменив свои планы из-за трансляции KBOW, которую, согласно его заявлению, записали люди вне Рейнбоу-Фоллс и загружают на многочисленные сайты в интернете.

Виктор планировал незабываемый прием для Финансиста, поэтому недоволен столь абсурдным и трусливым ответом на то, что является просто решаемой проблемой. Коммунитарии уже сейчас применяют подходящие методы и продолжают без задержек. Финансист, однако, – всего лишь человек, пусть богатый и влиятельный, но склонный к ошибкам в суждениях. Когда KBOW будет захвачена, а персонал заменен коммунитариями, они передадут извинения за фейк, распространенный кем-то из персонала. Публика легко возбуждается, но столь же просто ее можно купить на обманное ощущение безопасности. Со временем

Финансист поймет свою ошибку – хотя никогда и не признает ее – и станет благосклоннее, чем раньше.

Виктор Безупречный обладает полным объемом памяти изначального Виктора, а потому ему известно много людей, подобных Финансисту. Они отличаются одинаковыми желаниями и склонностями. Их поведение предсказуемо.

Все будет хорошо во всех областях мира, принадлежащего Виктору Безупречному.

Расти Биллингхем мчался изо всех сил по центру улицы навстречу летящему с ветром снегу, который достаточно заледенел, чтобы снежинки не прилипали к лицу и не таяли, а рикошетили от кожи, словно песок. Несколько раз Расти оглядывался на «трэйлблейзер», ожидая, что тот сдал задом из кустарника и уже гонится за ним, движимый тем, о ком никто бы не стал писать песен, по крайней мере таких, как писал Расти. Но внедорожник не двигался, белокурой же дьяволице, судя по всему, требовалось время, чтобы переварить тех людей.

Это была самая безумная мысль из всех когда-либо приходивших ему в голову, но он знал, что глаза его не обманывают. Факты оставались фактами и складывались так, как складывались, а не как хотелось бы, чтобы они сложились. Имелся лишь один верный способ сделать идеальные соединения «ласточкиным хвостом» для комода, и точно так же невозможно было отрицать, что та блондинка оказалась не женщиной – она была каким-то новым видом хищника, ненасытным. Фильмы готовят людей к мысли о пришельцах. Возможно, она и была им, но сейчас это совершенно не важно. Важно, есть ли поблизости ей подобные и сколько их таких.

Стрекот выстрелов из дома по левую сторону частично ответил на его вопрос. Быстрая очередь разбила окно на втором этаже, осколки посыпались в снег на крыше крыльца. Никто не кричал, но в той части комнаты, которую Расти мог видеть, пульсировали фантастические тени. За первой очередью последовали только два выстрела, то есть либо стрелок, либо его цель погибли, и, скорее всего, выжила не цель.

Он был в хорошей форме, которую поддерживал после войны, и мог пробежать милью, сохранив дыхание таким же размеренным и спокойным, будто всего лишь пересек комнату. Однако сейчас отчаянно ловил воздух ртом, сердце колотилось так, словно Расти пробежал полумарафон. Он хотел жить, но хотел, чтобы выжила и Коррина, именно вероятность потерять ее была механизмом его страха.

Где-то вдалеке, с запада, слишком тихо, чтобы разобрать точнее, раздался еще один крик. Затем кричали несколько человек, трое или четверо, откуда-то с востока, возможно, с параллельной улицы. Когда Расти добрался до следующего перекрестка, по дороге промчались две большие немецкие овчарки, бесшумные, как призраки, слишком испуганные, чтобы

лаять, бегущие от чего-то, с чем даже псы их размера и легендарной храбрости не смели столкнуться.

Пробегая перекресток вслед за собаками, Расти увидел, как что-то пульсирует в небе, далеко на востоке, бледно-желтым светом, внезапно ставшим ярко-оранжевым. Не флагман пришельцев, спускающийся с десантом тварей вроде той, что атаковала «трэйлблейзер», и вообще не объект, это было отражение огня в низких тучах и падающем снеге. Там что-то горело. Судя по масштабу свечения, какое-то большое здание.

Минуту назад он шел домой по снегу и вечер ничем не отличался от сотни других таких же, как вдруг разверзлись врата ада и мир оказался заполнен демонами. Он знал, что другие места могут быть адом или имеют вероятность стать им, но не Монтана же. Где угодно в мире можно было найти тысячи оттенков безумия, однако в родном городе они практически отсутствовали.

Коррина Рингвальд жила в предпоследнем доме этого квартала, по правую сторону. Вот он: небольшой, но красивый, построенный с любовью и хранимый с гордостью, место, которое говорило «дом», «любовь» и «семья». Не то место, где жил бы Норман Бейтс^[41] или Чарльз Мэнсон, а то, где плохие вещи никогда не должны случаться, хотя и могут. Нельзя забывать, что они могут.

Светильник над крыльцом горел, янтарные панели в медной окантовке, ее приглашение для Расти. Она приготовила для них ужин. Он слышал внутри музыку, Рода Стюарта, поющего «Тот, кто меня бережет». Расти нажал на кнопку звонка и снова нажал, не дожидаясь, пока отзвучит первая трель. Он внезапно подумал: а что, если на звонок ответит не Коррина, а вдруг там окажется кто-то вроде блондинки в синем халате? И отступил на шаг, на два, в ужасе оттого, что мог опоздать.

Коррина открыла дверь. Расти никогда в жизни не был так рад видеть кого-то. Она улыбалась, расслабленно. Музыка не дала ей услышать звуков поднимающегося снаружи хаоса.

Открывая дверь, Коррина сказала:

– Сегодня наше блюдо вечера – жаркое... – Но она с первого взгляда прочитала выражение его лица, и ее улыбка застыла. – Что? Что случилось?

Расти оглянулся на улицу. Пустынную. Пока что.

Он не стал разуваться, вместо этого взял девушку за руку, переступил порог, закрыл дверь и запер ее. Выключил свет над крыльцом, затем лампы в фойе.

– Выключи свет. Во всех комнатах. Они могут подумать, что никого нет, и не станут входить.

Она в ужасе спросила:

– Кто?

Он двинулся в гостиную, выключая лампы.

– Сначала свет, потом я объясню.

– Расти, ты меня пугаешь.

– Черт, я этого и хочу. *Быстро!*

Он никогда не повышал на нее голос. Она слишком хорошо его знала, чтобы оскорбиться, и поэтому поторопилась выполнить его просьбу.

Расти выключил CD-плеер и прошагал в темноте к одному из окон гостиной, чтобы выглянуть из-за шторы. Оттуда открывался угол обзора на улицу, на юг, в направлении, с которого он пришел.

Там не было ничего. Ни машин. Ни женщин, которые не являлись женщинами. Ни бегущих собак.

Коррина вернулась в гостиную через темноту, в которую погрузился дом.

– Где ты?

– Здесь, – сказал он и провел ее к противоположной стороне окна, чтобы они стояли напротив друг друга, но не прямо перед стеклом.

Он видел только ее очертания и очень бледное лицо, слегка подсвеченное уличными фонарями.

– Я пыталась позвонить 911, – сказала она. – Телефон не работает.

– Следи за севером улицы. Мне видно южную часть.

– У меня мурашки по коже. Что мне нужно отслеживать?

– Все. Скажи мне, как только что-то увидишь. Там была женщина, стояла на улице, просто стояла, словно в трансе. Она попросила помочь ей. Так и сказала: «Помоги мне», – и я направился к ней. А люди, подъехавшие в «трэйблейзере», опустили окно, чтобы спросить у нее, что случилось, и она убила их, всех.

– Господи!

– Будь я ближе, она убила бы и меня.

– Застрелила их? – спросила Коррина. – Что? Она просто так их застрелила?

Мозг Расти лихорадочно работал над тем, что еще нужно сделать.

– Мои следы на снегу. На дорожке к крыльцу. Возможно, *они* придут не сразу, возможно, времени хватит, чтобы ветер и снег стерли отпечатки там.

– Они? Ты сказал «женщина».

– Следи за улицей. Не отводи от нее взгляда. Она там не одна. Они убивают людей по всему городу. Снаружи это слышно. Крики. Выстрелы.

Что-то горит с восточной части города. Но никаких сирен, словно всем все равно или пожарных уже не осталось.

– Расти, тебе ведь не свойственно так шутить.

– Я и не шучу. – Аромат жаркого и отварного картофеля послал в его мозг сигнал о новой опасности. – Если они придут сюда и увидят, что ужин почти на столе, они поймут, что мы в доме. Не важно, где мы спрячемся, они будут искать, пока не найдут нас. Слушай, здесь оставаться нельзя. Лучше всего сбежать, как собаки, и попытаться найти помощь.

– Собаки?

– Я никогда не видел собак в таком ужасе.

– Сюда идут люди, – сказала она, – шагают по центру улицы.

Расти не видел их со своего наблюдательного пункта, однако не сомневался, что кавалерия прибыла. Все происходило быстро, как в перестрелке, вот только этому врагу оружие не требовалось, а у Расти его не было.

– Сколько?

– Восемь. Они странные.

– Чем странные?

– Шагают по двое, смотрят прямо перед собой, идут, но в то же время как будто маршируют. Пять женщин, трое мужчин. Все одеты не по погоде.

Подавшись вперед, Расти набрался смелости и мелькнул в окне, чтобы взглянуть на север.

Коррина сказала:

– Кто они, какие-то артисты, судя по их виду?

Он снова отстранился от окна, сердце грохотало почти так же, как во время его бега по улице.

– Они не люди. Я понятия не имею, что они такое.

Что-то, замеченное в поведении тех восьми, невероятно беспокоило Коррину, поэтому она не стала уточнять его странное замечание.

– Пойдем, – сказал он. – Быстрее к черному ходу, нам необходимо выбираться отсюда!

Войдя за ним в фойе и открывая шкаф, Коррина промолвила:

– Мне нужно надеть пальто и сапоги.

– Хватай пальто. Нет времени обуваться.

Она натянула пальто на ходу, когда они поспешили к задней части дома.

Расти шел первым. Как только переступил порог темной кухни, он увидел очертания фигуры, стоящей на заднем крыльце, почти различил лицо в окне. Расти отступил в коридор, потянув Коррину за собой.

– Один уже здесь.

Они пробежали по коридору к фойе, и тут зазвучал дверной звонок. Одна из тех тварей наверняка стояла на переднем крыльце.

– Наверх, – прошептал он, держа девушку за руку, чтобы она не оступилась на темной лестнице.

В доме Снайдеров шеф Рафаэль Хармильо и равноправный с ним коммуитарий, помощник Курт Невис, обнаружили сидящим в кресле в гостиной Уоррена Снайдера, владельца радиостанции KBOW. Его жена Джуди Снайдер и их девятнадцатилетний сын Эндрю сидели на диване. Они оставались неподвижны, поскольку им приказали не двигаться, но в их глазах светился ужас. Их уже много часов назад должны были забрать и отвезти на один из складов для переработки Строителем. Но они сидели на месте. Сын, похоже, обмочился на диване.

Репликант Джуди Снайдер была оставлена здесь наблюдать за троицей, однако ее не оказалось рядом. Хармильо и Невис обнаружили ее обнаженной на кухне.

Раздетая копия стояла на четвереньках у ведра с ароматизированным сосной моющим средством, оттирая пол щеткой и разнообразными губками. Она не подняла взгляда, сосредоточившись исключительно на половых плитках.

– Что ты делаешь? – спросил Хармильо.

Репликант ответила:

– В этом доме нет опрятности. Где нет опрятности, не может быть порядка. У них есть кошка. Она линяет, как целый десяток. Шерсть, шерсть, шерсть повсюду. Я рада, что мы убьем и всех кошек тоже. Я подметала и подметала, пока наконец не убрала всю шерсть, однако я еще не смотрела на верхних этажах. Уверена, там бардак. Я выбросила лоток, он был отвратителен. Но кошачья шерсть и наполнитель – это лишь половина дела. Кухонные шкафы нужно было оттереть. Особенно плитку. Плитка была грязной. И холодильник, а теперь эти полы. У меня уйдут часы на эти полы. В особенности на плитку.

– Почему ты голая? – спросил Хармильо.

– Я заметила, что моя одежда измялась. Это меня беспокоило. Я не могла перестать думать о мятой одежде. Я не могла думать, поэтому разделась и выгладила вещи, доведя их до идеального состояния, и снова надела. Но знаете, что потом произошло? Я не успела ничего сделать, я только немного подмела пол и снова увидела на одежде складки. Пришлось снимать ее и снова гладить, а потом вещи *опять* измялись, так что я сняла их, погладила и не стала надевать, оставила там, где они не смогут помяться.

– У Уоррена есть запасные ключи от радиостанции? Где он их держит?
Ревностно оттирая грязные швы между плитками пола, коммунитарий Джуди сказала:

– Я не знаю. Я не загружала память этой тупой суки. Мне это не требуется, поскольку тупой сукой мне пришлось притворяться только для того, чтобы ее идиотского сына смог прострелить его репликант.

Хармильо вернулся в гостиную, а помощник Невис остался смотреть, как Джуди трет пол.

– Уоррен, – сказал он генеральному директору KBOW. – У тебя есть запасные ключи от радиостанции?

Рот Уоррена Снайдера задрожал, но мужчина не ответил.

– Ты не можешь сдержаться и проигнорировать мой вопрос, – сказал Хармильо. – У тебя нет силы для сопротивления.

Уоррен неохотно сказал ему, где найти ключи. Они были в хозяйственном ящике на кухне.

Когда Хармильо вернулся туда, помощник Невис стоял на четвереньках и губкой очищал пол, помогая Джуди.

– Что ты делаешь? – спросил Хармильо.

– Единственная добродетель – эффективность, – сказал Невис. – Единственный грех – неэффективность. Нельзя добиться эффективности в неупорядоченной обстановке.

– Да, но это не твоя обстановка. Поднимайся и помоги мне.

В ящике оказалось множество ключей. К счастью, они были помечены, хотя и не единообразно. Через сорок девять секунд шеф нашел ключи от KBOW. В упорядоченном ящике он нашел бы их за секунду, максимум за две. Ему хотелось навести порядок в ящике, но он сумел лишь просто закрыть его.

Помощник Курт Невис, будучи равным своему шефу Хармильо, как равны друг другу все коммунитарии, решил не сопровождать его к радиостанции, а вместо этого остаться в доме Снайдеров и отмывать плитку. Он заметил, что они срочно нуждаются в его внимании.

Когда Девкалион вывернул с парковки перед аббатством Святого Варфоломея на подъездную дорожку к дому Сэмплсов, Карсон О'Коннор уже ждала его. Она не дала ему выйти из машины, заговорив с ним через открытую дверь:

– Здесь только трое новых детей. Майкл их сейчас развлекает. Но главная новость – радиостанция. Была неудачная попытка ее штурма. Теперь с Мэйсоном Морреллом в эфир вышел агент ФБР, некий Фрост. И они сказали, что с ними там один из новых людей Виктора, который перешел на нашу сторону.

Глаза Девкалиона запульсировали светом из иного места и времени.

Она вспомнила, как впервые увидела эти глаза в Новом Орлеане, в квартире Бобби Олвина, где все было черным – полы, стены, потолки, мебель. Она опасалась Девкалиона в тот момент, но не боялась, потому что никогда и никому не позволила бы контролировать ее с помощью внушения страха. В ответ на ее подозрения он сказал: «Я больше не монстр. Я твоя главная надежда». Он был прав тогда, и это все еще оставалось правдой.

Глядя на нее с водительского сиденья грузовика, Девкалион промолвил:

– Карсон, это момент истины. На сей раз мы покончим с ним, покончим со всем этим. Мне были даны... поводы верить, что это его последний день. Но, на случай, если он убьет меня или тебя и Майкла – всех нас, – пока мы будем его убивать... скажу, что для меня было честью познакомиться с вами, быть вашим другом и союзником.

Карсон потянулась вверх и взяла его огромную ладонь в свои. Вначале она не могла говорить, лишь сжимала его руку. Но потом сказала:

– Ты не умрешь.

– Я давно пережил смерть. Каждый человек рождается смертным, но я был рожден из смерти, из трупов, и я не боюсь своего конца. Я люблю этот мир, его красоту, однако не может быть ничего лучше, чем умереть, защищая его.

– Даже если ты погибнешь, – сказала она, – ты умрешь не навсегда.

Он улыбнулся, свет запульсировал в его глазах, и Девкалион сказал:

– Поцелуй от меня Скаут.

Когда она шагнула назад, он захлопнул дверцу. Она увидела, как грузовик сделал полуразворот – и пропал.

Прибыв от дорожки Сэмплов, фургон переехал мертвецов, лежащих на парковке KBOW. Они, конечно, не являлись людьми, это была новейшая раса Виктора, столкнувшаяся с сопротивлением, вооруженным куда лучше, чем они когда-либо могли предполагать.

Выбравшись из грузовика, Девкалион понял, что эти отбитые нападавшие мертвы совсем недолго, несколько минут. Те, кого он *не* переехал, были только слегка припорошены свежим снегом.

Он обошел труп и отправился к инженерному центру здания.

– Вы поймали одного из них?

Ральф Неттлс поднял взгляд от контрольной панели, и в его глазах читалось не удивление, а скорее вопрос «Где тебя так долго носило?»

– Не я. Какой-то нервный старик. Он сейчас в кабинете Сэмми с репликантом копа по имени Барри Бозман.

Когда Расти Биллингхем и Коррина добрались до верха темной лестницы, дверной звонок прозвучал снова. В обычных обстоятельствах он был бы даже приятен, два такта какой-то классической мелодии, возможно, что-то из Бетховена, однако сейчас каждая нота казалась ледяной и зловещей, пробирала так, словно ее играли на позвоночнике. Дважды, с малым перерывом, нажимать звонок на двери совершенно темного дома – это напоминало насмешку, если не издевательство. Они говорили: «Мы знаем, что вы там. Если не выйдете поиграть, мы организуем игру у вас».

На крыше переднего и заднего крыльца открывались окна. Но на каждом крыльце стояли убийцы, кого бы или что они собой ни представляли. Выхода не было, только вверх.

– У тебя есть чердак? – спросил Расти.

– Да, но...

– Где в него вход?

– В шкафу главной спальни.

Зазвенело разбитое стекло. Звук донесся из задней части дома.

– Показывай дорогу, – сказал Расти. – *Быстро!*

Он всего раз бывал на втором этаже ее дома, во время экскурсии перед ужином, тогда они держали в руках по бокалу хорошего красного вина и вечер был предельно приятным, а мир абсолютно *нормальным*. Она знала свой дом гораздо лучше, и даже в темноте, в неверном свете, проникавшем сквозь окна, Коррина провела его по коридору, через дверь, по спальне, в большой шкаф.

Внизу снова ударили по стеклу, Расти закрыл за ними дверь и нащупал шнурок выключателя. С люка в потолке свисал шнур. Парень потянул, люк открылся, запели тугие пружины, и показалась складная лестница.

– Но с чердака нет другого выхода, – сказала Коррина. – Мы окажемся в западне.

Вытаскивая лестницу, Расти прошептал:

– Я не буду подниматься. Только ты. – Он распустил простой узел, удерживавший шнур на кольце с нижней части люка. – А я их отвлеку. Насколько им известно, я единственный человек в этом доме. Если они поймут меня, то могут не так тщательно обыскивать все.

– Нет. Я тебе не позволю.

– Глупо умирать нам обоим, – прошептал он, схватил ее за плечи и

поцеловал так, как никогда не целовал в течение их совершенно платонического романа, а затем промолвил: – Давай. Вверх!

Она забралась в темноту.

Когда достигла верха, он сказал ей вслед:

– Сиди тихо.

Коррина, обернувшись, посмотрела вниз, бледная, как церковная облатка.

– До... долго?

– Пока я не вернусь.

Она не спросила, что делать, если он никогда не вернется. Коль спросила бы, он не знал бы, что ответить.

Когда Расти свернул лестницу, оставляя Коррину на чердаке, противовесы закрыли люк с мягким стуком, заставившим его вздрогнуть. Отвязанный шнур он сунул на полку над ее висящей одеждой.

Выключив свет в шкафу, парень секунду постоял, прижавшись ухом к двери и прислушиваясь к активности в спальне. В комнате царил тишина, но он знал, что это может быть молчание чего-то затаившегося и ожидающего.

Он приоткрыл дверь. В спальне было темно, за исключением двух оконных прямоугольников, едва выхваченных из темноты светом заснеженных уличных фонарей.

Расти переступил порог и миг спустя различил открытую дверь в коридор верхнего этажа, чуть менее темную на фоне черной стены.

Если бы нечто, подобное блондинке в синем халате, ждало его там, оно бы уже атаковало. Он слишком ярко помнил змеиную скорость, с которой она набросилась на людей в «трэйлблейзере».

Нагнувшись вперед, выставив перед собой руки, чтобы не наткнуться в темноте на мебель, Расти двинулся к двери. Ему нужно было как можно быстрее забраться подальше от спальни, прежде чем привлечь к себе внимание и уводить их прочь от Коррины. Он оцупал кресло, прошел мимо высокого комода и достиг двери, не издав ни звука.

Во рту парня пересохло, будто от соли. Желудочный сок жег его до самого горла, как не бывало с ним со времен войны.

Долгое время он стоял в дверном проеме. Тишина, словно в вакууме на Луне, намекала на то, что убийцы либо не входили в дом, либо уже покинули его.

Он сделал два шага в коридор и снова замер, прислушиваясь. Окон здесь не было. Слабый свет, проникавший в окна фойе и освещавший пролет лестницы под ним, ничего больше не выдавал.

Тишина. Тишина. Далекое *дзинь-дзинь-дзинь*. Ему показалось, будто звук доносится с первого этажа. *Дзинь-дзинь-дзинь*. Он ошибся. Не снизу. Из дальнего конца непроглядно темного коридора, где он стоял. *Дзинь-дзинь-дзинь. Дзинь-дзинь. Дзинь-дзинь*. На этот раз Расти лучше определил источник: он находился на расстоянии вытянутой руки от него.

Намми О'Бэннон иногда слушал радио, но никогда еще не был там, где его делают. Внутри не оказалось ни музыкантов, ни певцов, которых он ожидал увидеть. Комнаты были в основном кабинетами, кроме той с пультом от космического корабля, где работал мистер Ральф Неттлс, а все столы были совершенно неаккуратно завалены вещами.

Мистер Лисс присматривал за сломанным монстром Ксероксом Боза в одном из кабинетов, а Намми наблюдал за ними обоими. Он боялся, что Ксерокс Боза начнет совершать грязные чудовищные делишки, потому что здесь не было для него пианино, поэтому Намми за ним и следил. И за мистером Лиссом тоже, потому что старик всегда делал что-то интересное, даже если это интересное было из тех дел, которые бабушка не одобряла.

Несколько минут вокруг было спокойнее, чем с тех пор, как Намми познакомился с мистером Лиссом, а потом случилась самая странная штука за весь этот странный день. И даже самая важная штука в жизни Намми с тех пор, как бабушка умерла и он остался один.

В комнату вошел человек. Такого большого Намми никогда не видел, и большим он выглядел не потому, что был толстым, а так как был высоким и очень мускулистым, что сразу понял Намми, несмотря на плащ с капюшоном, который надел на себя этот мужчина. Он казался больше Бастера Стилхаммера, реслера, а руки у него были такими большущими, что он мог делать фокусы с исчезающими яблоками, а не с монетками, как большинство магов. Половину его лица покрывала татуировка, но это не главное. Второй самой важной вещью из тех, что случились с Намми, оказалось то, что он увидел глаза гиганта.

Когда великан посмотрел на Намми, в его глазах задвигался свет, совсем как в больничном аппарате, на том экране, который показывал бабушкино сердцебиение, только этот свет был ярче, мягче и совсем не страшный, а красивый и успокаивающий. Намми не понял, почему свет в глазах человека не испугал его, особенно в сочетании с испорченной половиной лица и татуировкой, – но потом он *понял*.

Бабушка говорила, что на земле живут ангелы, ангелы-хранители, однако они работают втайне и их непросто отличить от других людей, потому что у них нет крыльев и нимбов. Она говорила, иногда их можно распознать, если увидишь свет любви в их глазах. В них так много любви, говорила бабушка, что иногда они не могут удержать ее всю внутри, они

выдают себя светом своих глаз.

Намми раньше ни разу не видел ангела, а теперь увидел, и ангел сказал Намми:

– Не бойся, сынок. Ты переживешь эту ночь. А через пятьдесят дней все изменится к лучшему.

Потом ангел взглянул на Ксерокса Боза и еще долго смотрел на него, а затем сказал мистери Лиссу:

– Ты утверждаешь, что этот репликант сломан.

Мистер Лисс, наверное, не видел ангельского света в глазах большого человека – или, если видел, не понял, что это такое. Для старика самым важным было одно слово из сказанных ангелом. Он выпучил глаза, и волосы у него встопорчились сильнее обычного, как у мультяшного зверя, вся шерсть которого встала дыбом из-за того, что он попал лапой в розетку.

– *Утверждаю?* – спросил мистер Лисс. – *Утверждаю?* Это такая оговорка, чтобы не пришлось говорить мне в лицо, будто считаешь меня лживым сукиным сыном? Ты являешься сюда как к себе домой, твоя красивая морда татуирована похлеще задницы рок-звезды, и ты мягенько так намекаешь, что Конвей Лисс на самом деле лжец? Да с теми, кто называл меня лжецом, я поступал хуже, чем Сталин с котятами, а он, *поверь мне*, ненавидел котят. Он вырывал им глотки зубами, если мог поймать. Эта штука, которая должна была называть себя Барри Бозманом, сломана так сильно, что любому дураку, кроме тебя, все сразу видно. Посмотри на его виноватую рожу, как он скорчился на этом стуле. Он запрограммирован не убивать себя, а хочет, чтобы я убил его, но я этого не сделаю, пока не буду готов и уверен. *Никто* не станет мне указывать, когда кого убивать, даже поломанное чудовище Франкенштейна!

Намми видел, что ангел среагировал на имя Франкенштейн, однако не спросил мистера Лисса, в своем ли тот уме, и не назвал его лжецом. Он вообще ничего больше не сказал старику, лишь подошел к Ксероксу Боза и остановился над ним, глядя сверху вниз. Ксерокс Боза попросил ангела убить его, и Намми думал, ангел ответит, что не может, ангелы такого не делают. Вместо этого ангел очень мягко сказал:

– Я твой брат. Две сотни лет разделяют наши... рождения. Ты узнаешь меня?

Ксерокс Боза долгое время смотрел ангелу в глаза, а потом тихо произнес:

– Я... не знаю.

Мистер Лисс очень расстроился по поводу брата и захотел узнать, что это за чертов слет монстров. Никто, даже Намми, не обращал внимания на

ворчание старика.

Ангел спросил у Ксерокса Боза:

– Что твоя жизнь?

– Стрдание.

– Ты готов остановить его навсегда?

– Я не смогу поднять руку на моего творца.

– Думаю, я могу. И подниму. Где он?

– В Улье.

– Возможно, ты не сломан.

– Но я сломан.

– Возможно, ты здесь, чтобы заманить меня в ловушку.

– Нет.

– Помоги мне поверить, что я могу тебе доверять, – сказал ангел.

– Как? – спросил Ксерокс Боза.

– Он не называет это Ульем.

– Нет. Это наше слово.

– Как он называет то место, какова вывеска той организации, за которой он скрывает свою работу?

– Движение к Идеальному Миру, – сказал Ксерокс Боза.

Помолчав, ангел спросил:

– Ты знаешь, где оно находится?

– Да.

– Покажи мне.

Ксерокс Боза поднялся со своего стула, и ангел провел его в коридор. Намми пошел следом, ему было интересно все, что делает ангел, а мистер Лисс ворчал по поводу чего-то. Они подошли к карте на стене другого кабинета, и ангел сказал, что там демонстрируется радиус вещания KBOW, что бы это ни было. Он показал, где Рейнбоу-Фоллс и где округ и часть земли за округом, а потом попросил Ксерокса Боза указать место, которое называлось Ульем. Монстр указал. Ангел заявил, что они отправятся туда вместе и если это место окажется тем, что сказал монстр, то ангел подарит ему «милость быстрой и безболезненной смерти», что звучало неплохо, если не считать части про смерть.

Отвернувшись от карты и внимательно посмотрев на мистера Лисса, ангел сказал:

– Пятьдесят дней спустя ты получишь свой шанс. Используй его с умом.

По поводу карты мистер Лисс ворчал вполголоса, но чуть погодя снова завелся:

– Да черт возьми, сначала ты в первый миг знакомства называешь меня лжецом, а теперь намекаешь на что-то? На то, что я обычно головой не думаю? Учитывая, что это не мне половину лица поездом снесло и не я пытаюсь это спрятать под шизоидными чернилами, ума у меня побольше, чем вот тут у некоторых.

Вместо того чтобы ответить мистеру Лиссу, ангел окинул взглядом Намми и улыбнулся. Он положил на голову Намми руку и пригладил ему волосы, почти совсем как бабушка делала раньше, и у Намми глаза наполнились слезами, хотя он не понял почему.

Он пытался сморгнуть эти слезы в тот момент, как произошла следующая вещь, поэтому не знал, правильно ли все рассмотрел. Но выглядело это так: ангел взял Ксерокса Боза за руку, повернулся с ним, словно собираясь выйти из комнаты, однако во время поворота исчез.

Мистер Лисс произнес ужасное ругательство из семи слов, так что хорошо, что ангел не мог его слышать, и выбежал в коридор, разыскивая пропавших двоих. Между тем никого не нашел.

Намми последовал за мистером Лиссом обратно в комнату, где они присматривали за Ксероксом Боза.

Они устроились на стульях, и Намми смотрел на старика, который долго сидел, подавшись вперед и обхватив голову руками. Намми хотелось спросить, не болит ли у мистера Лисса голова и не принести ли ему аспирина, но он не собирался заводить старика неосторожным словом.

Через долгое время мистер Лисс посмотрел на парня.

– Персик, помнишь, раньше я говорил тебе, что это гораздо больше, чем просто пришельцы или Франкенштейн, что сегодня ночью в городе орудует большее зло?

Намми кивнул:

– Большее зло и еще кое-что.

– Я сказал тебе, что мы уже десять раз как должны быть мертвы, и я уверен, мне известно, почему мы не умерли.

– Вы сказали, объясните эту часть позже.

– Так вот, причина, по которой мы не мертвы – причина, по которой я не помер, – в тебе и в том, какой ты. Я сейчас много объяснять не буду. Что я хочу сказать... я на некоторое время забыл о сказанном мною раньше. У меня из головы вылетело, что сегодня работает нечто большее, и я просто вернулся к старому себе. Ну и меня прищучили. Знаешь, что это означает?

– Нет, сэр, – ответил Намми.

– Меня присмирили. Мне показали меня таким, какой я есть, а не таким, каким хочу казаться. Персик, я очень постараюсь хорошо вести себя

с тобой, но, когда буду соскальзывать назад, к старому себе, просто не обращай на меня внимания. Со временем я исправлюсь. Я бестолковый, раздражительный, невожатанный сукин сын и ненавистник всего человечества, и, может, я могу измениться, но не запросто и не за одну ночь.

Намми удивленно спросил:

– А каких людей вы ненавидите?

– Всех. Всех, с кем когда-либо встречался. Кроме тебя.

Когда Карсон вернулась в дом, после того как Девкалион отправился на свою, возможно, последнюю встречу с Виктором, Майкл в гостиной играл в «куда я спрятал твой нос» с тремя младшими детьми, ожидавшими эвакуации, а дети смеялись от радости. Она стояла и наблюдала за ним с любовью, думала о маленькой Скаут и о своем брате Эрни, которые остались в Сан-Франциско. Как вдруг услышала крик.

Кричали снаружи. Перед домом. За первыми криками последовали быстрые очереди выстрелов. Что-то вломилось в охраняемый район.

Всадники, находившиеся в гостиной, схватили свое оружие. Один метнулся к запертой входной двери, заложил толстую доску в заранее прикрученные к косяку стальные скобы, чтобы лучше блокировать атаку на этот вход.

Карсон заглянула в прилегающую гостиную, где Всадницы, всегда будучи начеку, бросили свои кулинарные занятия и взялись за оружие.

Она знала – возможно, слишком хорошо знала, – в этой войне не победить огневой мощью. Те Строители на видео с телефона за доли секунды проглотили Джонни Танкредо и других Всадников в «Пикинг энд грининг», их не остановишь пулями. Их не поразишь *ничем*, что могло бы справиться с обычным нападающим. В самый худший момент шторма она, Майкл и те, кого они собрали, не могли биться, чтобы победить, – только чтобы задержать врага.

Коль они смогут достаточно долго удержать позиции, Девкалион получит время на поиски крысиной норы своего создателя и отправится туда за ним. Если клон Виктора Гелиоса, он же Франкенштейн, был таким же дефективным, как и его прототип, а судя по всему, так и было, он ни за что не допустил бы возможности того, что созданные им существа смогут жить после его смерти. В Луизиане убийство Виктора гарантировало смерть всем сотворенным в его лабораториях.

Стрельба прекратилась. Крики сменились смущенными восклицаниями. Что-то сильно ударило во входную дверь. Засов и перекладина выдержали первый удар, второй, третий.

Слева от двери разлетелось окно. Светильник над дверью превращал белокурые волосы молодой женщины, стоявшей на крыльце, в сияющий нимб, ее прекрасное лицо словно вбирало свет, льющийся из гостиной, и возвращало дважды усиленным. Она, несомненно, была Строителем, но не

выглядела спокойной и не от мира сего, как подобные ей на снятых в клубе видео. Лихорадочные голубые глаза женщины горели ненавистью. Идеальные, словно в рекламе зубной пасты, зубы были оскалены в беззвучном рыке. Она казалась дикой, злобной, влекомой немислимым голодом. Всадники укрепили окно, забив его толстыми досками, это привело ее в ярость, она впивалась в доски ногтями, вырывая из них щепки. Она открыла рот, будто собиралась закричать, но прозвучало лишь нечто, напоминающее звук измельчителя отходов, перемальвающего полусгнивший фрукт, и отчасти треск механизма ярмарочной машины для предсказаний. Из ее рта вылетело тонкое серебристое облачко, словно она пыталась откашляться от дыма, однако затем облачко влетело назад в ее губы.

Один из Всадников шагнул мимо Карсон, просунул дуло дробовика между досками и всадил четыре пули в лицо Строителя, выстрелы оглушительным громом прокатились по комнате.

Смертоносные жемчужины картечи она приняла столь же равнодушно, как мог бы принять их в себя спокойный пруд: раздавшаяся эмульсией плоть, мимолетные углубления, рябь по поверхности тканей, а затем снова прежняя гладкость.

Строителя стошнило чем-то, похожим на массу влажного пепла с вкраплениями серебристых блесков, масса обтекла дымящееся дуло дробовика и выдернула его из рук пораженного Всадника, который отшатнулся, упал и отполз подальше. Отвратительная серая масса щупальцем втянулась обратно между досок, увлекая за собой оружие и растворяя его по пути. Ореховый приклад, грохнув по деревянным доскам, исчез во всасывающей пасти, настолько гротескной, что Карсон больше не могла думать об этом существе «она», вне зависимости от формы, которую оно могло принять.

Но Строитель не вернулась в образ мисс Вселенной, эта тварь в приступе ярости – если ей были доступны аналоги человеческих эмоций – проникла в дом в виде роя. Он струился тремя потоками между приколоченных к окну досок, однако в гостиной все три слились воедино.

Майкл затолкал детей в угол. Сам он вышел вперед, чтобы послужить им живым щитом.

Пока рой вздымался к потолку, Карсон успела встать рядом с мужем. И он, и она держали «Урбан Снайперы», которые могли бы остановить разъяренного быка – но не задержать Строителя.

Рой наноживотных кружил над их головами, гудя и шипя, исследуя границы пространства, словно миллиарды существ совещались, кого

проглотить следующим.

Интуиция, похоже, подсказала собравшимся у гостинной Всадникам, Карсон и Майклу одно и то же: рой может среагировать на движение, так что пошевелившийся первым, скорее всего, первым и погибнет.

Девкалион и репликант Бозмана прибыли на Шоссе конца света в густую метель. Прямая дорога спускалась с вершины холма за их спинами, исчезая впереди, уходя на запад. Пустынные белые полосы терялись в падающем снегу, бесконечной белизной утекая во тьму, которая в этот момент выглядела вечной. По обе стороны дороги стояли высокие вечнозеленые деревья, напоминая вздымающиеся стены огромного замка, их ветви еще не полностью утонули в снегу, и слабый запах казался почти что сладким в свежем от мороза воздухе.

Ни единого следа шин не виднелось на заснеженных полосах шоссе, что было неудивительно, поскольку никто не жил вдоль этих двадцати четырех миль дороги. Стояла тихая ночь, словно холодная война в прошлом стала горячей и ядерный взрыв стер с лица земли все человечество, оставив лишь звуки редких землетрясений, движущейся воды и ветра.

– Где? – спросил Девкалион у репликанта, которого держал за руку.

– Прямо на север, в лес, как минимум на двести ярдов. Лучше на триста.

– Следуй со мной, – промолвил Девкалион и перенес их в лес.

Великолепно дикий, безграничный и при этом уютный каждым участком, обрамленным деревьями, при свете дня лес мог напомнить кафедральный собор, однако ночью он выглядел скорее как множество исповедален. Репликанту могло показаться, что это дикая чаща, но для Девкалиона здесь были бесконечные комнаты, граничащие друг с другом и расходящиеся во всех направлениях, а воздух в них пропитали и приправили естественные благовония сосен и альпийских пихт. Поскольку в дневное время солнечный свет почти не достигал лесной почвы, здесь не было мешающего подлеска, и, хотя голые ветви изрядно клонились под весом снега, только редкие снежинки проникали сквозь вечнозеленые кроны вниз, крошечными холодными поцелуями касаясь его лица.

– Где? – снова спросил он. И репликант ответил:

– Внизу.

Девкалион смотрел на землю под ногами, пока не ощутил пласт породы под ней, глубокий, плотный... но затем, еще ниже, – пустотелые пространства, королевство странных комнат.

– Поворачивайся вместе со мной, – сказал он репликанту, и в повороте

они шагнули из лесной молельни в длинный коридор с белыми стенами и серым полом.

Тишина здесь была полнее той, что осталась в лесу над ними, словно этот улей давно покинула его королева, а рабочие пчелы и трутни улетели за ней.

Но, сделав несколько вдохов, Девкалион понял, что прибыл в логово Виктора: ныне Виктора Лебена, клона Виктора Гелиоса и, несмотря на все годы и все псевдонимы, вечного Франкенштейна. В красноречивом запахе, который он учуял, не было феромонов, пота и крови. Но он почувствовал влажный камень стен старой мельницы, ставшей первой лабораторией этого великого человека в далекой Европе, и запах озона от электрических дуг между полюсами загадочных и примитивных машин, смрад собственной, недавно мертвой плоти, который остался даже после момента успешного оживления. Его создатель шагал по этому хранилищу секретов и с каждым шагом приближался.

– Убей меня, – попросил репликант Бозмана, и Девкалион даровал ему это милость, сломав шею и мягко опустив на пол.

* * *

Их совершенно не беспокоили крики и грохот ног над головой.

Эддисон Хок трудился с Эрикой в гостиной, переставляя диваны, кресла и пуфики с намерением использовать их в качестве кроватей и открыть больше пространства на полу для заменяющих матрасы квилтов – стеганых покрывал, полотенец, плотной зимней одежды и других вещей.

Работая так, они ближе познакомились друг с другом. Эддисон не припоминал ни единой женщины, с которой мог бы настолько легко говорить, в компании которой чувствовал бы себя так уютно. Он не был дамским угодником. До донжуана ему было так же далеко, как кухонной фольге до серебра. И все же эта красивая женщина заворожила его настолько сильно, что он говорил и говорил, не испытывая обычной застенчивости, всегда мешавшей ему в отношениях с прекрасным полом.

На лестнице в направлении кухни раздался грохот множественных шагов, сопровождаемый писком и криком.

Красота Эрики, конечно, поразила его в первую очередь, но вскоре внешность отступила на задний план в сравнении с иными многочисленными ее качествами. Она была спокойной и уверенной, она, похоже, знала, что именно и в какой момент следует делать даже в

подобных странных обстоятельствах. Она излучала житейскую мудрость, такую, будто побывала везде и видела все на свете, между тем оставалась скромной, однако без уступчивости, сдержанной без застенчивости, мягкой, но не покорной.

По коридору первого этажа теперь приближался веселый звон колокольчиков.

Эддисон находил Эрику настолько многогранной, что она становилась для него таинственной. И он не знал, как она может оставаться такой при ее открытости и дружелюбии. Она вызывала в нем восхищение вкупе с любопытством. Было в этой женщине нечто сокрытое, недоступное обычному восприятию, почти мистическое.

За аркой в коридоре первого этажа появился Джоко в одной из своих четырнадцати шапок с бубенчиками, возглавляя «паровозик» из детей, часть которых красовалась в оставшихся тринадцати шапках.

– Влево шаг, вправо шаг и вперед, оп-оп. Влево шаг, вправо шаг и вперед, оп-оп. *Пируэт!*

Эрика отвлеклась от своей работы, чтобы понаблюдать за процессией. Ее мягкая улыбка была доброй, истинно материнской. Эддисону хотелось поцеловать эту улыбку, не просто Эрику, но улыбку, дабы узнать ее вкус и ощутить ее спокойствие.

Джоко, добравшись до передней лестницы, начал подъем.

– Три ступеньки вверх, одна ступенька вниз, хлопай попой, *хлоп-хлоп-хлоп!* И три шага вперед, и шаг один назад, захрюкать, как свинья, я *рад-рад-рад!*

Когда все дети поднялись за Джоко, а хлопанье и хрюканье стихло, Эрика сказала:

– Сегодня они будут хорошо спать.

– Особенно Джоко, – добавил Эддисон.

– О, Джоко редко спит. Иногда он втыкает столовую вилку в розетку и отключает себя на час. Не знаю, почему его не убивает это, но не убивает, а мне пришлось научиться с этим жить.

* * *

Расти, стоя в темном коридоре рядом со спальней Коррины Рингвальд, знал: что-то стоит слева, на расстоянии вытянутой руки от него, и предполагал, что стоит там еще одна мерзость вроде той, которая убила людей в «трэйлблейзере». *Дзинь-дзинь-дзинь*. Он не слышал дыхания, но,

возможно, этим тварям не требовалось дышать. *Дзинь-дзинь*. Он ждал, что эта тварь кинется вперед и растворит его или сделает что-то еще, как с людьми во внедорожнике, однако существо просто стояло там в бархатной темноте. *Дзинь-дзинь*.

Он хотел было сбежать вправо, добраться через тьму к смутному свету, проникавшему на лестницу от окон первого этажа. Но спохватился, подумав о том, что другая тварь может ждать его там, что его загоняют, он обречен, куда бы ни повернул. Расти слишком давно вернулся с войны, его нервы стали гражданскими, он не мог за такое короткое время справиться со страхом смерти, как справлялся с ним на поле боя.

Спустя всего лишь полминуты Расти понял – свет предпочтительнее сохранения темноты, и не важно, насколько жуткое присутствие он может обнаружить. Он нащупал на стене за спиной, у двери в спальню, пластиковый прямоугольник, головку крестового болта, а затем и выключатель в середине. Помедлил немного, зная, что истина ждет его приказа, и, переждав дрожь ужаса, холодную, будто сухой лед, включил потолочные светильники в коридоре.

Ничто не ждало его справа, как он боялся, но сразу слева стоял человек в деловом костюме, и лицо его искрилось осколками битого стекла. Хотя нет, его лицо *и было* битым стеклом, без плоти и черт, лишь волосы над ним, уши по бокам, строгая линия челюсти, выступ подбородка. Само же лицо состояло из щетинящихся осколков прозрачного оконного стекла, которые постоянно смещались, словно цветные стекляшки в калейдоскопе: *дзинь-дзинь-дзинь... дзинь-дзинь...*

Расти замер на месте от ужаса, а отлично скроенный деловой костюм внезапно стал паром, туманом, который эта штука впитала в себя, открыв не человеческое тело, а всего лишь нечто наподобие, сделанное из тускло-серой субстанции с прожилками блестящего серебра. Внезапно из разных мест этого тела выдвинулось стекло в виде цветков с острыми лепестками, блестящих сотнями лезвий.

Расти вспомнил звук бьющегося стекла, услышанный раньше с первого этажа, и почувствовал, что дождь звенящих осколков как-то связан с этой странной инсталляцией, хотя и не мог понять, как и почему.

Из места, где должен был находиться рот, оцетинившееся лицо внезапно плюнуло несколькими длинными и острыми осколками, просвистевшими со скоростью выпущенных из лука стрел мимо головы Расти. Они разбились о дальнюю стену в конце коридора.

Расти помчался к лестнице.

* * *

Рой над головой кружил, кружил, жужжал и шипел, и Карсон никак не могла отделаться от мысли, что все люди в этой комнате – всего лишь блюда на шведском столе. Густая туча серых блестящих наноживотных, нуждавшихся в топливе для строения, сейчас обдумывала варианты, сопоставляла имеющиеся материалы с желаемой целью. Предположение, будто у миллиардов этих мелких созданий был какой-то эквивалент вкусовых сосочков и кулинарных предпочтений, конечно, абсурдно. Однако данная колония по самой своей природе была настолько чуждой, что Карсон просто не представляла, как и почему эта штука решает действовать, зато могла проанализировать ее действия и попытаться предсказать следующий шаг, что было возможно лишь при использовании знакомых терминов, какими бы бесполезными они ни казались.

Теория о том, будто атаку спровоцирует движение, не оправдала себя.

Рой внезапно начал вращаться мерцающей спиральной туманностью, которая свивалась в быстро уплотняющуюся форму. Из центра субстанции сформировалось нечто вроде торнадо, ударило в одного из Всадников, парализованного ужасом, как и все остальные, а затем втянуло его целиком, словно желатинового, по воронке торнадо в кипящее над ней облако, не оставив ни ошметка плоти, ни обрывка одежды.

* * *

После того как девять коконов вспыхнули в старшей школе, Салли Йорк и новые Безумные Отморозки забрались обратно в «хаммер» и отправились на поиск очередных проблем.

Брюс Уокер, снова ехавший впереди, теперь был более вовлеченным, более *живым*, чем Салли видел его в последние полтора года, с тех пор как скончалась его Ренни. Что-то в Брюсе умерло вместе с ней, и это было понятно, поскольку их долгий брак являлся не просто привычкой, сложившейся за годы взаимовыгодных отношений, но и выражением истинной любви. Любовь рано или поздно испытывают все, кто открывает свое сердце, однако истинная любовь была редкой и драгоценной вещью, черт ее подери, сокровищем, требовавшим вмешательства судьбы: два сердца, которым судьба предназначала стать одним, должны были найти друг друга среди живущих в мире миллиардов. *Истинная любовь,*

дарованная Богом, была Экскалибуром^[42] эмоций, и коль ее узнаешь с первого взгляда, вытацишь этот благородный меч из камня, жизнь становится величайшим приключением, даже если всю ее провести в одном маленьком городке.

Салли знал любовь, но не истинную. Последняя не определялась готовностью умереть за того, кого любишь. Это была лишь часть истинной любви, малая часть. Черт, да он был готов умереть за женщин, которых любил, за женщин, которых не любил, и даже за нескольких жутких, крайне не нравившихся ему, именно поэтому он и оказался с одним глазом, одним ухом и одной рукой. Истинная любовь означала желание *жить* ради женщины, ставшей второй половиной твоего сердца, работать до седьмого пота в случае необходимости, знать ее мысли как свои собственные, любить ее так, как любишь себя, дорожить ею больше всего на свете до конца твоих дней. *Вот* в чем заключалась истинно мужественная и восхитительная жизнь, с которой не сравнятся и десять тысяч экспедиций на десять тысяч Амазонок!

Салли посмотрел через зеркало заднего вида на Грейс Ахерн, сидящую за ним с юным смелым Тревисом.

– Что это? – спросил Брюс.

Салли, бросив взгляд на писателя, вначале подумал, что вопрос касается его вполне невинного влечения к Грейс. Но Брюс подался вперед, прищурился и глядя куда-то за работающие дворники, сквозь падающий снег.

Перед ними, на улице, стояли мужчина и женщина, в одном ряду, но в шести футах друг от друга, блокируя обе полосы. Они были одеты не по погоде, она – в простом черном коктейльном платье, он – в смокинге. Обоих окутывала аура театральности, словно улица представляла собой сцену, на которой они собирались ставить потрясающее представление, где он был бы иллюзионистом, а она – его помощницей, готовой рассыпаться стаей голубей. Салли затормозил и остановился менее чем в двадцати футах от них, он видел, что они такое, даже в жестком свете фар: невероятно красивые люди, красивее кинозвезд.

Грейс с заднего сиденья промолвила:

– Те же самые. Они как те двое с кухни «Мериуитер Льюис», те, что сказали «Я ваш Строитель», а потом уничтожили всех и свили коконы.

– Нам не нужен этот бой, – заявил Брюс.

Салли включил заднюю скорость, проверил зеркало заднего вида, и, черт побери, на улице за ними оказалась точно такая же парочка. Четверо Строителей, по одному на каждого из сидящих в «хаммере».

Безлюдно и пусто. Безлюдно и пусто. И тьма над глубинами. Так это было, так это будет снова.

Дух двигался над поверхностью глубин, освещенный искусственным светом. Солнце не отвечало на запросы Виктора Безупречного, а потому солнечный свет остался в мире. Но после Коммуны не выживет никто из тех, кто мог бы его видеть, не будет кожи, способной ощутить тепло.

Вознесенный оранжевой капсулой и кислотно-желтой таблеткой на новые высоты мощи и чистоты разума, Виктор шагает, чтобы думать, и размышляет о разрушении мира.

Безупречный провидец, он заглядывает вперед, в то время, когда уже ничто не летает, ничто не шагает, ничто не ползет, не скользит и не плавает, в тот период, когда почти ничто не растет, а то, что растет, – погибает, во время пустых небес, безжизненных земель, мертвых морей.

В приподнятом настроении он подходит к комнате, где состоялась бы весьма интересная встреча с Финансистом, если бы этот дурак не перепутал одну небольшую накладку с катастрофой. Здесь, оставив телохранителей в другом помещении, они бы встретились только вдвоем – поначалу, – чтобы просмотреть график захвата за пределами Рейнбоу-Фоллс и обсудить дополнительно вопросы оборудования, материалов и фондов, которые понадобятся в ближайшие месяцы.

В комнату можно было попасть через маленький вестибюль с двумя пневматическими дверями, которые с шипением одна за другой втягивались в стены. Комната была круглой, тридцать футов в диаметре, с куполом. Толстые бетонные стены и купол потолка покрывала звуконепроницаемая обшивка, многослойная, как тесто, поверх нее располагалась войлочная ткань с тысячами шестидюймовых конусов.

В дни холодной войны параноя являлась необходимым ингредиентом выживания; и даже в этом глубоком бункере, защищенном от ядерного взрыва, укомплектованном самыми надежными патриотами, архитекторы не могли не устроить комнату, из которой ни единого слова не просачивалось ни в коридор, ни в прилегающее пространство и где можно было выстрелить из дробовика, не привлекая к себе внимания. Здесь крики звучали как шепот, но даже шепот был четким, словно крик.

Виктор ожидает увидеть в дальнем краю комнаты серую ширму из восьми тканевых панелей, но отнюдь не трехногий столик с

медикаментами через считанные минуты после предыдущего приема. Столик ждет его за дверью вестибюля, на нем – холодная бутылка воды и черное блюдце. На блюдце – две маленькие белые капсулы, одна желтая капсула чуть побольше, одна пятиугольная розовая таблетка и один голубой шарик размером с конфету «M&Ms».

Это количество и разнообразие усиливающих интеллектуальные способности средств на одном блюдце беспрецедентно. Виктор Безупречный делает вывод: непрерывная телеметрия его великолепных мозговых волн и других физиологических данных оповестила персонал о том, что он находится на грани ментального прорыва, готов достичь новых высот восприятия, возможно поднявшись в реальность идей и мыслей настолько революционных и неизмеримо умных, что поразится даже он сам, хотя его нелегко – почти нереально – удивить. Он запивает все пять штукovin холодной водой.

Радостно предвкушая эффекты инновационных средств, Виктор пересекает комнату, доходит до ширмы и откатывает ее в сторону. На медицинской каталке лежит обнаженный репликант, его глаза закрыты, он в своего рода коме, ждет призыва к исполнению долга. Его внешность идентична внешности Финансиста, который не вышел бы живым из этой комнаты. При всем своем богатстве и власти дурак так и не понял, что, имея всего лишь один волосок, его можно скопировать и заменить. К чему лицемерить перед ним, выпрашивать новые фонды, новую поддержку, если замена его послушным коммунитарием гарантирует немедленную поставку всего необходимого?

За спиной Виктора глубокий, немного резкий, но сглаженный комнатой до кристально-чистого шепота голос произносит:

– Я доволен.

* * *

В надежде отвлечь от хозяйской спальни плюющееся осколками существо со стеклянным лицом, заманить его подальше от Коррины и чердака, Расти помчался вниз по лестнице. Освещенный коридор остался позади, впереди был лишь размытый метелью свет фонарей, подсвечивавший окна первого этажа, но не проникавший дальше. Насколько Расти знал, он вполне мог спускаться прямо в объятия женщины в синем халате или чего-то вроде нее, а возможно, и чего-то невероятно более странного.

В фойе парень не раздумывая включил свет. И обнаружил, что он один.

Существо со стеклянным ликом спускалось по лестнице, преследуя его, Расти шагнул ко входной двери, почти открыл ее, но отшатнулся, увидев лицо того, кто стоял под одним из боковых светильников, освещавших крыльцо.

У киноэкранно красивого парня была настолько располагающая улыбка, что он мог бы продать что угодно кому угодно, даже надежду мертвым. Расти не сомневался – это один из восьми маршировавших по улице ранее.

Существо со стеклянным лицом упало с лестницы, разбилось, и Расти, обернувшись, увидел, как искрящиеся осколки твари ссыплются на нижний лестничный пролет. Осыпавшись, осколки каким-то образом собрались во множество миниатюрных стеклянных человечков разного размера. Их конечности, отламываясь на ходу, оставались на ступеньках и вибрировали там. Примерно дюжина добралась целой до фойе, где расплзлась и захромала в разные стороны, возможно пытаясь его найти, но не видя. Это продолжалось, пока человечки не столкнулись, не звякнули и не разлетелись на кусочки.

Война ни разу не приводила Расти Биллингхема на грань безумия, однако нереальные события сегодняшнего вечера с каждой минутой отталкивали его все дальше от спокойного центра разума куда-то на периферию. Он знал, это не галлюцинации, и все же увиденное противоречило здравому смыслу и предполагало бред, причем горячечный.

Стеклянные фигурки не могли ползать и ходить наподобие вот этих. Когда они разбивались друг о друга, фрагменты не дрожали и не дергались, словно обезглавленные живые тела. Но эти стеклянные конечности, торсы и головы трепыхались, разбиваясь все сильнее и сильнее, пока внезапно не замерли.

Если чудовище со стеклянным лицом было такой же машиной убийства, как женщина в синем халате, то что-то его уничтожило.

В дверь снова позвонили.

Расти собирался пройти по коридору на кухню, надеясь сбежать через заднюю дверь и увести этих тварей подальше от дома. Но что-то вышло из темной гостиной, блокировав путь к отступлению.

И сознание Расти двинулось от пригорода разумности к самой границе.

Виктор Безупречный обладает полным объемом воспоминаний изначального Виктора. Следовательно, ему знакомо значение слов, произнесенных за его спиной: *«Я доволен»*.

Более двух веков назад, вскоре после того, как Девкалион убил невесту Виктора Элизабет на берегу озера Комо, великий ученый и создатель народов вернулся в Женеву. Там, однажды ночью преклонив колени на кладбище, он клялся отомстить, а его создание насмешливо сказало ему из темноты: *«Я доволен, несчастный ты грешник! Ты решил жить, и я доволен»*.

Девкалион имел в виду, что его создатель будет страдать так же сильно, как он, и страдание продлится до конца их жизней. Виктора будет мучить его утрата из-за собственной гордости и неразумных исследований, а Девкалион испытает страдания оттого, что он навеки останется аутсайдером, единственным в своем роде.

Виктор Безупречный поворачивается и видит гиганта, который был оживлен за несколько веков до того, как возник он сам, чтобы заменить изначального Виктора в Новом Орлеане. Он не испытывает ни капли страха. Вместо страха оживляется его выдающийся интеллект, и его любопытство становится острым, как скальпель.

Девкалион говорит:

– Давным-давно ты рассказал свою историю Роберту Уолтону, человеку на борту того скованного льдами Арктики корабля. Мэри Шелли использовала его письма и дневники для своего рассказа. Уолтон сказал, что ты умер на корабле, и сфабриковал отвратительную историю о том, что я был у твоего смертного ложа и почувствовал угрызения совести. Сколько ты заплатил Уолтону за ложь о твоей смерти на корабле?

– Не я, – отвечает Виктор Безупречный. – Твой создатель заплатил ему, и весьма щедро. Ты забываешь, что я не тот, кто создал тебя. Я лишь его клон.

– Ты – он, в той же мере, что он был собой, – настаивает гигант. – Он в тебе, все его знания и все его грехи. Ты концентрированный он. Используя наивного Уолтона, ты подал себя миру как небезупречную, но сострадательную, любящую, благородную личность, познавшую страдания и полную решимости исправить сотворенное зло. Всякий раз, когда я читал твой рассказ ему, страницы *воняли* твоей фальшивой смирностью, выраженной настолько пространно, что вся неискренность ее обличалась в

ее чрезмерности.

Существо приближается и с каждым новым шагом кажется все больше. Но Виктор Безупречный не отступает. Он не знает как. К тому же он неуязвим для этого существа.

Девкалион говорит:

– Страницы *разят* твоей бездонной жалостью к себе, так плохо замаскированной под раскаянье, лицемерием твоего многословного самобичевания, притворством покаяния, которое исходит от материалиста, не верящего в Бога, а потому не может быть искренним, это лишь отчаянье при виде последствий твоих действий. Много веков я был чудовищем, а ты – прекраснодушным идеалистом, утверждавшим, что исправил бы сотворенное, будь у тебя шанс. Однако подобные тебе никогда ничего не исправляют. Вы совершаете одно и то же зло, вновь и вновь, со все большим рвением, принося еще больше страданий, потому что вы *не способны признать ошибку*.

– Я не ошибаюсь, – уверенно убеждает его Виктор Безупречный. – Как не ошибался и твой создатель.

Нависая над ним, гигант говорит:

– Ты мой создатель.

– Это *твоя* ошибка, которую ты не способен признать. Я не Виктор, я Виктор Безупречный.

Девкалион кладет ладони на плечи Виктора, сжимая их с силой, которую невозможно сбросить или преодолеть.

– Когда-то я был чудовищем, которым ты меня создал, – говорит гигант. – Полным ярости и жажды убийства. Но молния даровала мне свободу воли... и я переделал себя за эти века. Я больше не чудовище. Между тем ты все тот же монстр, каким был.

– Отпусти меня, – требует Виктор.

Гигант ничего не отвечает, но странный свет пульсирует в его грозных глазах.

– Взгляни на себя в зеркало, – предлагает Виктор. – Ты хочешь, чтобы нормальная половина стала такой же увечной, как и вторая? Или мне заставить твой череп сжаться и уничтожить тебя навсегда?

– У тебя нет той власти надо мной, что была у него.

– О, – не соглашается Виктор, – я вполне уверен, что есть.

Воронка с торнадо наноживотных втянула Всадника с пола, растворяя его по пути, и впитала в рой, от которого темнел воздух у потолка, зловеще расползаясь спиралями над большей частью гостиной, увеличившись теперь от массы поглощенной жертвы.

Между тем Карсон и другие до сих пор не двигались, все еще боясь, что стóбит им пошевелиться – и они сами сделают себя мишенями.

Рой загудел, как прежде, мрачно и насыщенно, словно грозовые тучи, готовые разродиться дождем. Затем облако начало извергать из себя нечто невероятное, будто выплевывая: человеческую ногу со ртом на подъеме, скрежещущими зубами; то, что казалось парой почек, оседлавших бьющееся сердце; гротескно огромный нос с пальцами, подергивающимися из ноздрей... На ковер упала кисть руки, на тыльной стороне которой, высоко, как у краба, располагались вполне человеческие глаза. Рука поползла по полу, беззубая, но все равно пугающая, и Карсон крикнула: «Майкл!», – но он уже понял то, что побудило ее кричать. Он уже выводил троих детей в соседнюю гостиную.

Если их удастся увести на кухню, то между ними и столовой окажется дверь, и еще одна между тварью и нижним холлом. Можно попробовать отрезать рой, держаться от него подальше.

Они почти добрались до середины столовой, когда из двери кухни начали пятиться женщины в передниках. Еще один Строитель проник в дом с другой стороны.

* * *

После того как Сэмми Чакрабартти стал свидетелем неудачной попытки штурма KBOW, он был не в настроении праздновать. Он знал, что худшее впереди. И неустанно обходил крышу по периметру, наблюдая за всеми направлениями сразу.

Больше всего Сэмми волновала задняя часть здания, за которой навстречу снегу поднималась трансляционная вышка. В пятидесяти ярдах за ней был небольшой лесок, за ним лужайка, а за ней мотель. Сэмми не видел ни огней мотеля, ни лужайки за высокими соснами, но считал, что под прикрытием этих деревьев к станции очень легко подобраться пешком.

Он стоял за зубцами и смотрел в сторону леса, когда на парковку с ревом влетел грузовик. Сэмми метнулся по крыше на свою изначальную позицию, упал на колени за парашютом и сквозь бойницу увидел людей – или существ, напоминающих людей, – которые выбирались из белого

кузова и синей кабины. У некоторых было оружие, и они начали поливать здание очередями.

Сэмми открыл по ним огонь из «Бушмастера».

* * *

Чиф Рафаэль Хармильо и его помощник Нельсон Стернлаген, равные во всем, как и положено коммунитариям – а потому на самом деле никто из них не вел и никто не следовал, – привели двух Строителей через сосновый лес за KBOW. У Хармильо были запасные ключи Уоррена Снайдера, но он без промедления отдал бы их Стернлагену, если бы по какой-то причине эффективнее оказалось открыть черный ход именно руками помощника.

Они остановились на краю леса, дождались звуков стрельбы, а затем торопливо прошли по снегу к радиовещательной башне.

* * *

Двое Строителей перед «хаммером» начали приближаться к нему, двое стоявших сзади тоже двинулись вперед. Они шли не рыча, не спеша, но улыбаясь и со странной неторопливостью, свидетельствовавшей об их уверенности в собственной победе.

Салли Йорк никогда не стремился защищать свою позицию, если был хотя бы шанс атаковать из нее. Нет никого мертвее чудака, который не готов рискнуть всем, когда всему угрожает опасность.

Брюс Уокер, вроде бы умевший глубоко погружаться в сознание героев своих вестернов, а потому знающий внутренний механизм мыслей Салли, сказал:

– Давай.

Пусть это и были машины убийства, а вовсе не люди, чей облик они приняли, Салли все равно предпочел переехать мужчину в смокинге, а не женщину в черном коктейльном платье, потому что рыцарство длиною в жизнь не так уж просто отставить в сторону.

Уверенный в отличном сцеплении и погодной устойчивости «хаммера», Салли выжал газ, и большой внедорожник рванулся вперед без пробуксовки. Сукин сын в смокинге даже не попытался уклониться, как сделало бы большинство таких трусливых красавчиков. «Хаммер» ударил его всерьез, внутри всех мотнуло, но затем произошло то, из-за чего

красавца все же можно было принять за иллюзиониста, которым он притворялся.

Строителя не сбilo с места, он устоял, а вот внедорожник разошелся, *растворился* вокруг него. Мотор заглох, возможно, и вовсе исчез, фары сдохли, остатки автомобиля, вздрогнув, замерли. Строитель стоял теперь прямо перед лобовым стеклом, в центре стальных тисков оставшихся частей «хаммера», и улыбался по-акульи, словно говоря: «Удар был чертовски вкусным, спасибо большое». Он прижал руку к лобовому стеклу, и Салли Йорк впервые в жизни подумал, что приключения закончились: стекло растворится, Строитель ворвется внутрь, их всех ликвидируют и замотают в коконы.

Вместо этого красавец-фокусник нахмурился, открыл рот, будто подавился, и его стошнило горстью приводных ремней. Рука, лежавшая на ветровом стекле, вдруг стала переплетением запальных свеч и электропроводки. Смокинг замерцал, исчез, и мгновение спустя сходство с человеком испарилось. Он превратился в нечто вроде твердой серой массы, грубо повторяющей человеческий контур, но из него торчали разные части мотора, словно скульптор решил собрать свой шедевр на свалке.

Салли интуитивно понял, что Строитель перестал функционировать, как машина, которую могло заклинить, попади металлические штыри в ее шестерни. Они были спасены.

С другой стороны, «хаммер» теперь бесполезен, а их окружали еще три Строителя.

* * *

Обнаженная женщина, вышедшая в фойе из темной гостиной Коррины Рингвальд, не была блондинкой, как обладательница синего халата, она оказалась брюнеткой еще более ослепительной красоты, нереальнее той, что придают голливудским звездам пластические хирурги, ботокс и фотошоп. Выйдя на свет и дав Расти возможность полюбоваться ее физическим совершенством, она изменилась: нос провалился в череп, лицо начало втягиваться в ту же дыру, голова исчезла из виду, втянувшись в обрубок шеи.

За спиной Расти, отчаянно пытавшегося воззвать к остаткам собственного здравого смысла, звонили в дверь.

Лицо брюнетки проступило на животе безголового тела, груди теперь казались рогами, нависшими выше бровей. Глаза у нее были зелеными и

пронзительными, а голос триумфальным и чувственным, когда она произнесла:

– Я твой Строитель.

* * *

В схватке с Девкалионом, уверенный в своей власти над гигантом, Виктор все же решает сменить тактику:

– Почему ты защищаешь их род? Они хуже тебя. Они относятся к одинаковому виду, все их народности, и всё же ненавидят один другого, строят взаимные заговоры, воюют друг с другом.

– А некоторые готовы умереть друг за друга, – говорит Девкалион.

– Да, из-за чего-то, называемого долгом, и чего-то, именуемого любовью, – что суть концепции, а не реальность. Ты не можешь отрицать того, что они живут ради похоти, алчности, зависти, ради оправдания жестокости этой завистью, ради поисков власти друг над другом и возможности безжалостно ее применять.

– Большинство из них иные, – говорит гигант. – Но среди них есть такие, как ты, Виктор, живут, чтобы сбивать их с пути вновь и вновь, становиться их вероломными политиками, уставшими от самих себя интеллектуалами, самовлюбленной элитой, которая соблазняет их отойти от лучших черт своей природы. В этом мире есть змей, и ты, служитель его, провел всю жизнь – все жизни, – распространяя яд этого змея.

Виктор знает, что прав в данном споре, а потому не медлит продолжить дискуссию лицом к лицу:

– Они считают себя особенными, часть себя бессмертной, но подумай о мире, который они создали, о выгребной яме пороков и самолюбия, о хлебе с червями, о гротескных цирках, что год от года становятся все ужаснее. Они утверждают, будто в жизни есть смысл, но при этом гоняются лишь за бессмысленным удовольствием.

– Потому что пекут для них хлеб с червями и пишут программы для этого цирка подобные тебе. Ты повторяешь все тот же избитый спор.

– Но если не по иной причине, – говорит Виктор Безупречный, – то наверняка столь древний, мудрый и образованный индивид, как ты, должен ненавидеть их за бунтующую натуру, за то, что каждая личность отличается от других, за безбрежное мутное море, где нет организации даже на уровне муравейника, где все разит эксцентричностью, бесконечным разнообразием страстей и преубеждений, симпатий и антипатий, где есть лишь...

– ...надежды и мечты, – продолжает Девкалион.
– ...причуды и бессмысленные особенности...
– ...очарования и таланты, – говорит Девкалион, – благословения и дары.

В ожидании того, что ментальная сила вот-вот воспарит в беспрецедентные высоты, как только сработает последний набор медикаментов, Виктор Безупречный даже не пытается вырваться, он лишь поднимает руку к неповрежденной половине татуированного лица, касается ее осторожно, как любящий отец мог бы коснуться лица ребенка, и Девкалион не отшатывается от прикосновения.

– Ты наверняка видишь, – говорит Виктор, – что они никогда не смогут быть едины, работать как один, объединиться без разграничения ради общего величия. Они никогда не пожертвуют своей индивидуальностью во имя процветания расы, никогда не подчинят свои разум и сердца единой цели, а оттого не покорят природы и Вселенной навечно.

– Господь их от этого упаси, – говорит Девкалион.

А затем начинается происходить нечто удивительное и неприятное.

* * *

Девкалион не ведал, как будет проходить казнь, он знал лишь, что этот Виктор, сам себя называющий Безупречным, погибнет, забрав с собой все свои злобные творения.

Конец всему наступил, когда гигант почувствовал пульс света в своих глазах. Вначале он видел это явление лишь в зеркалах или на поверхности спокойной воды. Теперь холодные белые волны света плясали на запрокинутом лице Виктора. В испуганных глазах клона пульсировал иной свет, не глубинный – лишь отражение сияющих глаз палача.

Внутренним слухом Девкалион различил грозу – и не только – той ночи, когда был рожден из мертвых: нарастающие раскаты грома встряхивали небеса, словно угрожая обрушить их, как землетрясение стены склепа; урчание и гудение таинственных машин эхом отражалось от стен старой мельницы, крики боли гиганта, когда он сопротивлялся своему создателю, и триумфальные крики творца – безумная какофония. А затем он снова увидел в памяти то первое, что узрел, открыв глаза в ту давнюю ночь: колоссальный разряд цепной молнии, превративший тьму за окнами мельницы в сияющий день, искрящийся на кабелях собранных Виктором демонических механизмов. Не просто обычная молния обычной грозы, но

молния небывалой силы, *свет живой*.

И теперь Девкалион ощущал тот же поток грубой силы, несущийся сквозь него, по рукам в ладони, в тело этого Виктора Безупречного. Одежда безумца вспыхнула и запылала, но пламя не обжигало руки гиганта. Кожа Виктора почернела и начала облезать клочьями, глазницы запылали огнем, пламя высунуло язык изо рта, и через несколько секунд он выпал из хватки Девкалиона, превратившись в пепел и фрагменты обгоревших костей.

Два с лишним столетия его продвижения к утопии подошли к концу. Единственная значимость, которой добился Виктор, заключалась в жертвах, исчислявшихся тысячами. Но и это казалось пустяком в сравнении с деятельностью Гитлера, Сталина, Мао и остальных, убивших десятки миллионов. Под всеми своими именами – Лебен, Гелиос, Франкенштейн – Виктор оставался маленьким человеком с ничтожными идеями, великими лишь на серебристом экране театра его воспаленного разума.

Пока Виктор горел, на каталке неподалеку попыталось подняться обнаженное тело репликанта, но оно содрогнулось и снова упало замертво. До этого момента Девкалион не сознавал, что данный коммунитарий был дубликатом президента Соединенных Штатов.

* * *

Когда три Строителя приблизились к пострадавшему «хаммеру», Салли Йорк сказал:

– Черта с два я им позволю все вот так закончить. Брюс, давай устроим гадам настолько сильное несварение, чтобы Грейс и Тревис успели в это время убежать.

Он распахнул водительскую дверцу, а затем, издав приглушенный боевой клич, выскочил под снег, вооруженный пистолетом и жизненным опытом выживания в безнадежных ситуациях. Он слышал, как Брюс выбирается из пассажирской двери, и подумал: «Ей-богу, здорово надирать уродам задницы, когда твоя прикрыта добрым другом».

Он почти испытал разочарование, ведь, прежде чем бой смог начаться, Строители одновременно обрушились на землю грудами того, что казалось, но определенно не было гравием.

* * *

Чиф Хармильо и помощник Нельсон Стернлаген под рокот выстрелов дошли до задней двери KBOW. Двое Строителей следовали за ними. Хармильо передал ключ Стернлагену – он сам не знал почему, – Стернлаген отдал его обратно, и оба секунду стояли, глядя на железку в руке чифа. Вставить ее в замок они не успели.

* * *

Лицо в животе безголовой женщины заявило:
– Я твой Строитель.

Рот широко распахнулся, а затем из него хлынул поток серебристо-серой массы – застывшей в дюймах от лица Расти, задрожавшей в воздухе и рухнувшей на пол, как и безголовая женщина. Фигура, являвшаяся невероятно грозной, теперь оказалась безвредной кучей... чего-то.

Расти с дико колотящимся сердцем отметил, что фрагменты стеклолицего существа продолжали рассыпаться, пока не замерли кучками того, что могло быть песком, но, скорее всего, им не было. И в дверь больше никто не звонил.

Включив светильник над крыльцом, Расти неохотно прижался лицом к окну. На крыльце никого не было.

Когда он открыл дверь, красавца с улыбкой в стиле «я могу продать все» там не оказалось. Как и ничего, кроме еще одной странной кучи... чего-то.

Расти стоял на холоде на крыльце и вслушивался в ночь. Выстрелы не звучали. Крики тоже. Роты моделей не маршировали по улице. Появилась красивая пара немецких овчарок, больше не испуганная, псы просто гуляли, принюхиваясь ко всему, что попадалось им по пути. Одна из овчарок вдруг упала на спину в свежевывавший снег и начала в нем кататься, радостно болтая лапами в воздухе.

Кошмар закончился так же внезапно, как и начался.

Возвращаясь в дом, Расти повторял:

– Коррина, Коррина!

Все время твердил ее имя, шагая по лестнице. А к тому времени, как он добрался до спальни, Расти уже *пел* его.

* * *

За главным компьютером Улья, в комнате, замусоренной телами созданий Виктора, Девкалион несколько часов работал как одержимый, которым в некотором роде и являлся. В этом состоянии одержимости он творил чудеса с кладезями данных, уничтожая все, что касалось непосредственного *творения* коммунитариев и Строителей, но оставляя все доказательства того, что сделал Виктор.

В отличие от Рейнбоу-Фоллс, телефоны Улья все еще работали. С легкостью, подтверждавшей, что он действует не один, Девкалион смог связаться с журналистом главной сети кабельных новостей, внушавшим доверие, после чего открыл ему все файлы, которые успел отредактировать.

* * *

Карсон и Майклу пришлось выйти из дома скорби, где погибли четверо прихожан Церкви Небесных Всадников – двое мужчин, одна женщина и ребенок. Карсон, как и Майкл, знала: они никак не могли спасти эту маленькую девочку, никто не в состоянии был ее спасти от двух колоний наноживотных, которых не брало ни одно оружие.

Они вместе шагали в утренних сумерках под огромными соснами, окружавшими собственность Сэмплсов. Ранний утренний свет, чистый и золотой, тут и там пронизывал густые лапы деревьев, выхватывая участки земли, до которых добрался снег, и оставляя темными те, что покрывали только мертвые иглы.

Метель закончилась до рассвета. Теперь приближающийся рокот вертолета становился все громче, громче, пока не прошел над головой, скрытый кронами деревьев. Она предполагала, что это будет вертолет полиции штата Монтана – или другого штата, другой службы. Вскоре в небе окажется полно вертолетов, а пути в город захлебнутся потоком машин – явятся те, кто среагирует первым, а также СМИ.

Карсон была невыразимо благодарна за то, что выжила, что идет рука об руку с Майклом, но как никогда раньше ощущала некоторую вину, ведь она жива, в то время как столько людей погибло. Добрый, заботливый муж, обычно быстро переводящий все в шутку, не мог развеселить ее сейчас, но, не будь его рядом, она бы окончательно пропала.

Они прошли мимо массивных стволов двух альпийских пихт, и к ним оттуда, где секунду назад его не было, шагнул навстречу Девкалион. Встретились они в луче света.

– На сей раз все закончилось навсегда, – сказал гигант.

– Мы и раньше так думали, – напомнил ему Майкл.

– Но в этот раз не осталось ни тени сомнения. Ни единой. Я чувствую, как меня... отзывают. Я должен был понять после Нового Орлеана, что, если все на самом деле закончится, мое путешествие в этом мире тоже подойдет к концу.

– А теперь? – спросила Карсон.

– Оно заканчивается даже сейчас, – ответил он. – Я вернулся лишь затем, чтобы успокоить вас, сказать, что Франкенштейн ушел в историю и ваши жизни больше никогда не соприкоснутся с его. Будьте счастливы и живите в покое. А теперь мне пора идти.

Майкл потянулся к его руке.

Гигант покачал головой:

– Я не пришел прощаться. Не существует такой вещи, как прощание навсегда.

Шахту света закрыла туча, поэтому тень легла на всех.

Девкалион сказал:

– До новой встречи, – и отвернулся от Карсон и Майкла.

Она ожидала, что он исчезнет на повороте, но на сей раз он не стал уходить в привычной для себя манере. Он зашагал сквозь утренние сумерки под деревьями, однако не исчез, словно тень в тенях. Вместо этого, по мере того как он удалялся в лес, Девкалион начинал сиять, вначале слабо, затем ярче, ярче, пока не стал сияющей фигурой, явлением из чистого свечения. Достигнув шахты света вдалеке, он вошел в нее, растворился – и пропал.

Спустя девять ночей после того, как Девкалион доставил в аббатство Святого Варфоломея фургон с детьми, через пять дней после отправки их в автобусе домой, вскоре по прошествии семи часов холодного октябрьского вечера брат Сальваторе, известный также как брат Костяшки, вышел во двор гостевого крыла и остановился там, глядя в ночное небо, на котором не сияли звезды. Снег начался ровно в семь. Брат Сальваторе долго стоял во дворе, не чувствуя холода.

* * *

В начале декабря было пять свадеб. Сперва предполагались отдельные торжества, но после 3 298 смертей городок Рейнбоу-Фоллс нужно было ободрить и мотивировать к продолжению жизни. Ни один человек не мог припомнить, кто первым предложил групповую церемонию и как все согласились. Священники разных вер договорились о том, каким образом пройдут все ритуалы, церковь была забита до предела, и две тысячи людей собрались на площади снаружи послушать трансляцию из портативных динамиков и разделить радость с новобрачными.

Салли был слишком стар для своей невесты, этот факт никто не отрицал бы, но ни один из его шаферов – ни Тревис, ни Брюс – не простили бы того, кто сказал бы это вслух. Никто не сказал. Все невесты были красивыми, но ярче всех Грейс и Эрика – невеста Эддисона Хока. А больше всего Салли понравился момент – помимо «согласна» от Грейс, – когда молодой Расти Биллингхем запел Коррине песню, которую написал для нее.

* * *

Как одного из героев – и очень колоритного, – мистера Лисса часто приглашали на интервью. Люди хотели платить ему за то, что он расскажет им свою историю, но он рассказывал бесплатно. И Намми из-за этого гордился стариком.

Они продали маленький бабушкин домик. Когда выяснилось, что

мистера Лисса в свое время называли дипломированным общественным бухгалтером и что он надеется вернуться к этой работе, бабушкин адвокат, присматривавший за наследством Намми, перестал относиться к старику с таким подозрением. К тому же мистер Лисс действительно хорошо отмылся. Иногда Намми думал, что мистер Лисс почти уже не выглядит как мистер Лисс, а выглядит он как мистер Чипс в старом фильме про школу для мальчиков.

Поэтому вначале мистер Лисс отвез Намми взглянуть на теплое место с пальмами и всем прочим, и оно называлось Калифорния. Они остановились в маленьком мотеле, где Намми все было в диковинку, а потом мистер Лисс купил лотерейный билет. Он всегда говорил, что в бумажнике у него лежит выигрышный билетик, но это оказалось неправдой. Неудивительно. Однако мистер Лисс старался больше не врать, и в основном у него получалось. И ему не пришлось врать, когда новый билетик выиграл. Гигант в KBOW сказал Намми, что через пятьдесят дней все изменится, и оно изменилось, стоило мистеру Лиссу выиграть больше денег, чем Намми смог бы сосчитать за тысячу лет.

Мистер Лисс купил дом с видом на море. Они с Намми проводили много времени во дворике, разговаривая обо всем на свете, и это было здорово. Мистер Лисс купил Намми настоящую собаку вместо игрушечной, которая была у него раньше. Эта собака не разговаривала, если ее потянуть за кольцо на спине, но с ней было веселее, чем с игрушечной. А самое лучшее, наверное, это то, что мистер Лисс привез бабушкино тело из Рейнбоу-Фоллс и похоронил ее снова, на кладбище с пальмами, так близко, что теперь они могут навещать ее каждую неделю.

Во время скромной службы, когда бабушку хоронили во второй раз, мистер Лисс сказал такое, чего Намми не понял, а мистер Лисс не стал объяснять. Старик взглянул на гроб в ее могиле и промолвил:

– Мэм, я никогда не смогу в достаточной мере отблагодарить вас за то, что вы для меня сделали. Никто за всю мою жизнь не делал для меня так много. Вся радость существования до конца моих дней – это ваша заслуга.

Намми совершенно ничего не понял, потому что бабушка умерла задолго до того, как мистер Лисс приехал в Рейнбоу-Фоллс. Она даже не была знакома со стариком. Но мистер Лисс говорил так искренне, что, когда он произносил слова, его глаза наполнились слезами.

Вот это и называется загадкой.

Когда пришли журналисты, Джоко решил, что в жизни снова будут одни палки. Палки, ведра и трости. Люди, бьющие его зонтиками. Он и представить себе не мог, что станет звездой телешоу для детей. Знаменитым по всей стране. «Прыгаем с Джоко!» А лучше всего было то, что они снимали в Рейнбоу-Фоллс. Привезли к нему студию. Не пришлось переезжать из милого маленького дома в Голливуд. Голливуд: «Бе. Фу. Гха-а-а. Гха-а-а. Кхе. Фе. Фа. Фу». И шапки! У него были сотни забавных шапок с бубенчиками, одна лучше другой! Он жил с Эрикой и Эддисоном, а еще с принцессой Крисси, и всегда будет жить. Но у него появился первый в жизни лучший друг, который был еще и продюсером и режиссером его звездного телешоу. Сэмми Чакрабартти! Телегений! Пятьдесят восемь килограммов восхитительных идей! Сложно поверить, что Джоко когда-то был опухолью. Жил в канализации. Ел мыло. Жизнь – странная штука. И замечательная.

* * *

В марте следующего года, выключая прикроватную лампу, Карсон сказала Майклу:

– Спокойной ночи. Ах да, и мы беременны.

Он вздохнул:

– Ну вот. А я так глупо выгляжу в одежде для беременных.

notes

Примечания

1

Каутеризация – здесь: прижигание, нанесение ожогов на различные участки тела. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

2

Репликant – андроид, имеющий полное сходство с определенным человеком.

Аушвиц – концентрационный лагерь и лагерь смерти, немецкое название Освенцима.

Гóлем – персонаж еврейской мифологии, искусственный человек, созданный из глины для исполнения разных черных работ, трудных поручений и пр.

Каджуны – своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана, а также в прилегающих округах южного Техаса и Миссисипи. В рецептах каджунской кухни обязательно присутствуют три неизменных компонента – сельдерей, лук, перец и приправы. Все ингредиенты доводятся до готовности как можно быстрее, чтобы сохранить питательные вещества; основной гарнир – рис.

Зидеко – народный танец с быстрым темпом, популярный среди креольского и каджунского населения.

Ковбойской шляпе.

Компьютерных антивирусных программ.

Дословно: Джокодумаетожизни. ком. (*Примеч. перев.*)

10

Чиф (*англ.* chief) – шеф, начальник.

Кермит – лягушонок, один из главных персонажей «Маппет-шоу», англо-американской телевизионной юмористической программы с куклами-маппетами, созданной Джимом Хенсоном и выходившей в эфир в 1976–1981 годах.

Синдрома навязчивых состояний.

Мерцающих.

Лладро – знаменитый испанский фарфор, женские фигурки из которого отличаются особой изысканностью, тонкостью исполнения и нежностью красок.

Frost (англ.) – мороз. (Примеч. перев.)

Донни Осмонд (1957 г. р.) – американский певец и актер, в прошлом идол подростков. Мари Осмонд (1959 г. р.) – американская певица и актриса.

Анатомическая табакерка (*лат. fovea radialis* – лучевая ямка) – треугольное углубление у основания большого пальца между сухожилием его длинного разгибателя и сухожилиями его короткого разгибателя, а также длинной отводящей мышцы.

Моляры – шестые, седьмые и восьмые зубы постоянного ряда с левой и правой стороны челюсти, находятся позади премоляров. Премоляры – зубы, расположенные в зубном ряду с обеих сторон челюстей за клыками перед большими коренными.

Общество Красных Шляпок – общественная организация женщин в США, которые решили жить полноценной жизнью, несмотря на почтенный возраст. Ранее в нее принимали при достижении 50-ти лет, в последние годы – всех желающих.

Скимитар – сабля (ближневосточная, североафриканская, центральноазиатская).

Английская пословица *beauty is in the eye of the beholder* – о вкусах не спорят.

Тонто – вымышленный персонаж, спутник Одинокого Рейнджера, вместе с ним появлявшийся в большом количестве американских телевизионных вестернов, радиопостановок и романов.

Денник – отгороженное помещение в конюшне, предназначенное для содержания лошадей без привязи.

Мохандас Карамчанд (Махатма Ганди) (1869–1948) – индийский политический и общественный деятель, один из идеологов и руководителей движения за независимость Индии от Великобритании.

Пандемониум – собрание злых духов, царство сатаны.

«Лига плюща» – ассоциация восьми старейших университетов Америки: Гарварда, Принстона, Йеля, Брауна, Колумбии, Корнелла, Дартмута и Пенсильвании. Считается эталоном престижности высшего образования в США.

Системы отслеживания ошибок.

Ферма – здесь: плоская конструкция, состоящая из соединенных между собой отдельных стержней или дисков, перекрывающая отверстие между опорами и передающая на последние воспринимаемую ею нагрузку.

Круглые бисквитные пирожные с кремом между коржей. (Примеч. перев.)

Летающий диск.

Охотничье метательное оружие, состоящее из нескольких ремней или цепей, на концах которых находятся грузы. (*Примеч. перев.*)

Мурал – настенная живопись.

Имеется в виду Святой Христофор – святой мученик, почитаемый Католической и Православной церквями, живший в III веке (либо на рубеже III–IV веков). Одна из легенд гласит, что Христофор был римлянином огромного роста, изначально носившим имя Репрев. Другие легенды говорят, что его именем было Offero и он родился в Ханаане.

Финикийцем.

Девкалион – согласно древнегреческой мифологии, сын Прометея, царь Фтии в Фессалии, супруг Пирры. Они с женой одни спаслись от потопа, которым Зевс истребил род человеческий, на корабле, построенном по совету Прометея. Проплавав 9 дней, Девкалион и Пирра высадились на горе Парнасе. По указанию Фемиды, они стали бросать через плечо «кости матери», т. е. камни Земли, причем камни, бросаемые Девкалионом, превращались в мужчин, а бросаемые Пиррой – в женщин. Таким образом снова населилась Земля.

Букер – менеджер модельного агентства, занимающийся организационными вопросами и продвижением моделей; также собирает заказы от клиентов и представляет им «новые лица»; здесь – продюсер.

Арпеджио – способ исполнения аккордов на фортепиано, некоторых клавишных (ксилофон, вибрафон) и струнных инструментах, при котором звуки аккорда следуют один за другим.

Пол Ревир – прославленный герой американской революции. Известен тем, что предупреждал повстанцев о приближении британских контингентов. (*Примеч. перев.*)

Здесь: нарушение мышечного тонуса.

Бункер.

Герой знаменитого триллера Альфреда Хичкока «Психо». (*Примеч. перев.*)

Экска́либур – легендарный меч короля Артура, которому часто приписываются мистические и волшебные свойства.